

В номере:

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Наследие империи

4 Р. ШЕВЧЕНКО

Молдавское национальное движение XIX в. – каким оно было? Заметки на полях новой книги В.Я. Гросула

Обобщающие исследования

13 А.В. ГОЛУБЕВ

В поисках вневходимости. Рец.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.

24 Д.В. ЛИВЕНЦЕВ

К проблеме понимания категории «легитимность» в юридической науке. Рец.: Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.

Мир

28 О.В. ХАВАНОВА

Рец.: Vermes G. From Feudalism to Revolution: Hungarian Culture and Politics in the Habsburg Monarchy, 1711–1848. Budapest, 2014. 388 p. [Вермес Г. От феодализма к революции: Венгерская культура и политика в Габсбургской монархии, 1711–1848 гг. Budapest, 2014. 388 с.]

33 Е.В. СУРОВЦЕВА

Новая книга об английском литературном быте. Рец.: Зыкова Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013, 232 с.

37 А.И. РУПАСОВ

О «заговорившей дремавшей совести». Рец.: Чернявский Г., Станчев М., Тортика (Лобанова) М. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014. 557 с.

44 Б.С. НОВОСЕЛЬЦЕВ

Рец.: Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: Роспэн, 2013. 624 с.

Российская империя

- 48 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ** *Рец.: Витухновская-Кауппала М.А. Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с., ил.*
- 54 **Е.В. ГОДОВОВА** *Современная историческая наука об эволюции российской бюрократии в позднимперской России. Рец.: Lyubichankovskiy S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. With Foreword by Kimitaka Matsuzato. New York: The Edwin Mellen Press, 2014. 86 p.*
- 59 **Е.С. КРАВЦОВА** *Рец.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.*
- 63 **О.Б. ЛЕОНТЬЕВА** *Рец.: Суслов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии: Монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 488 с.*
- 67 **А.В. ЛЯМЗИН** *«Энциклопедия башкирской военной жизни». Рец.: Рахимов Р.Н. На службе «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 554 с.*
- 72 **А.Ю. СУСЛОВ** *Рец.: Аврус А.И., Новиков А.П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 300 с.
Рец.: «Мы, русские, – другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Публ., вступ. ст., подгот. текста и комм. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова [науч. ред. проф. И.Р. Плева]. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2014. 412 с.*
- 78 **А.А. ТЕСЛЯ** *Разные ракурсы. Рец.: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.*
- 84 **М.В. БАТШЕВ** *Искренние письма честного чиновника. Рецензия: Казначеев А.И. Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837 / [из собр. Гбс. ист. музея]; [сост. А.К. Афанасьев, подбор ил. Г.Г. Филатова]. М.: Новый хронограф, 2015. 280 с.*

СССР

88 А.С. СТЫКАЛИН

Рец.: Negru E., Negru Gh. «Cursul deosebit» al României și suprațarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1: (1965–1975). Chișinău, 2013. 618 p. [Негру Е., Негру Г. «Особый курс» Румынии и раздражение Москвы. Советско-румынский спор и антирумынские пропагандистские кампании в Молдавской ССР (1965–1975). Исследование и документы. Т. 1: (1965–1975). Кишинев, 2013. 618 с.]

98 О.Л. ЛЕЙБОВИЧ

«Привлекать не рекомендуется...». Об исторических записках Льва Хургеса. Рец.: Хургес Л. Москва–Испания–Кольма. Из жизни радиста и зэка / Подг., сост.: П. Полян, Н. Поболь. Комм.: П. Полян, Н. Поболь, А. Тепляков. М.: Время (Диалог), 2012. 824 с.

105 А.В. СМОЛИН

Рец.: Романова Н.М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского комиссариата по делам национальностей). СПб.: Петроцентр, 2013. 432 с.

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

108 С.Е. ЭРЛИХ

Антидекабристский спецназ Кремля:
Наталья Нарочницкая, Владимир Мединский,
Николай Стариков

КИНО И ТЕАТР

139 А.В. ЛЯМЗИН, К.В. ЯКИМОВ

«Батальонъ» Д. Мехиева – один взгляд двух
реконструкторов

143 А.М. БЕЛОГОРЬЕВ

Первая мировая война в зеркале отечественного
кинематографа

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

158

Интервью с В.П. Козловым

166

Сведения об авторах

Р. ШЕВЧЕНКО

МОЛДАВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ XIX В. — КАКИМ ОНО БЫЛО?

Заметки на полях новой книги В.Я. Гросула

Эта тема была и остается слабо разработанной учеными-историками советского и постсоветского периода в Молдове. В первом случае потому, что во времена СССР руководство страны не хотело обострять отношения с союзной по СЭВ и ОВД Румынией, для которой изучение данного комплекса вопросов было крайне неприятно, ставя под сомнение официальную версию формирования румынского государства. Во втором случае потому, что она подогревает территориальные претензии Венгрии, Болгарии и Украины к Румынии и стимулирует антирумынские настроения в Молдове. Хотя некоторые работы по ней стали появляться в самой Румынии.

Тем не менее такие работы, хотя и очень редко, но всё же появлялись. Последней по времени следует считать вышедшую в 2014 г. в Кишинёве работу известного российского историка молдавского происхождения Владислава Гросула, сына первого Президента АН

Молдовы Якима Гросула «Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866)». Это исследование включает в себя предисловие автора, три главы, по 4 параграфа в каждой, и послесловие. Первоначально В. Гросул, по собственному признанию, намеревался остановиться только на периоде от восстания Тудора Владимиреску (1821 г.) до падения А.И. Кузы (1866 г.), но затем пришел к необходимости дополнить его предысторией: о том, как зарождалось молдавское самосознание, о его происхождении, последующей эволюции, особенностях. «Нет ни одного специалиста по истории Молдавии и Румынии, который бы не интересовался вопросом происхождения молдаван. И я относился к их числу, десятилетиями наблюдая за дискуссиями по этой сложнейшей проблеме, сложнейшей не только с научной точки зрения. Вот и я решил изложить свои взгляды и по этой проблеме», — пишет автор монографии (с. 4–5).

Первая глава, «К истории молдавского самосознания» повествует о проблемах этногенеза молдаван; отдельный параграф посвящен этногенезу румынского народа. Автор приводит некоторые венгерские и румынские источники, повествующие о происхождении слов «молдаване» и «Молдова», указывая, что существуют различные версии их возникновения: «тюркская», «иллирийская», автохтонная и др. В. Гросул также обращает внимание на то, что термин «Молдова» присутствует и в языках некоторых стран вне нынешней территории Румынии, например в пределах современной Чехии. В. Гросул признает, что ранее являлся сторонником теории континуитета, однако в дальнейшем стал придерживаться «иллирийской» концепции, положительно оценивая работу молдавского журналиста Е. Паскаря, опубликовавшего недавно работу «Неизвестная Молдавия», в которой содержатся подтверждения этой концепции. В. Гросул приходит к выводу, что «первоначально появились молдаване, а лишь затем название рек Молдова и Молдава, а далее и Молдавское государство и провинция Молдава в Чехии. Наименование страны изначально было Молдава, а не Молдова. Так страна называлась на латинском, славянском, итальянском, польском, французском, немецком и других языках, на которых сохранились первые ее упоминания» (с. 18–19).

В параграфе «Молдавский народ» В. Гросул приводит немало свидетельств средневековых авторов и внутренних источников Молдавского княжества, в которых применяется термин «молдаване» в каче-

стве самоназвания основной части населения края. Одновременно он приводит примеры использования в валашских и российских (до 1812 г.), а также в бессарабских (после 1812 г.) источниках этого этнонима, подчеркивая, что речь идет именно о молдаванах, а не о румынах, и что об этом знали на Западе как до, так и после 1812 г. Молдавское самосознание, констатирует В. Гросул, сохранялось в Западной Молдове и после ее объединения с Валахией, и даже в Добрудже, которая до 1878 г. контролировалась Османской империей. Приводятся подтверждения существования как «молдавофильской» группировки среди бессарабских дворян, так и «румынофильской» части местной интеллигенции после 1878 г. В параграфе «Молдавский язык» В. Гросул кратко анализирует историографию этой предельно запутанной и крайне политизированной проблемы (еще более запутанной, чем даже термины «молдаване» и «молдавский»). Аргументами автору служат цитаты из летописцев прошлого (Г. Уреке, М. Костина, И. Некулче, а также Д. Кантемира, А. Хотиняну и др.). Но помимо этих, хорошо известных историкам данных, В. Гросул ссылается на реже используемые в исторической литературе работы итальянского лингвиста С. Амелио, румынского классика XX в. М. Садовяну и ряда других авторов. Он доказывает наличие молдавских грамматик и приводит примеры упоминания о «молдавском языке» в документах Буковины и Западной Молдовы после 1812 г. Исследователь подчеркивает: «Еще больше термин “молдавский язык” был

распространен в Бессарабии и левобережном Заднестровье» (с. 43). При этом, указывает В. Гросул, романский характер языка молдаван не ставится под сомнение ни до-революционными, ни советскими филологами.

В отдельном параграфе «Румынский народ и румынский язык» автор монографии приводит историю возникновения этого термина начиная еще со времен захвата Дакии Римской империей в 106 г. н. э., указывая, что язык молдаван назывался в разное время и «румынским, как и молдо-валашским, волошским, молдо-румынским и т. д.» (с. 47), но сам термин «румынский язык» «достоверно прослеживается на Западе от Молдавского княжества с XVI в.» (с. 50), а в самой Молдове только в XVII в. Автор выводит развитие термина «румынский язык» из противостояния православной и католической церковью в Молдове, а переход Молдовы из-под подчинения Охриду под руководство Константинополя в XVII в. считает определяющим в процессе ослабления славянского влияния и «проникновения церковных книг, отпечатанных на румынском языке» (с. 52). Несколько страниц посвящено в рецензируемой монографии тому, как, в адрес кого и при каких обстоятельствах применялся на Руси термин «румын» (как правило, пишет В. Гросул, в отношении валахов).

Вторая глава, названная «На путях к объединению», посвящена периоду 1821–1859 гг. В параграфе «Начало возрождения» автор рассказывает о непоследовательных

и противоречивых реформах в Западной Молдове, проводившихся проавстрийской, прорусской и протурецкой группировками среди молдавских бояр в 1821–1829/1831 гг., от восстания Т. Владимиреску до введения «Органического регламента», имевших целью окончательную ликвидацию последствий фанариотского режима и установление режима национального правления. Внимание читателя обращается на тяжелое экономическое положение княжества и слабые возможности господарей что-то изменить в этой ситуации.

Параграф «Идеи объединения» обобщает события периода 1831–1848 гг. В нем рассказывается об экономической политике российских властей в Западной Молдове и Валахии, противоречиях молдавских и валашских бояр, описывается также политическая ситуация в Молдове и влияние на нее иностранных держав и молдавской эмиграции и студенчества, концентрировавшихся в основном в Париже, а также о влиянии представителей Арделянской (Трансильванской) школы на культурно-языковое развитие Молдовы. Это происходило потому, пишет В. Гросул, что «в Молдавии еще не существовало тогда единого литературного языка с установившимися нормами и правилами, каждый писал по-своему, нередко вводя слова и целые обороты, непонятные читателям», и «по-прежнему оставалась открытой проблема литературного языка» (с. 83). И несмотря на то что ряд молдавских представителей — К. Конаки, Г. Асаки и др., считали, что литературный язык молдаван должен пополняться из на-

родного языка, в 1830–1840-е гг. стали всё шире распространяться тенденции, на которые ориентировались сторонники трансильванской школы, настаивавшей на термине «румынский язык» как объединяющий жителей всего Карпатско-Днепровского междуречья.

Параграф «Испытания 1848 года» В. Гросул значительно расширяет, не сводя только к событиям революции 1848–1849 гг. в Дунайских княжествах, и доводит хронологически до подписания Парижского мира 1856 г. Рассказав о предпосылках и ходе этой революции в Молдове, первоначальному успеху господаря М. Стурдзы в борьбе с оппозицией и вынужденной ввиду всеобщего недовольства его отставке в июне 1849 г., В. Гросул подчеркивает важную роль преемника М. Стурдзы, Г. Гики в укреплении унионистских тенденций в Молдове. Он отмечает, что хотя Г. Гика был родственником М. Стурдзы, образование и воспитание получил на Западе (в Вене и Париже), привлек к реформированию Молдовы «пашоптистов», т. е. деятелей революции 1848–1849 гг., среди которых было много сторонников объединения княжеств. Делал это Г. Гика даже несмотря на то что Австрия и Турция, чьи войска пребывали с 1854 г. совместно в Молдове, относились враждебно к унионистским идеям, и австрийцы «усилили цензуру и давление на унионистов», а «император Франц-Иосиф открыто говорил об опасности объединения для сохранения Трансильвании и Баната» (с. 101).

Целых 30 страниц (с. 101–131, около 1/6 всей книги) В. Гросул посвя-

щает одному, но важному параграфу «Борьба вокруг создания единого государства», в который включает период 1856–1859 гг. (от Парижского трактата 18/30 марта 1856 г. до двойного избрания А. Кузы на престолы Молдовы и Мунтении (5 и 24 января 1859 г.)). Описываются столкновения унионистов и антиунионистов, обе группировки при этом старались апеллировать и к внешним силам, в том числе иностранной прессе: антиунионисты, среди которых было много видных деятелей культуры княжества, — Г. Асаки, К. Негруци, историк М. Дрэгич и др. — к Турции, унионисты во главе с М. Когэлничану и В. Александри — к Англии и Франции. Обе группировки вели ожесточенную полемику и в газетах самой Молдовы. Поначалу казалось, что одерживают победу сторонники антиунионистов. Им удалось провести на пост временного правителя (каймакама) своего представителя Т. Балша, который стал постепенно отстранять с руководящих постов сторонников объединения княжеств. Однако вскоре борьба двух течений выплеснулась и на места: следом за сторонниками унии, собиравшими подписи под воззваниями в свою пользу, в те же селения приходили ее противники, с прямо противоположными текстами и обращениями. 17 февраля / 1 марта 1857 г. Т. Балш скончался, его сменил куда менее подготовленный в делах управления Н. Вогориди. Хотя при нем позиции антиунионистов в госструктурах продолжали укрепляться, но одновременно унионисты набирали вес в молдавском обществе, и это стало сказываться и на правительственных газетах.

При поддержке четырех держав (Франции, России, Пруссии и Сардинии) унионисты сумели добиться отмены итогов выборов в Чрезвычайное собрание, в котором победили противники объединения, что заставило Н. Вогориди изменить свою позицию и существенно сблизиться с лагерем унионистов. В результате новые выборы в Диван принесли успех унионистам, которые теперь провели еще до конца 1857 г. решения о необходимости объединения княжеств. Парижская конференция 1858 г. пошла еще дальше, закрепив в своих решениях, хотя и с существенными оговорками, создание Объединенных княжеств Молдавии и Валахии. В октябре 1858 г. Н. Вогориди был смещен Турцией и заменен тремя новыми каймаками, В. Стурдзой, А. Пану, Ш. Катарджиу. Первые двое были убежденными унионистами, третий держался умеренной позиции и был вскоре заменен тоже унионистом И. Кантакузино. Они выпустили обращения к населению Молдовы, уже именуя их румынами, и приступили к активному выдвижению своих сторонников на все этажи власти. Благодаря их усилиям большинство в Избирательном собрании, избиравшем господаря, оказалось у унионистов. Хотя и с некоторой задержкой ввиду борьбы разных группировок за своих кандидатов, победу одержал внезапно внесенный в список перед выборами А.И. Куза.

В главе третьей «После создания Румынии» первый параграф «Ликвидация молдавской государственности» повествует о деятельности А. Кузы в 1859–1862 гг., от избрания

и до создания первого правительства Объединенных княжеств. Уделяется немало внимания проблеме принадлежности А. Кузы к масонству и избранию его в качестве господаря при поддержке вольных каменщиков. Стоит отметить, что хотя прямых данных о его принадлежности к масонству нет, румынские справочные ресурсы (например <http://www.mlmar.ro/masonicelebri>) действительно однозначно указывают на А. Кузу как на одного из членов масонского братства. В дальнейшем автор анализирует меры, предпринятые А. Кузой для подлинной унификации двух княжеств и слияния их в одно государство под главенством жителей Валахии. Это новое политическое образование, пока еще «для внутреннего пользования», получило название «Румыния».

Отдельный параграф «Языковые проблемы» посвящен процессу постепенного вытеснения славянской, кириллической азбуки из официального обращения. И если поначалу речь пытались вести о параллельном применении славянского и латинского алфавитов, то позднее окончательно взяли верх сторонники латинской графики, закрепившие свой успех приказом министра внутренних дел А. Гики в январе 1862 г.

В параграфе «Церковный вопрос» рассматривается судьба Молдавской православной церкви после объединения. Поскольку именно церковь оставалась бастионом молдавских национально-культурных и языковых традиций, то А. Куза (всячески помогавший при этом ка-

толической церкви), нанес по ней в Молдове сокрушительный удар, осуществив секуляризацию национальных монастырей и конфисковав их имущество, часть церковного клира при этом бежала за Прут, в «Бессарабию». Этому не помешали даже протесты Константинопольского патриарха и осуждение законов Кузы, направленных против церкви, Константинопольским синодом как антиканонических. Это привело к расколу и разладу как среди клира, так и среди простых верующих.

Значительное место в работе занимает параграф «События 1866 года». Рассказав о растущем недовольстве политикой А. Кузы в обществе и среди знати, В. Гросул показывает обстоятельства его свержения и борьбы различных группировок за своих кандидатов на освободившийся господарский трон. В этом контексте он переходит к освещению настроений среди молдавских бояр и населения. В. Гросул выделяет здесь, ссылаясь на тогдашнего консула России в Яссах И. Лекса, три основные группы. Первая выступала за полное отделение от валахов и создание отдельной каймаками; вторая боролась за сохранение унии, но с господарем-румыном, как и ранее; третья, хотя и ожидала решений от международной конференции, но тоже считала, что жители княжеств сами должны выбрать себе господаря. Наиболее активными оказались сторонники первой группы, которые принялись распространять антиунионистские листовки. С другой стороны, Временное правительство послало на места своих эмиссаров, которые пропаган-

дировали унию, но население при этом раскололось, стали собираться митинги как за, так и против объединения, и напряжение в обществе начало быстро расти. Всё это привело к антиунионистской демонстрации в Яссах 3/15 апреля 1866 г., подавленной властями с многочисленными человеческими жертвами. Следствием этого, указывает В. Гросул, стал выросший поток переездов из запрутской Молдовы в «Бессарабию» (в 1859 г. выехало в Россию из Молдовы 1493 молдаванина, въехало — 853, в 1868 — соответственно 9369 и 118) и растущее недовольство молдаван.

В послесловии В. Гросул отмечает, что «и после событий 1866 г. <...> молдавское движение не прекратилось, нередко меняя свои формы» (с. 193) и молдавское культурное возрождение дополнилось политическим в виде Молдавской республики — сначала МДР, затем МАССР, МССР и, наконец, современной Республики Молдова.

Отмечая несомненно большую важность и серьезность поднимаемых в книге проблем, которые намеренно затушевываются или политизируются рядом исследователей, колоссальный труд по обобщению разных точек зрения, предпринятый в рамках относительно небольшой научной работы, значительный научный вклад, внесенный В. Гросулом в этой работе в изучение одной из самых сложных, противоречивых и запутанных проблем новой истории Румынии, нельзя не сказать также о недостатках данного исследования. На наш взгляд, они заключаются в следующем.

Комментируя действительно ценную работу журналиста Е. Паскаря (В. Гросул ошибочно именуется историком), в которой на суд обществу представлено немало новых летописных и книжных свидетельств, В. Гросул, как мы уже отметили, признает себя сторонником миграционистской, иллирийской теории происхождения романизованного населения к северу от Дуная. Оно, по мнению автора рецензируемой работы, мигрировало далее в Марамуреш, а оттуда перебралось на территорию Молдавского княжества, которое тогда находилось в процессе своего возникновения (с. 17), в том числе, получается, и на территорию современной Республики Молдова. Однако о том, кто жил на территории **современной Республики Молдова** к тому времени, В. Гросул не пишет практически ничего, хотя отмечает, что после ухода в 270-х гг. римской армии и администрации из Дакии «какая-то часть романизованного населения здесь оставалась» (с. 12) (напомним, что территория Молдовы кроме южной, запрутской, кстати, части не входила в Дакию и потому римской армии и администрации тут просто не было, а о современной РМ и говорить не приходится). Поэтому остается открытым вопрос, какое отношение имеет римская администрация Дакии, о которой рассказывает В. Гросул, к Молдове, где жили различные племена, в том числе свободные даки. Во-вторых, говоря о «романизованных иллирийцах», которые переселялись из-за Дуная в Марамуреш, В. Гросул в то же время признает, что «исключить наличие в Карпатах более раннего романизованного населения мы не можем» (с. 17). То

есть и без иллирийцев в Карпатах могло жить романизованное население. К тому же заключению нас подталкивают и выводы, например, авторов работы «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (Кишинёв, 2002, соавторы — В. Царанов, К. Стратиевский и др.). Они пишут, говоря о VI–VII вв. н. э., что «славяне селились в Днестровско-Карпатских землях, Карпатах, Подунавье и на Балканах часто рядом или среди романизованного населения, **сложившегося в период римского господства** (выделено нами. — Р.Ш.)» (с. 30 указанной работы).

Говоря о положении языка молдаван в Молдавском княжестве, В. Гросул пишет, ссылаясь на авторов «Курса исторической грамматики молдавского языка», изданного в Кишиневе в 1964 г., что к середине XIV в. глотоним «молдавский язык» уже существовал (В. Гросул, с. 31). Однако, как известно, языком господарской канцелярии долгое время после создания Молдавского княжества был славянский. По неясным причинам В. Гросул не упоминает, пусть и вкратце, в силу каких причин он получил такой статус, как, почему и когда именно происходит вытеснение славянского языка и замена его в качестве официального языка господарской канцелярии молдавским. Хотя это было бы очень излишним для данной части работы.

В монографии уделяется немало места обоснованию тезиса о том, что термин «молдавский язык» был официальным в «Бессарабии» после 1812 г., когда краем управляла царская администрация. Однако

не станем забывать, что вплоть до 1828 г. у Бессарабской области был собственный, автономный статус и наличие у языка большинства населения области статуса официального — дело поэтому вполне естественное. А с появлением Румынии не только для местных жителей, но и для царской администрации появились весомые аргументы отстаивать именно термин «молдавский язык» — вопреки распространявшемуся из-за Прута термину «румынский язык». И таким образом, в действиях царских властей появился уже не только мотив уважения к местным обычаям, но и мотив гораздо более серьезный — теперь уже настаивать на термине «молдавский язык» стало политической необходимостью, чтобы противостоять иностранному влиянию. Кроме того, автор не учитывает особенностей унионистской пропаганды, которую сам неоднократно критикует на страницах работы. В ее видении защита царской администрацией термина «молдавский язык» есть нечто естественное для России, осуществлявшееся с целью умышленного отделения молдаван от румын. Поэтому унионисты как раз не слишком уделяют внимание ссылкам на источники царского периода. Куда более основательными и серьезными для них выглядят аргументы, основанные на документах более раннего периода, до 1812 г. Особенно если речь идет об иностранных источниках. А как раз этому аспекту В. Гросул уделяет несправедливо мало места.

вестных деятелей литературы и искусства Молдовы, которые поддерживали его, автор указывает, что «борьба шла между двумя направлениями... между двумя партиями, одну из которых можно назвать промолдавской, а другую прорумынской» (с. 103). Однако В. Гросул не дает столь же подробного разбора аргументов унионистской концепции, и намного реже указывает конкретные персоналии унионистского лагеря. Характеризуя, в частности, унионистское движение 1848–1859 гг., В. Гросул показывает, что при Г. Гике оно поддерживалось «сверху» самим господарем, назначившим его сторонников на ответственные посты. Затем, однако, как пишет В. Гросул «при Балше и Вогориди многие антиунионисты перетекали в различные властные структуры, унионисты же укрепились в обществе» (с. 115). Однако **почему** им удалось укрепиться в обществе, какие пропагандистские лозунги и доводы они при этом использовали — этот аспект освещен автором недостаточно и расплывчато, хотя ответ на этот вопрос имеет принципиальный характер. Потому что получается, что или унионисты имели в обществе и до правления их сторонника Г. Гики серьезные и влиятельные позиции, либо у них при преемниках Г. Гики вдруг появились какие-то очень убедительные аргументы, которые существенно повлияли не только на бояр, но и на часть населения. Эта проблема подлежит, на наш взгляд, более основательному рассмотрению.

№1(2) 2015 Достаточно детально освещая позицию антиунионистского движения и называя значительный список из-

Касаясь роли России в событиях 1866 г., В. Гросул пишет, что она «сыграла значительную роль в объ-

единении Молдавии и Валахии еще со времен принятия Органических регламентов» (с. 167). Однако в чем именно выражалась эта «значительная роль» России после 1831 г., в 1840–1850-е гг., до 1859–1862 гг., какими причинами она обуславливалась, автор практически не разъясняет, а лишь упоминает, что «Франция, Россия, Пруссия и Сардиния стояли за объединение княжеств» (с. 120), а также что без России выборы Дивана 1857 г., давшие победу антиунионистам, не были бы отменены (с. 178). При ознакомлении с содержанием работы скорее можно предположить, что унионисты рассчитывали на помощь Франции, но никак не России.

Подробно рассматривая предпосылки действий антиунионистских сил в Молдове весной 1866 г. и их кульминацию — демонстрацию 3 апреля 1866 г. в Яссах, автор цитирует немало румынских исследователей, которые считают, что эти события были инспирированы Россией и даже приводит слова А. Горчакова «Мы желаем сепарации, поскольку она соответствует нашим интересам, и мы думаем, что она также благоприятна и княжествам. Но мы пойдем по фальшивому пути, если превратимся в пропагандистов» (с. 178). Эти слова, казалось бы, в немалой степени подтверждают такое мнение румынских ученых. Но тогда возникает закономерный вопрос. Если Россия сыграла значительную роль в объединении Дунайских княжеств, и делала это, получается, десятилетиями (1831–

1859 гг.), а потом спустя всего несколько лет стала выступать за «сепарацию», т.е. уже разделение, то необходимо хотя бы относительно подробно пояснить, почему произошел такой радикальный поворот, какую эволюцию претерпели взгляды России на проблему объединения, чем эти перемены объясняли государственные мужи России того времени, включая прежде всего министра иностранных дел А. Горчакова. Но этот вопрос на страницах монографии не рассматривается.

Вместе с тем, придавая большое значение затронутой в работе весьма актуальной проблематике, мы считаем, что она будет способствовать лучшему пониманию вопросов, связанных с развитием национального самосознания у жителей Дунайских княжеств в середине XIX в. и позволит более глубоко оценить поистине революционный переворот, произошедший в течение всего нескольких десятилетий в умах и сердцах немалой части населения Молдовы и Валахии.

В заключение настоящей рецензии мы хотели бы подчеркнуть, что намерение В. Гросула восстановить по документам историю молдавского национального движения в Румынии после 1866 г. представляет колоссальный интерес для исследователей, так как эта тема почти не исследовалась в трудах ученых-историков. Поэтому публикации по этому вопросу станут новым словом для специалистов по истории нового времени, в частности историков-балканистов.

А.В. Голубев

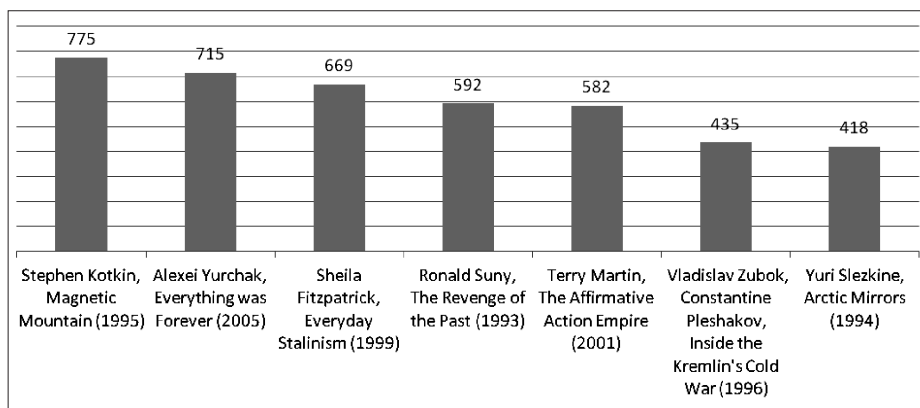
В ПОИСКАХ ВНЕНАХОДИМОСТИ

Рец.: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Публикация монографии Алексея Юрчака, профессора антропологии из Калифорнийского университета в Беркли (США), под необычным названием «Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation» стала заметным событием в англоязычной славистике последнего десятилетия. Хорошее представление об этом дает наукометрия: согласно Google Scholar (см. рис.), из наиболее цитируемых англоязычных монографий по советской истории, опубликованных с начала

1990-х гг., она несколько уступает только «Магнитной горе» Стивена Коткина, при этом являясь самой свежей публикацией из списка.

Отчасти эту популярность можно объяснить научной конъюнктурой: публикация «Это было навсегда...» совпала с резко выросшим интересом к периоду позднего социализма в западной гуманитарной науке. Другим фактором является то, что книга Юрчака нашла отклик не только среди славистов, но и

Семь наиболее цитируемых книг по советской истории, выпущенных после 1991 г. Источник: Google Scholar, февраль 2015 г.

в более широкой аудитории: на нее ссылаются в работах по истории стран Восточной Европы, Китая, Монголии, постколониальных режимов третьего мира, а также критической теории и антропологии современности. Но наиболее важным фактором, несомненно, является научное новаторство этой книги применительно к советскому материалу. Опираясь на работы ряда ключевых фигур философии языка и постмодернистской теории, таких как Михаил Бахтин, Джон Остин, Жак Деррида, Джудит Батлер и др., Юрчак предлагает новое понимание исторического контекста застоя, перестройки и распада СССР. Его проблематизация истории позднего социализма с самого начала вызвала неоднозначное отношение в западной науке, особенно среди историков (подробнее об этом ниже), однако несомненно и то, что дискурсивная концепция советского общества Юрчака стимулировала постановку новых вопросов и возникновение новых дискуссий, а также способствовала критике аналитического языка советологической эпохи, который в середине 2000-х гг. всё еще доминировал в англоязычных исследованиях позднего социализма.

Русский перевод книги, опубликованный в 2014 г. издательством «Новое литературное обозрение», вводит монографию Юрчака в широкий научный оборот для русскоязычной научной среды. Можно предположить, что российским историкам, как и их западным коллегам, она покажется необычной и спорной — не в последнюю очередь в силу того, что она писалась

в традициях культурной антропологии, использует специфические формы работы с материалом и нацелена на другую аудиторию. Однако несомненно, что конструктивный диалог с идеями, высказанными в «Это было навсегда», будет способствовать обогащению и отечественных подходов к изучению периода позднего социализма. В данной рецензии я постараюсь обобщить основные идеи этой книги в контексте вызванных ею дискуссий и предложить свой взгляд на достоинства и недостатки подхода Юрчака к концептуализации позднего социализма.

Структурно «Это было навсегда» состоит из семи глав. Первые две главы описывают метод и определяют проблематику исследования, и поэтому являются ключевыми для понимания подхода Юрчака к исследованию позднего социализма. Юрчак начинает с описания культурного парадокса, который задал название книги: распад СССР казался гражданам его «последнего поколения» невозможным («Это было навсегда...»), однако в последние годы перестройки, не говоря уже о периоде после 1991 г., кризис и распад советской системы стал восприниматься как закономерность («...пока не кончилось»). Это парадокс формулирует основную задачу его исследования, которая заключается в описании «внутренней парадоксальной логики» (с. 35) советской системы — той логики, которая задавала гражданам СССР границы интерпретации происходящих событий и спектр возможных реакций на них, определяла стратегии поведения и, в конечном

итоге, стала историческим контекстом для изменений второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. Для понимания этого парадокса Юрчак обращается к изучению официального языка и ритуалов позднего социализма. Это определяет предмет его исследования: это *производство значений и смыслов* как исторический феномен. Юрчак особо подчеркивает (с. 34–35), что хотя его книга написана о том, как «кончилась», ушла в небытие советская действительность, его исследование не отвечает на вопрос о причинах распада СССР. Дисциплина, в рамках которой он работает, — это антропология, наука о функционировании культуры. Его интересует то, как в рамках советской культуры назревали исторические изменения и какие культурные феномены они породили. Это хорошо показывают главы с третьей по седьмую, где Юрчак работает непосредственно со своим эмпирическим материалом. В них он рассматривает деятельность (особенно дискурсивную) комсомольских организаций, рок-музыку и возникшую вокруг нее тусовку, формы неофициального юмора — иными словами, те культурные феномены, которые узнаются в качестве «своих» последним советским поколением. Причем речь идет, конечно, о молодежной культуре, поскольку герои Юрчака — это люди, «которые в годы перестройки были в возрасте от выпускников школ до тридцатилетних» (с. 85).

Любопытно, что Шейла Фицпатрик, автор одной из самых критических рецензий на книгу Юрчака, с самого начала не распознает метод Юрчака: один из ее

центральных упреков — это то, что Юрчак объясняет изменения в советской системе, приведшие в конечном итоге к ее крушению, «исключительно дискурсивными причинами» [Fitzpatrick, 2006]. Юрчак в своем ответе Фицпатрик справедливо замечает, что «вопрос [его работы] заключается не в том, что привело к распаду СССР, а в том, почему это оказалось неожиданным» [Yurchak, 2006]. И действительно, было бы странно, если бы исследование, автор которого изучает не проблемы экономики СССР, его конституционное устройство или вопросы внешней политики, а речевую деятельность и неформальную культуру позднего социализма, ставило своей целью определить причины системной дезинтеграции СССР. Это только в страшилках советских лекторов рок-музыка представляла реальную политическую угрозу существованию советской власти; в действительности же, как показывает Юрчак в главах 4–6, между ней и формами политической мобилизации в СССР не было никакой прямой зависимости. Антропология, даже историческая, не объясняет логику исторического процесса: она описывает принципы функционирования культуры, пусть даже в своем широком понимании культура как предмет антропологического исследования включает и идеологию, и формы политической деятельности, и способы повседневного существования.

И всё же есть определенные причины, почему Фицпатрик прочитала «Это было навсегда» как попытку объяснить причины дезинтегра-

ции советской системы. Это связано с основной концепцией книги: понятием *перформативного сдвига*. Перформативный сдвиг в концепции Юрчака связан с изменениями в функционировании официального языка, а именно с тем, что после смерти Сталина он постепенно утрачивает способность меняться вслед за историческими изменениями, т. е. адекватно «описывать изменившуюся реальность» (с. 124). Название «перформативный» является отсылкой к теории речевых актов Джона Остина. Остин утверждал, что высказывания не только несут информацию от адресата к отправителю, они содержат в себе способность побуждать адресата общения к действию и способность быть действием [Остин, 199]. Последний аспект — высказывание как действие, оказывающее влияние на социальную действительность — и является перформативным аспектом языка. Юрчак утверждает, что начиная с 1953 г. «перформативная составляющая смысла [советского официального] дискурса в большинстве контекстов становилась всё важнее, а констатирующая составляющая, напротив, постепенно уменьшалась или становилась неопределенной, открываясь для всё новых, ранее непредсказуемых интерпретаций» (с. 73).

Иными словами, по мнению автора, начиная с периода оттепели наблюдалось окостенение и окаменение официального языка советской идеологии, его растущая неспособность реагировать на исторические изменения. Однако в условиях однопартийной системы и монопольного положения марксизма-лениниз-

ма как единственной возможной идеологии этот язык продолжал воспроизводиться во всех официальных и многих неофициальных контекстах. Несмотря на то что буквальный смысл высказываний на официальном языке был опустошен, советские люди продолжали их воспроизводить для демонстрации своей советской идентичности. Становился важен не смысл, а ритуал, причем этот процесс, начавшись в области официальных высказываний, ими не ограничился: «процесс нарастающей стандартизации и нормализации на уровне формы» перекинулся и на другие области: он происходил «в визуальных образах (плакатах, наглядной агитации, кинопродукции, памятниках, архитектурных формах), в структуре ритуалов (собраний, выборов, аттестаций, торжеств), в формальных структурах повседневной жизни (организации городского времени и пространства, школьной программе) и так далее» (с. 75). Таким образом, перформативный сдвиг как исторический феномен заключался в том, что с начала 1950-х до конца 1980-х гг. из «живого слова» официальный язык превратился в конструкцию, утратившую какую-либо связь с историческими реалиями.

Для Юрчака перформативный сдвиг являлся центральным феноменом поздней советской культуры, поскольку он произвел в ней буквально тектонические изменения. Неспособность официального языка угнаться за меняющейся социальной реальностью «открыл[а] возможность для возникновения в советской повседневности огромного числа новых, неожиданных

смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальности и типов отношений» (с. 76). Благодаря перформативному сдвигу в советском обществе появились «новые, неподконтрольные пространства свободы» (с. 83). Произошла *детерриториализация* советской системы: те, кто отвечал за ее воспроизводство (в книге Юрчак рассматривает в первую очередь комсомольских работников), через свои действия (повседневную презентацию, «перформанс» своих советских идентичностей) оказались одновременно погружены в «пространства свободы», и этот процесс «подрывал... систему изнутри» (с. 234, см. также с. 269). До перестройки эти изменения проявлялись симптоматически — в таких культурных формах, как рок-музыка или стеб, которые Юрчак изучает в главах 4–7, однако в перестройку количество перешло в качество, и система, которую советские граждане до конца 1980-х гг. воспринимали «монолитной и стабильной», неожиданно предстала их глазам «хрупкой и шаткой» (с. 79). Для описания последствий перформативного сдвига Юрчак использует метафоры вещественности (см. также с. 35, 266, 553, 581), и если осуществить их субстантивацию (т. е. перевести из прилагательных в существительные), то перформативный сдвиг, с точки зрения Юрчака, ответственен за превращение СССР из прочного каменного сооружения в хрупкую стеклянную конструкцию, являвшуюся «потенциально нестабильной, способной при определенных условиях неожиданно обрушиться» (с. 79).

Таким образом, утверждение Фицпатрик о том, что Юрчак объясняет распад СССР исключительно через дискурсивные изменения, неверно в формулировке, но всё же имеет под собой основание: в объяснительной логике «Это было навсегда» процессы в официальном дискурсе признаются такими мощными, что они переопределяют саму советскую систему и выхолащивают официальную идеологию. Неудивительно, что, книга Юрчака вызвала критику как за свою излишнюю радикальность, так и за недостаточную последовательность: если социальный историк Фицпатрик отнеслась к его концепции критически, то тяготеющие к культурной истории Бенджамин Натанс и Кевин М.Ф. Платт, наоборот, предположили, что описанные Юрчаком исторические феномены (перформативный сдвиг и детерриториализация советской системы) имели политический потенциал, реализовавшийся в перестройке [Платт, Натанс, 2010]¹.

Конструктивная критика Натанса и Платта, впрочем, тоже имеет в своей основе элемент неузнавания, только не исследовательских задач Юрчака, как у Фицпатрик, а его методологической позиции. Сравнивая «Это было навсегда» с «Обличать и лицемерить» Олега Хархордина, Натанс и Платт пишут, что обе работы «вдохновля[ю]тся выдвинутой Фуко концепцией рассеивания власти в структурах и дискурсах современных обществ»

¹ В данной рецензии использована онлайн-версия статьи: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ke12-pr.html> (дата обращения 10 февраля 2015 г.).

[Платт, Натанс, 2010]. На самом деле та историческая модель личности и концепция власти, которую выстраивает Юрчак в своей книге, вдохновлена чем угодно, но только не работами Мишеля Фуко. Собственно, базовая идея Фуко заключается в том, что власть не предоставляет своим субъектам никаких автономных пространств: исторически формирование современных государств (к которым Юрчак вслед за Фуко относит и Советский Союз — с. 48) действительно связано с рассеиванием власти в структурах знания, практиках социальной дисциплины и самодисциплины, формах социальной девиации и, наконец, в телесности. Само существование индивидуальности, по Фуко, является продуктом невидимой, неосознаваемой, но от этого не менее эффективной власти [Фуко 2007: 76–77]:

Есть юридический индивид... — индивид как абстрактный субъект, определяемый индивидуальными правами, которые никакая власть не может ограничить. А над юридическим индивидом, рядом с ним, мы видим развитие дисциплинарной технологии, которая порождает индивида как историческую реальность, как элемент производительных, а также и политических сил; и этот индивид есть покорное тело, включенное в систему надзора и подвергаемое процедурам нормализации... Из этих метаний между юридическим индивидом как идеологическим орудием прихода к власти и дисциплинарным индивидом как реальным орудием физического исполнения этой власти — из этих метаний между *запрашиваемой вла-*

стью и властью исполняемой [курсив мой. — А.Г.] — и родились иллюзия и реальность, которые называются Человеком.

Столь длинная цитата из Фуко важна для того, чтобы показать, что его концепция личности не подразумевает возможности существования пространств свободы от власти (отсюда же, в частности, его термин «микрофизика власти»). Исключение возможно только в том случае, если эти пространства свободы являются иллюзией, маскирующей работу власти по их осознанному или неосознанному формированию — например, для вытеснения неудобных высказываний из публичного поля в кухни и кочегарки. Если последовательно применять концепцию власти Фуко (и Джудит Батлер, еще одного ключевого для Юрчака представителя западной критической теории) применительно к позднему советскому материалу, то логика политического активизма эпохи перестройки, истоки которой Юрчак видит в пространствах свободы внутри социализма, в действительности является неузнанной логикой власти.

В этом отношении концепция Юрчака содержит в себе то, что лично я определяю как ее внутреннее противоречие. Юрчак критикует модель автономной, суверенной личности, существующей вне языка — картезианское понимание «Я» как независимо мыслящего индивидуума (с. 61–62). Опираясь на Джудит Батлер, он выстраивает дискурсивную модель личности, которая каждый раз заново возникает в процессе речевой деятельности (с. 67–69).

Более того, именно на Батлер он ссылается, когда формулирует в главе I ключевую идею своего исследования о том, что «способность конвенциональных высказываний приобретать непредсказуемый смысл в контексте предсказуемых и контролируемых институтов наделяет их особым «политическим потенциалом — способностью подрывать существующие нормы, не участвуя в прямом сопротивлении им» (с. 67). Но у Батлер — вслед за Фуко — эта способность к «подрыву» норм связана с тем, что современная личность — это децентрализованный субъект, нетождественный сам себе и структуре его производшей (то, что в приведенной выше цитате Фуко называет «метанием между запрашиваемой властью и властью исполняемой»). Опыт современной (modern) личности, все ее попытки найти «себя», которые в материале Юрчака выражаются во вкусе к западной музыке, кино и одежде, в стебе над косностью официального языка, или в подчеркнутом отказе от бытового комфорта позднего социализма, — этот опыт возникает из-за нетождественности власти, вызывающей субъекта в социальную действительность, и власти, которую субъект (вос)производит в процессе своей социальной деятельности.

Таким образом, Юрчак использует базовую постструктуралистскую модель личности (ее же можно найти у Зигмунда Фрейда, Жака Лакана или Славоя Жижека), основанную на понимании власти как вездесущей и всепроникающей. Противоречие, о котором я говорил выше, возникает, когда эта модель ис-

пользуется для обоснования того, что в советском культурном пространстве появляются структуры вненаходимости, подрывающие советскую систему изнутри. Эта аргументация Юрчака подразумевают другое понимание власти — власть, локализованную в «авторитетном дискурсе» и неспособную проникнуть в те культурные формы, которые он определяет как «пространства свободы». С этой перспективы «Это было навсегда» является развитием диссидентского взгляда на советскую действительность, который жестко разводит по разным сферам государство с его «авторитетным дискурсом» и советскую интеллигенцию (почти все информанты Юрчака — люди с высшим образованием, с. 80–81). Согласно Юрчаку, хотя советская интеллигенция и участвовала во всех ритуалах государства, но делала это именно ритуализованно, без смыслового наполнения, и тем самым опустошала государственную идеологию и практику и в конечном итоге способствовала «разрушению смысловой структуры системы и кризису ее идеологической функции» (с. 471). Именно поэтому Юрчак и утверждает, что равнодушие последнего советского поколения к официальной идеологии и его активное участие в неофициальной культуре «неверно было бы рассматривать как *аполитичное* отношение» — аполитичным оно казалось самим советским людям и сторонним наблюдателям, однако в действительности, как утверждает Юрчак, это была «политика особого вида, которую мы назвали политикой вненаходимости» (с. 471–472). В этом отношении нельзя согласиться с Плат-

том и Натансом, когда они пишут, что «Юрчак утверждает, что такие альтернативные области значений были исключительно аполитичны» [Платт, Натанс, 2010]. Однако политика подразумевает наличие политического субъекта, а политический субъект — начиная еще с «политического животного» Аристотеля — предполагает наличие власти, без которой политика как форма социальной деятельности просто не имеет смысла.

Методологический эклектизм в «Это было навсегда» не является недостатком сам по себе, но тем не менее заставляет задать вопрос: если Юрчак выстраивает на основе критической теории дискурсивную модель советской личности, а потом утверждает, что эта личность в своей повседневной деятельности создает пространства свободы, не возникает ли опасность того, что эти пространства свободы являлись не исторической реальностью, а *симптомом*, сигнализирующим о работе структур власти, что поставило бы под сомнение само определение такого состояния через категорию «свобода»? Ведь детерриториализация не является неким фиксированным феноменом. Жиль Делёз и Феликс Гваттари, введшие этот термин в словарь социального анализа, подчеркивали ситуативный, импульсивный — если угодно, тактический — характер этого процесса, в то время как Юрчак описывает культурные формы, существовавшие в течение длительных временных периодов и, несомненно, подвергшиеся влиянию со стороны дискурса власти. Иными словами, книга Юрчака представляет хорошее описание

позднесоветских практик утраты ассоциации с доминирующим идеологическим режимом, однако она игнорирует практики погруженности в социальный дискурс, его свойство «привязываться» к субъектам. Проиллюстрировать это можно аргументацией одного из самых агрессивных критиков Юрчака.

Перед этим нужно отметить, что несомненная методологическая ценность книги Юрчака заключается в его принципиальном отказе от описания советской истории через внешние аналитические концепции и понятия. Причина этого отказа заключается в том, что формы концептуализации, выработанные в рамках другой политической культуры, неизбежно превращают социалистическую историю в «чужой», девиантный и опасный опыт. Вместо этого Юрчак стремится выводить свои аналитические категории из материала собственно позднесоветской действительности (об этом хорошо написал Александр Беляев в предисловии к «Это было навсегда»). Как следствие, наиболее болезненную реакцию популярность книги Юрчака вызвала у тех западных историков, для которых исторический опыт СССР не имеет собственной ценности, а важен лишь как опыт подавления личности со стороны государства и сопротивления личности этому подавлению — подход, при котором нормативной признается (нео) либеральная модель государства, общества и личности.

Наиболее ярко это отторжение выразил профессор истории Университета Болл (Ball State University)

Сергей Жук, который в № 3 *Ab Imperio* за 2014 г. утверждает, что популярность теоретической модели Юрчака в американской славистике «привела к очень опасным эпистемологическим и методологическим последствиям», а именно «неконфронтационным, конформистским и «эмоционально позитивным» подходам к анализу советского и постсоветского общества и культуры» и, в конечном итоге, к поддержке «антиукраинской позиции и внешнеполитического курса путинского режима» [Zhuk, 2014: 207–208]². Оставив в стороне сомнительность логической связи между антропологическим подходом Юрчака и нежеланием западных славистов выработать единокласную оценку современных российско-украинских отношений (что было бы очень по-советски), я хочу обратить внимание на основную научную претензию Жука к «Это было навсегда». Жук, являющийся автором монографии об истории рока и неформальных молодежных движений в Днепропетровске, акцентирует контркультурный характер потребления западной культуры в советском обществе и утверждает, что, оказавшись в советском контексте, западная рок-музыка, кино и одежда производили новые, антисоветские значения [Zhuk, 2010, 2014: 204–205]. Но когда Жук утверждает, что потребление западной и производство местной рок-музыки было не пространством вненаходимости по отношению к советской идеологии, а являлось активной формой сопротивления

режиму, он повторяет — через два с половиной десятилетия после распада СССР — официальную позицию коммунистических идеологов о связи между рок-музыкой и антикоммунистической моралью (рок как идеологическое оружие), которую Юрчак рассматривает в начале главы 6 (с. 404–407). Если отбросить риторическую позицию Жука, видно, как его личная включенность в то, что Юрчак определяет как советское пространство свободы (Жук сам был членом неформальных молодежных движений, о которых написана его книга), не привела к «размытию» советского официального дискурса, а, наоборот, продемонстрировала удивительную живучесть этого дискурса, его способность к воспроизводству в совершенно других условиях и по отношению к другому объекту³.

Юрчак не раз подчеркивает, что его интерес к немагистральным, маргинальным формам культуры вызван стремлением работать симптоматически, описывать те культурные формы, которые свидетельствуют о сдвигах в системе производства смыслов. Но что, если мы обратимся к такому, несомненно, маргинальному феномену, как подпольные виды спорта в СССР, а именно восточные единоборства и культуризм? Они вписываются в концепцию Юрчака, представляя собой пример детерриториализации, причем не только метафорической, но еще и буквальной: они вытеснены из области официального спорта в подвалы. При этом «Игла», где герой Вик-

² Перевод первых двух цитат мой, третья приводится из русского резюме.

³ Более подробное описание подобных процессов см. [Ушакин, 2009].

тора Цоя эффектно демонстрирует навыки владения восточными единоборствами, — это не неподцензурное, а вполне советское кино, в котором, выходя из подвала, герой борется с героиновой мафией, то есть берет на себя осуществление функций власти в ситуации, где аппараты государственной власти дают сбой. Знаменитые «люберы» конца 1980-х гг., вышедшие из подвальных «качалок», взяли на себя функцию «очистки» Москвы от веяний западной культуры, т. е. поставили перед собой цель, которую в годы оттепели выполняли комсомольские дружины, боровшиеся со стилистами. Наконец, профессиональные советские культуристы, основав свою федерацию в 1987 г. и вступив в международную федерацию бодибилдинга в 1988 г., первым делом начали выступать на международной арене в качестве «сборной СССР» (Team USSR). Данные примеры показывают, что пространства, вроде бы находящиеся «вне» официальной идеологии (в данном случае советский подвал, переоборудованный в спортивный зал), способны производить лояльных режиму граждан даже в тех ситуациях, когда режим усиленно этому сопротивляется руками своих чиновников от спорта.

«Это было навсегда...» является важным исследованием, которое способствует более глубокому пониманию общества, политики и культуры периода позднего социализма. Не обязательно соглашаться со всеми интерпретациями позднесоветского общества, которые предлагает Юрчак, однако его стремление работать с советским материалом через собственные категории советского общества

дает интересные и продуктивные результаты. В конечном итоге его книга не зря вызвала жаркие дебаты в англоязычной славистике и повлияла на другие исследования позднего социализма, появившиеся за десять лет, которые прошли после оригинальной англоязычной публикации. Хотя историкам покажется слабой его источниковая база, а социологи обратят внимание на проблемы репрезентативности в подборе информантов, книга достигает цели, которая ставится перед любым научным исследованием: она производит новое знание. Диалог с ней должен оказаться продуктивным и для отечественной исторической науки.

REFERENCES

Fitzpatrick Sh. Normal People // London Review of Books. 2006. Vol. 28. N 10. 25 May.

Fuko M. Psihiatricheskaja vlast'. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu / Per. s fr. A.V. Shestakova. SPb.: Nauka, 2007.

Ostin Dzh. Kak sovershat' dejstvija pri pomoshhi slov // Ostin Dzh. Izbrannoe / Per. s angl. Makeevoj L.B., Rudneva V.P. M.: Ideja-Press; Dom intellektual'noj knigi, 1999. S. 13–135.

Platt K.M. F., Natans B. Socialisticheskaja po forme, neopredelennaja po sodержaniju: Pozdnesovetskaja kul'tura i kniga Alekseja Jurčaka «Vse bylo navečno, poka ne konchilos'» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 1. S. 167–184.

Ushakin S. Byvshee v upotreblenii: Postsovetskoe sostojanie kak forma afazii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 100. S. 760–792.

Jurchak A. Authoritative discourse // London Review of Books. 2006. Vol. 28. N 12. 22 June.

Zhuk S. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960–1985. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press & Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010

Zhuk S.I. Ukrainian Maidan as the Last Anti-Soviet Revolution, or the Methodological Dangers of Soviet Nostalgia (Notes of an American Ukrainian Historian from Inside the Field of Russian Studies in the United States // *Ab Imperio*. 2014. N 3. P. 195–208.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // *Остин Дж. Избранное* / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

Платт К.М. Ф., Натанс Б. Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: Позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» // *Новое литературное обозрение*. 2010. №1. С. 167–184.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // *Новое литературное обозрение*. 2009. №100. С. 760–792.

Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007.

Fitzpatrick Sh. Normal People // *London Review of Books*. 2006. Vol. 28. N 10. 25 May.

Yurchak A. Authoritative discourse // *London Review of Books*. 2006. Vol. 28. N 12. 22 June.

Zhuk S. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960–1985. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press & Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010

Zhuk S.I. Ukrainian Maidan as the Last Anti-Soviet Revolution, or the Methodological Dangers of Soviet Nostalgia (Notes of an American Ukrainian Historian from Inside the Field of Russian Studies in the United States // *Ab Imperio*. 2014. N 3. P. 195–208.

Д.В. Ливенцев

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЛЕГИТИМНОСТЬ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рец.: *Денисенко В.В.* Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.

В.В. Денисенко посвятил свое монографическое исследование тематике, которая одновременно относится к числу теоретически значимых и сравнительно малоизученных вопросов юридической науки и социологии и философии права. Категория «легитимность» — в настоящее время является очень популярной, она активно используется в политической, правовой литературе, а также часто упоминается в средствах массовой информации при характеристике многих явлений политического либо правового характера. Между тем, если в политической науке проблемам легитимности власти посвящены многие фундаментальные исследования, то в современной российской юридической науке указанная категория практически не исследована. Поэтому категория «легитимность» чаще всего рассматривается в связи с политическими процессами, т.е. как характеристика власти, хотя легитимность права также является важнейшей характеристикой норм права. Как отмечается в монографии, «Даже само слово “легитимность”

юристами понимается неоднозначно: для многих легитимность это синоним слова законность (легальность), для других легитимность тождественна легитимации, то есть процедуре придания власти или позитивному праву законной силы. Поэтому, раскрывая проблемы легитимности применительно к праву, первоначально необходимо проанализировать существующие подходы, конкретизировав ее содержание. Как было сказано выше, в отечественной юриспруденции не существует единого понимания рассматриваемой категории и связано это прежде всего с тем, что в советской теории права категория “легитимность” практически не использовалась и не разрабатывалась, поэтому в настоящее время существуют различные интерпретации понимания указанного термина отечественными правоведами» (с. 5). Автор монографии обращает внимание на то обстоятельство, что исследование вопроса о легитимности власти связано с проблемой исследования легитимности норм в сфере юридической деятельно-

сти, поскольку легитимность представляет собой необходимое условие для реализации позитивного права в обществе.

В предложенной В.В. Денисенко работе творчески переосмыслен комплекс основных идей, связанных с вопросами легитимности и легитимации права. В частности, сформулированы авторские подходы к легитимности права (как свойства права, в силу которого существует признание правовых норм) и правовой легитимации (как процесса, при помощи которого право становится легитимным). Даны отчетливые философско-методологические ориентиры для исследования процедур легитимации, лежащих в основе действующего права (через демократические процедуры, правовые принципы, юридические процедуры взаимодействия общества и власти, идеологические требования об изменении законодательства и др.). Важным аспектом понимания правовых аспектов легитимности является отграничение от смежных явлений и категорий, прежде всего от категории «законность», таким образом, научное осмысление нетождественности «легальности» и «легитимности» — позволяет рассматривать аксиологические вопросы легитимности, определяя «социальное признание» того или иного правового института. Согласимся с В.В. Денисенко в том, что «причина, по которой ряд отечественных ученых-правоведов отождествляют категории «легитимность» и «легальность (законность)», видится в том, что эти исследователи не делают различия между процессом и свойствами, то

есть между “легитимацией” и “легитимностью”» (с. 15).

Интересен выработанный автором монографии подход к пониманию легитимности как категории, характеризующей сущность права, которая интерпретируется им как признание юридического текста или действия, связанное с социокультурными особенностями общества. Как указывает автор монографии, «Без понимания вопросов легитимности права как вида социальных норм нельзя ответить на вопрос — как формируются нормативные порядки, обладающие силой связывать волю индивидов, направлять их поведение. Именно *признание* позитивного права является причиной его исполнения, наделяет его силой в правоотношении, ибо реализация закона исключительно по причине страха наказаний, так называемое маргинальное правомерное поведение, никогда не будет достаточным для достижения целей правового регулирования» (с. 42). Такой подход, выходящий за пределы юридического позитивизма, и является ключевым в работе В.В. Денисенко.

Заслуживает внимания достаточно сжатый и в то же время информативный обзор основных представлений о легитимации права, сложившихся в ходе эволюции антропосоциогенеза и изменения правовых культур. Автор на основе научного анализа каждый раз находит концептуальное выражение для особенностей легитимности, признаваемой правовой системой в различных правовых культурах. Это дает возможность наглядно

проследить трансформацию легитимности права в различные исторические периоды. При этом заслуживает внимания исследование рациональных и иррациональных аспектов легитимности права. Любопытны идеи В.В. Денисенко о проблеме формализма современного права: «...так как в настоящее время дальнейшее развитие **формализма права** приводит к кризису легитимности, нельзя согласиться с теми отечественными юристами, сторонниками самостоятельности или закрытости правовой системы от участия в юридических процедурах граждан. Немаловажно отметить, идеи формального равенства и приоритета прав личности означают участие граждан в правотворчестве и как раз легитимируют современное рациональное право, так как в условиях светского современного сознания исключение граждан из правотворческих процессов приводит лишь к отчуждению» (с. 91).

В первой главе монографии В.В. Денисенко предложено достаточно оригинальное видение с позиций классических и постклассических теорий правопонимания проблем легитимности и ценностей — свободы, равенства и справедливости, — а также некоторых инструментальных ценностей, служащих для осуществления базовых. В частности, ключевым значением наделяются: тип культуры как способ воспроизводства правового порядка в традиционном и современных обществах; доверие как условие реализации нормативного требования и т.п. Автор проводит разграничение между легитимацией в тради-

ционных и современных правовых системах, что имеет большое значение при формировании правовой политики современной России: «Идеи “служения”, “обязанности” и “жертвенности”, так часто встречающиеся в работах отечественных религиозных мыслителей, призывающих к иррациональным основам легитимации власти и закона, не являются уникальными качествами какой-либо, например православной или восточной, культуры. Они вообще характерны для традиционного общества в целом, например самураи Японии и традиционная мораль Бусидо, идеи служения рыцарей-тамплиеров и рыцарства вообще в культуре европейского средневековья, примеры можно приводить довольно долго. Но с развитием современного общества, с переходом “от общины к обществу” неизбежен отход от таких идей, ибо их обоснованием может служить лишь одно — а именно: признание неравенства, отсутствие свободы и ценности жизни индивида оправдывается священной аурой власти и законов» (с. 88). В монографии обосновывается рациональный способ легитимации современного права, что связано с глобализацией и модернизацией общества в целом.

Является ценным данный автором во II главе монографии научный анализ легитимности в современном обществе, в условиях модернизации, которая связана с неизбежной «юридификацией общества». В ходе глобализации и формирования общества постмодерна автор раскрывает проблемы кризиса легитимности и путей его преодо-

ния. Несомненное теоретическое и практическое значение имеют выводы автора о правовом регулировании, содержащиеся во второй главе. В.В. Денисенко проводит критический анализ инструментального подхода к указанной проблеме: «Субъекты общественных отношений по сути понимаются как объекты правового регулирования, на которые воздействует публичная власть, используя стимулы и ограничения. Но такой целерациональный подход приводит к исключению человека из процесса принятия юридического решения, формализации, бюрократизации социального регулирования, что приводит к отчуждению граждан от права, кризису легитимности власти, росту национализма и религиозного фундаментализма, так как в процессе применения права гражданин не играет самостоятельной роли. Главную роль в судебных процессах выполняют юристы, граждане при этом не понимают терминов, аргументации принятия решения, что приводит к формализации судопроизводства, отстранению человека от реализации права. Таким образом, можно сделать вывод, что для преодоления патологий модернизации и рационализации позитивного права явно недостаточно позитивистского

механистического подхода к праву. Так, с таких позиций абсолютно исключается роль личности и ее прав в правовом регулировании, ибо позитивистская методология неспособна на этот аспект понимания права» (с. 132). Следует согласиться с обоснованными выводами автора монографии о необходимости интерессубъективного подхода к проблемам правового регулирования и вопросам признания правовых норм.

В монографии «Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию» содержится и ряд других положений, носящих новаторский характер и представляющих высокий научный интерес, что позволяет отнести данную работу к исследованиям, задающим новый научный дискурс и вскрывающим малоисследованные аспекты известных понятий. Можно сделать вывод, что рассматриваемое издание имеет несомненную научную и практическую ценность для специалистов в области политологии, истории, юриспруденции, студентов и всех лиц, интересующихся проблемами взаимодействия власти и граждан, совершенствования и эффективности законов современной России.

О.В. Хаванова

Рец.: *Vermes G. From Feudalism to Revolution: Hungarian Culture and Politics in the Habsburg Monarchy, 1711–1848. Budapest, 2014. 388 p.* [Вермес Г. От феодализма к революции: Венгерская культура и политика в Габсбургской монархии, 1711–1848 гг. Будапешт, 2014. 388 с.]

Перед ученым, изучающим отечественную историю, живя в эмиграции, стоят непростые задачи: интегрироваться в изначально чуждую научную среду, овладеть не только иностранным языком, но и историографическими приемами и стилем этой страны, сохранить связи с родиной, вернуться к своему читателю с новыми идеями и смыслами. Включение Венгрии в орбиту влияния СССР и поражение революции 1956 г. заставили тысячи венгров предпочесть эмиграцию жизни при советском строе. В их числе — начинающие и будущие историки, которые со временем познакомили читателей всего мира с историей Венгрии на английском, немецком, французском языках — Иштван Деак, Карой Кечкемети, Ласло Петер и др. До революции Габор Вермес (1933–2014) успел стать дипломированным геологом, но, покинув родину и переехав в США, поступил на исторический факультет Стэнфордского университета, затем преподавал некоторое время там, а с 1972 г. — в Рутгерском университете.

Заслуженное уважение в международных научных кругах ему при-

несло блестящее исследование о венгерском премьер-министре Иштване Тисе (1861–1918) — сыне ключевого государственного деятеля эпохи австро-венгерского дуализма Кальмана Тисы (1830–1902). Ученый не просто реконструировал малоизученную биографию видного политика, но и предложил глубокий анализ венгерского либерализма, с одной стороны провозглашавшего равенство прав для членов политической венгерской нации, с другой — отстаивавшего принцип культурного превосходства мадьяр над иными национальностями королевства. Секретом успеха стал избранный автором принцип жизнеописания — сохранение дистанции с предметом исследования, не просто механистическое помещение персонажа в реалии эпохи, но определение того, как его деятельность и взгляды вписывались в магистральную линию развития общества в целом. опережал ли он современников, плелся ли в хвосте, и насколько ценились его суждения и поступки? Книга вышла в 1985 г. в США на английском языке, была переведена на венгерский, выдержала на родине два издания и по сей день считается классической.

В начале 90-х гг. прошлого века внимание ученого привлек к себе более ранний полуторавековой период национальной истории. Две рубежных даты – заключение Сатмарского мира в 1711 г., ознаменовавшего прекращение вооруженной борьбы венгров против Габсбургов, и революция 1848 г., когда непримиримые противоречия между страной и династией вновь вылились в кровопролитный конфликт. И XVIII столетие, и первая половина XIX в. считались и (в некотором роде) по сей день считаются в венгерской исторической науке дискуссионными. В XIX – начале XX в. период после 1711 г. откровенно называли временем упадка, когда католическая династия «приручила» венгерскую аристократию и тем самым лишила страну национально ориентированной политической элиты. Первым вызов этой концепции бросил Дюла Секфю (1883–1955), который показал, как после десятилетий разрушительных «освободительных походов и войн» наступили мирные десятилетия созидания, восстановления материальных и людских ресурсов, подорванных полуторавековым османским владычеством, и, наконец, полноценного возвращения в европейскую цивилизацию.

Период, предшествовавший революции 1848 г., получил в венгерской исторической науке звучное имя «эпоха реформ». Именно тогда были вынесены на общественное обсуждение многие из проектов преобразований, которые потом на практике попытается осуществить революционное правительство. Тогда в стенах Государственного собрания и в дружеском кругу единомышленников

обсуждались введение буржуазных свобод (печати, собраний), неограниченное право отчуждения земельной собственности, развитие системы кредитования, отмена феодальных повинностей, которыми сверх меры обременено крестьянство, упразднение цеховых ограничений на развитие производства и пр. Как произошел этот интеллектуальный взрыв? Можно ли обнаружить генетическую связь со всплеском политической активности в начале 1790-х гг., когда общество, отказавшись принимать реформы просвещенного абсолютизма так, как их насаждали из Вены, само принялось горячо обсуждать примирение просвещенных идеалов эпохи с «национальными» интересами родной страны? Об этой преемственности в XX в. писали Элемер Маюс (1898–1989), Эва Балаж (1915–2006), Домокош Кошари (1913–2007). Далее, была ли «эпоха реформ» пробуждением общества, которому стали тесны феодальные рамки политики и культуры, или это не более чем прекрасный миф, возникший благодаря десятку светлых голов (в их числе Иштвану Сечени (1791–1860), Лайошу Кошуту (1802–1894), Миклошу Вешшелени (1796–1850) и др.), бросивших вызов обществу, впавшему в апатию в полицейском государстве Франца I (1792–1835 гг.) и Фердинанда I (1835–1848 гг.).

Вермешу потребовалась изрядная доля научного куража, чтобы взяться за круг проблем, который уже освещали корифеи национальной исторической мысли. Возможно, ученому, не интегрированному в венгерскую научную среду, оказалось легче предложить свое, глубоко

индивидуальное видение дискуссионной эпохи. Как и первая монография автора, книга была изначально написана им на английском языке и затем переведена на венгерский под заголовком «В вихре культурных перемен. Венгрия между 1711 и 1848 годами». На этот раз, однако, издание венгерского перевода в 2011 г. существенно опередило подготовку к печати английского оригинала, вышедшего в свет только в 2014 г.

Венгерский или искушенный в венгерской истории читатель найдет в книге много сведений общего характера, хорошо известных специалистам. Однако живой язык, тщательно и бережно отобранные цитаты из источников делают изложение многих хрестоматийных сюжетов занимательным. Вермеш может служить примером того, как ученый, живущий за тысячи миль от изучаемой страны и не имеющий возможности неспешно и кропотливо трудиться в национальных архивах, способен во всей полноте использовать опубликованные источники, старую и новую историографию. В списке использованной литературы в конце тома нашлось место для протоколов и дневников государственных собраний, памфлетов и публицистики, путевых заметок и прессы.

Несомненным достоинством книги также является стремление автора анализировать национальную историю в категориях и с помощью методологии, применяемых современными историками, культурными антропологами, социальными психологами к другим странам и культурам. Многолетний опыт преподавания в американских уни-

верситетах позволил Вермешу легко переходить от историко-антропологических обобщений Питера Берка к наблюдениям из венгерской истории, сделанным Д. Кошари или А. Мишкольци. Это размыкает узкие рамки сугубо национального подхода к прошлому, позволяет представить перемены, происходившие в венгерской политике и культуре, в более широком контексте типологически сходных явлений.

Во введении он сам называет образец, которому стремился подражать — книга британца Тима Блэннинга «Культура власти и власть культуры. Европа старого порядка, 1600–1789», где убедительно показано рождение публичной сферы и ее растущее влияние на институты власти. Собственную исследовательскую задачу Вермеш сформулировал так: «Проследить иногда ускорявшиеся, иногда замедлявшиеся культурные процессы и их взаимные влияния в заданных исторических параметрах». Он также остался верен своему неизменному интересу к человеческому фактору: «Последствия таких влияний следует измерять не только по институтам и историческим событиям, но и по личностям сменявших друг друга эпох, потому что различные исторические процессы оказывают решающее воздействие на формирование персональных убеждений и поведенческое самовыражение».

Интеллектуал либеральных убеждений, Вермеш вольно или невольно рассматривает общество старого порядка через либеральную призму. С одной стороны, он декларирует необходимость «понять обладающий

великой силой сословный менталитет с точки зрения эпохи, окружения, тогдашней иерархии ценностей так, чтобы не идеализировать его и не очернять». С другой стороны, у читателя не остается сомнений, что автору глубоко чужд социальный уклад старой Венгрии, где дворянство не просто провозглашало себя нацией, но и фактически монополизировало сословное полноправие. От общества Старого порядка он, об­разно говоря, требует соответствия меритократическим стандартам современных социумов: «Влияние мелкого дворянства в период с 1750 по 1848 г. возросло, — пишет историк, — и лишь единицы могли в XVIII в. представить, что Венгрии ждет подлинно демократическое будущее». Или в другом месте: «Реформу образования в Венгрии характеризовали мелкие победы и гораздо более глубокие разочарования, ибо чего могут добиться реформы в стране, где глубокая экономическая отсталость сочетается с высокоразвитой социальной спесью и чувством социального превосходства у дворянства».

Такие рассуждения никогда не были широко распространены в венгерской исторической науке. Подавляющее большинство историков, подводя итог взвешенному анализу положительных и отрицательных черт привилегированного сословия, все-таки предпочитали вести речь о нем как о хранителе и воплощении венгерской государственности, видеть в его борьбе за привилегии благодатную почву для последующего распространения в стране либеральной идеологии. Об ограниченности, себялюбии, корысти дворянства как чертах, определяю-

щих его социальный профиль, открыто говорили, пожалуй, только Л. Петер и Янош Поор. Далекий от марксизма Вермес даже характеристику венгерского общества XVIII в. начинает не с вершины социальной пирамиды — дворянства, а с ее основания — крестьян.

На протяжении всей книги автор — чуткий диагност общественных настроений — отслеживает, как буржуазно-либеральные принципы сначала робко и непоследовательно, затем всё более осознанно и отчетливо звучали в высказываниях, суждениях, программах общественных деятелей XIX в. **Некоторым главам** книги автор дал яркие, даже хлесткие заголовки. Так, период между 1711 г. и первыми признаками укоренения в стране идей европейского Просвещения и культурной открытости в конце века он назвал «радости и горести топтания на месте». По его словам, в первые два десятилетия XIX в. происходит «медленная эрозия традиционализма», а затем начинается движение «нетвердой поступью к реформам», где в конце пути — не прорыв, но складывание (всего лишь) либеральной «субкультуры».

Автор приходит к выводу, что у подлинно либеральной системы взглядов не было и не могло быть в феодальной Венгрии широкой социальной базы. В ходе оживленных, порой непримиримых и ожесточенных дискуссий о путях реформ в 30–40-е гг. XIX в. «энергия, направляемая на преобразование общества», приняв поначалу облик культурного национализма с его преимущественным вниманием к языку, литературе, театру, включила в свою орбиту со-

циальные отношения, политические институты, экономические механизмы. Однако необходимость защиты государственной автономии королевства от централизаторских усилий Вены побуждала и «ультраконсервативное» большинство, и проникнутое идеями свободы меньшинство в равной мере апеллировать к такому памятнику сословной правовой культуры, «альфе и омеге» дворянской исключительности, как «Трипартитум» И. Вербёци – частной кодификации права, приобретшей обязательную силу посредством практики применения обычая. Большинство фигур «эпохи реформ» (за исключением молодого поколения дворян, чей политический идеализм был следствием художественно-философского влияния романтизма) принадлежали к обоим лагерям: жаждали духовного обновления, общественных преобразований, но не позволяли трогать сословную «конституцию» (совокупность основополагающих законов королевства), цементирующую социальное неравенство.

Крайне интересно видение Вермешем венгерского национализма, который за его мощнейшее каталитическое воздействие на политическую мобилизацию общества, формирование современного языка, культурную консолидацию нередко (как и дворянство) принято идеализировать. Автор с сожалением отмечает, что «национализм связал общество, но не уничтожил ни культурных, ни социальных границ». Более того, века борьбы с Габсбургами и османами оставили на нем неизгладимый след. Он сочетал в себе, с одной стороны, глубокий пессимизм и предчувствие ката-

строфы, с другой – героизм и необоримую жизненную силу. Страх перед явными и мнимыми угрозами со стороны сербов ли, румын ли, породил тезис о превосходстве мадьяр над другими народами королевства и, как следствие, дискриминационные меры в их отношении всякий раз, когда правящая элита страны испытывала страх перед расширением сферы влияния России на Балканах. Героическое начало в национализме на исходе XIX в. переродилось в самолюбование и воспевание собственной исключительности.

Вермеш – не первый венгерский интеллектуал, кто в полемических эссе перебрасывал мост между прошлым и днем сегодняшним. В одном из самых светлых, полных надежд периодов венгерской истории – «эпохе реформ» – он предложил заимствовать примеры для подражания и черпать веру в то, что будущее страны не высечено раз и навсегда резцом по камню, но находится в руках поколений, способных, оглядываясь на достойных подражания предков, менять судьбу нации к лучшему. Российского читателя книга должна привлечь не только малознакомым венгерским, центральноевропейским контекстом и спецификой, но и отмеченной выше методологической открытостью к сравнению стран, народов, эпох, стремлением уловить не всегда прямую взаимосвязь между культурными и политическими процессами, эмоциональной окрашенностью рационального постижения национальной истории.

К сожалению, в год выхода из печати долгожданной английской версии книги историк скончался.

Е.В. Суровцева

НОВАЯ КНИГА ОБ АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ БЫТЕ

Рец.: *Зыкова Е.П.* Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 232 с.

Монография посвящена анализу культурной ситуации, в которой жили и творили английские писатели XVIII в., и тому **жизненному выбору**, который они осуществляли, творчески осмысляя свою судьбу. «Быт и нравы» – традиционная тема культурологических исследований», – справедливо пишет автор (с. 3). В самом начале исследования автор упоминает Б.М. Эйхенбаума, вероятно, потому что именно он впервые затронул тему литературного быта¹. Зыкова, опираясь, в частности, на положения и выводы упомянутого исследователя, пытается – и довольно успешно – проанализировать быт и нравы Англии целого столетия, такого насыщенного и сложного.

По мнению исследовательницы, «настоящий, некалендарный» XVIII в. открывается в 1688 г. – годом так называемой «славной революции». Одна из главнейших черт эпохи Просвещения – обмирщение культуры, когда мнение писателя и философа становится более весомым, нежели слово священнослужителя.

«Задача <...> монографии – проследить, как конкретно происходила <...> борьба (просветительской идеологии, противостоящей христианской, за господство. – *Е.С.*) и постепенная эволюция представлений, моральных требований и идей в сознании английских литераторов на документальном материале их писем и дневников» (с. 10). В связи с проповеднической ролью английского писателя автор книги вспоминает высказывание, популярное в России середины XX в.: «Поэт в России больше, чем поэт». Таким образом, автор книги проводит параллель между учительской ролью литераторов в Англии эпохи Просвещения и в СССР. В рассматриваемую в рецензируемой книге эпоху для английских писателей одним из важнейших становится вопрос о соотношении жизни и творчества, так как «и то, и другое является творческим процессом» (с. 9). Зыкова подробно анализирует, например, письма Аддисона, утверждая, что письмо «является естественным и непосредственным выразителем моделей поведения, складывающихся у тех или иных слоев общества в данную эпоху» (с. 11). В данном

¹ См. [Эйхенбаум, 1987].

случае Зыкова следует за Л. Гинзбург, формулирующей цели и задачи своего собственного исследования [Гинзбург, 1977] таким образом: «соотношение между концепцией личности, присущей данной эпохе и социальной среде, и художественным ее изображением» [Гинзбург, 1977]. От писателя ожидается, что он живет в соответствии с теми нормами, которые отражает в своих писаниях. Зыкова отмечает, что, например, Аддисон был знаковой фигурой XVIII в. в частности именно потому, что в глазах современников «он был образцом неразрывности слова и дела» (с. 54).

В главе первой («Кофейня, клуб, салон») рассматривается литературный быт эпохи, который представлен в истории наиболее известных кружков, клубов, салонов эпохи.

Следующие шесть глав посвящены отдельным писателям («Джозеф Аддисон: совершенный человек “августинской” эпохи»; «Александр Поуп: содержание биографии образцового поэта»; «Сэмюэль Ричардсон: романист в роли “отца семейства”»; «Сэмюэль Джонсон: последний “августинец”»; «Лоренс Стерн: романист в роли сентиментального героя»; «Лорд Честертон: от “искусства жить” к “искусству” достигать успеха»). Именно на примере их писательских и человеческих судеб раскрываются литературные нравы эпохи на основе анализа многочисленных документов, показывающих отношение писателей к религии, творчеству и честолюбию, любви и дружбе, славе и богатству, деньгам и смерти, то, как они выстаивали собственную биографию».

Эпистолярное наследие, наряду с биографиями, автобиографиями, апологиями, мемуарами, дневниками, согласно результатам Зыковой, дает богатейший материал для анализа эпохи. Обширный и разнообразнейший корпус писем исследовательница привлекает при анализе жизни и творчества таких литераторов, как А. Поуп, С. Ричардсон, Ф. Честерфилд, Д. Аддисон. Этот жанр был настолько любим и популярен, что XVIII в. создал даже гибридную разновидность жанра — дневник в письмах (*letter-journal*), в качестве примера коего в книге рассматривается «Дневник для Стеллы» Свифта (с. 29, 84, 113, 186). С другой стороны, Ричардсон «перенес содержание исповедального дневника в форму дружеского письма...» (с. 113) — таким образом, мы и в данном случае имеем дело с взаимопроникновением жанров. «Письмо чрезвычайно интересно для нас как бытовой документ, который содержит в себе моменты осмысления, структурирования жизненного опыта человека, осуществляемые повседневно, в потоке своего существования» (с. 11) — именно это основное положение рассматриваемой работы основано на указанном исследовании Гинзбург. В «человеческих документах», говоря словами Гинзбург, таких как письма, дневники, исповеди, эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности. Рассматривая переписку Поупа, автор рецензируемого исследования отмечает, что переписка этого литератора была опубликована еще при жизни автора — было одно «пиратское» издание и одно издание, подготовленное самим автором. Поуп рассчитывал, что именно по его переписке его со-

временники будут судить о нем как о человеке. Думается, Зыкова обращает внимание на этот аспект, следуя положению Гинзбург: «Эстетическая преднамеренность может достигнуть того предела, когда письма, дневники становятся явной литературой, рассчитанной на читателей — иногда по-смертных, иногда и прижизненных». Таким образом, письма Поупа правомерно рассматривать не только как документалистику, но и как собственно литературу, так как налицо установка на публичность. Английский писатель в своих письмах осознанно строит свой образ — Зыкова анализирует его письма, используя методику Гинзбург, примененную ею к анализу эпистолярного творчества Бакунина.

Предмет особого разговора в книге — письма Честерфилда. Кратко характеризуются его письма из Кембриджа, из европейского путешествия, но подробно анализируются, как и следовало ожидать, «Письма к сыну» (с. 201–212). Зыкова подробно перечисляет основные положения знаменитого произведения и приходит к тем же выводам, что и русский исследователь этого текста М.П. Алексеев². Выводы эти состоят в том, что Честерфилд видел в сыне исключительно воплощение своих собственных надежд, никак не учитывая его склонностей и особенностей характера, что сын в конечном итоге вел свою жизнь, скрываемую от отца, по своему разумению, что система воспитания Честерфилда по сути в данном конкретном случае провалилась. Однако вместе с тем Зыкова указывает на то, что письма приобрели реальное культурное зна-

чение, так как в них отразились новые, просветительские и антиклас-сическисцистические тенденции (с. 212). Зыкова вписывает «Письма к сыну» в традицию трактатов о правилах поведения — упоминаются «Государь» Макиавелли (цель оправдывает средства), «Книга о придворном» (1528) Кастильоне, «Достойный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630) Н. Фаре (как по-нравиться в неидеальном обществе). И вновь — ссылка на русского исследователя М.Л. Андреева [Андреев, 2010], проанализировавшего этот специфический жанр европейской литературы, находящийся по сути на пересечении самых разных жанровых образований.

Рассматривает Зыкова и иные документальные жанры. Так, объектом ее пристального интереса становятся «Мемуары о жизни и семействе преподобного м-ра Стерна», созданные писателем для дочери Лидии (см. с. 168 и далее). Стерн описывает своего отца — доброго, мягкого человека, свое обучение в университете, принятие сана в 1737 г., получение прихода, участие в полемике «Йоркширского газетчика» по поводу «земельного вопроса», историю своей женитьбы, дружбу с Джоном Холлом-Стивенсоном. Повествование «Мемуаров...» выдержано в стиле сентиментализма. Рассматриваются также такие тексты Свифта, как «Дневник для Стеллы» и «Дневник для Элизы», который «проникнут сентиментальной мечтательностью» (с. 186) и отличающийся от «Дневника для Стеллы» полным отсутствием бытовых подробностей и сосредоточенностью исключительно на чувствах автора. Отдельного разговора заслужили биографии

² См. [Алексеев, 1971].

Джонсона — «Жизнеописание Сэмюэля Джонсона» сэра Джона Хопкинса, музыковеда, и «Жизнеописание Джонсона» Джеймса Босуэлла, друга Джонсона, написанное на основании дневниковых записей разговоров с Джонсоном. «Для последующих поколений биография Босуэлла во многом затмила собственные литературные труды Джонсона» (с. 160). Отметим, что Гинзбург подробнее всего анализирует письма и мемуары, Зыкова же более обстоятельно, нежели Гинзбург, рассматривает дневники и жизнеописания.

В заключение автор рецензируемого исследования приходит к неожиданному выводу, что «ментальность ведущих английских литераторов XVIII века неразрывно связана с предшествующей культурной традицией и далеко не во всём еще стала собственно просветительской» (с. 218). Так, в мировосприятии литераторов «августинского» типа сохраняют свою силу классицистические черты (с. 219), они осознают себя также христианами, хотя и понимали религиозный долг весьма по-разному. Однако при этом отмечается, что «[к] концу века Джонсон со своей твердой англиканской верой оставался в культурной среде в явном меньшинстве...» (с. 154). Так что отход от христианства в культурной среде, увы, налицо.

На наш взгляд, перед нами интересное исследование английской литературы сложного XVIII в., построенное на комплексном анализе документальной литературы — в первую очередь эпистолярной и мемуарно-дневниковой, предлагающее картину литературных нравов и ин-

дивидуальных судеб писателей. Отметим, что ранее исследовательница выпустила книгу о жанре пасторали [Зыкова, 1999], и рецензируемую книгу автора можно рассматривать как продолжение плодотворного исследования английской словесности. Пожелаем же Е.П. Зыковой дальнейших научных свершений.

REFERENCES

Alekseev M.P. Chesterfield i ego «Pis'ma k synu» // Chesterfield. Pis'ma k synu. Maksimy. Haraktery / Ser. «Literaturnye pamjatniki». L., 1971. S. 277–304.

Andreev M.P. Bal'tassare Kastil'one i zhanr traktata o pravilah povedenija (Istorija literatury Italii). M.: IMLI RAN, 2010. T. 2. Kn. 2. S. 137–156.

Ginzburg L. O psihologicheskoj proze. M., 1977.

Jejhenbaum B.M. Literaturnyj byt // Jejhenbaum B.M. O literature. M., 1987. S. 428–436.

Zykova E.P. Pastoral' v anglijskoj literature XVIII veka. M.: IMLI; Nasledie, 1999.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев М.П. Честерфилд и его «Письма к сыну» // Честерфилд. Письма к сыну. Максимумы. Характеристики / Сер. «Литературные памятники». Л., 1971. С. 277–304.

Андреев М.П. Бальтассаре Кастильоне и жанр трактата о правилах поведения (История литературы Италии). М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 2. Кн. 2. С. 137–156.

Гинзбург Л. О психологической прозе. М., 1977.

Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: ИМЛИ; Наследие, 1999.

Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987. С. 428–436.

А.И. Рупасов

О «ЗАГОВОРИВШЕЙ ДРЕМАВШЕЙ СОВЕСТИ»

Рец.: *Чернявский Г., Станчев М., Тортика (Лобанова) М.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европейизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014. 557 с.

Христиан Георгиевич Раковский принадлежит к числу тех довольно немногочисленных деятелей коммунистического движения, интерес к которому подпитывается не столько фактом его трагической гибели как борца со сталинским режимом, сколько многочисленными, порождающими различные истолкования его деяниями, а также довольно скудной информацией об отдельных периодах его жизни, туману к которому он в свое время добавил автобиографией, написанной для 41-го тома энциклопедического словаря братьев Гранат («Деятели СССР и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии)»). Тогда редакция словаря пояснила свой замысел следующими словами: «История деятелей облекает плотью и кровью выводы массовых наблюдений и отражает изгибы жизни, не поддающиеся статистическому учету. Но для этого такая история деятеля должна быть историей только субъективной, должна быть написана самим деятелем; лишь тогда она приобретает объективно высокую ценность». Признание даже за написанной революционным деятелем автобиографией «объективно

высокой ценности» волей-неволей становится своего рода «планкой объективности» для оценки плодов «конкретно-исторического исследования», авторами которого стали Г.И. Чернявский, М.Г. Станчев и М.В. Тортика (Лобанова).

Усеянный оценками качеств Х. Раковского текст «Жизненного пути» не то что ставит читателя в тупик, но поражает метаниями авторов, по собственной воле загнавших себя в своеобразную ловушку. Один из идейных лидеров оппозиции, жертва тиранического режима Сталина должен был не только вызывать искреннюю симпатию. Он обязан был быть мыслителем, не довольствующимся вдумчивым анализом конкретной социально-политической и внутривластной ситуации, но способным на выработку стройной политической программы. Однако, как выясняется из текста монографии, именно анализ, не говоря уже о политическом творчестве, сильной стороной Раковского, этого «своеобразного социалиста» (с. 59) никогда не был. В начале XX столетия, по признанию авторов, «его работы не сосре-

дотачивались на строго отобранной тематике, не отличались глубиной проникновения в ту проблематику, которой он занимался в каждый данный момент». Судя по всему, авторы считали, что данный недостаток компенсировался тем, что Раковский «стремился использовать максимум источников на разных языках, не допускал произвольных оценок, выступал в качестве аналитика, а не легковесного журналиста» (с. 36). В дальнейшем, насколько можно судить из текста, процесс совершенствования аналитических способностей у Раковского полностью остановился: после революционных потрясений 1917 г. в России он лишь «усугубил свои познания в демагогии и популизме, которые ему, как и всем более или менее значительным политическим деятелям были свойственны и ранее» (с. 121), более того, лукавил «далеко не вполне чистоплотно» (с. 262). Уже в 1920–1930-е гг. «в спекулятивности и демагогии, в том числе в целях самозащиты, Раковский за годы советской власти преуспел» (с. 304). Быть может, основа для этого была заложена задолго до начала строительства социализма в СССР? Ведь еще в начале XX столетия Раковский оказывал финансовую поддержку лидеру левых социалистов Благодееву, большевику Ленину, меньшевикам Плеханову, Засулич, Дану, Мартову, независимому социал-демократу Троцкому. И, по мнению авторов, «в таком перечне лиц, получавших помощь, сказались не только щедрость, но и широта политических воззрений Раковского» (с. 38).

Можно допустить, что в начале 1920-х гг., когда Раковский возглав-

лял СНК Украины, то у него «где-то в тайниках души» «сохранились остатки тех социал-демократических умеренных идей, тех западноевропейских “пережитков”, которые, казалось бы, угасли в мясорубке Гражданской войны, кровавого террора и однопартийного властного произвола» (с. 134), но приведения хоть каких-либо косвенных данных о сохранении таковых «пережитков» обнаружить в тексте книги не удастся. Напротив, чаще речь в ней идет о «догматизированном втискивании» Раковским «реалий в схему взглядов Ленина и других большевиков» (с. 158). «Мышлению Раковского вполне был присущ партийно-государственный дуализм, оборачивающийся подчас прямым лицемерием» (с. 315). Слабость аналитических способностей Раковского проявлялась, как выясняется, не только при обращении к советским реалиям. Так, например, он «далеко не полностью учитывал прочные традиции рассудочности и расчета, реализма и конформизма, свойственные британским рабочим» (с. 314). Подводя итог, авторы назовут Раковского «опытным, сравнительно высоко теоретически и практически подготовленным деятелем» (с. 428), который «при всей своей опытности, вдумчивости, аналитических способностях» «оказался не в состоянии до конца понять степень вырождения государства и партии большевиков, включая ее низовые организации, утратившие творческие начала и целиком подчинившиеся теперь фанатичной дисциплине» (с. 413).

Словесная эквилибристика авторов, заметно сдобренная разбро-

санными по тексту ярлыками, заставляет обратить внимание на написанное Георгием Чернявским предисловие, в котором он восторженно отозвался об одном из своих соавторов: Мария Тортика (Лобанова) «со свойственной ей склонностью к теоретическим выкладкам и абстрактным комбинациям, базирующимся, разумеется, на анализе фактического материала, внесла новый тон в наше конкретно-историческое исследование» (с. 7). Поиски «теоретических выкладок» в тексте книги — напрасны, но словесных комбинаций — не счесть. Касаясь переговоров Раковского в Киеве в 1918 г., авторы пишут о том, что Раковский встречался с представителями украинской оппозиции, «стремясь внушить им коммунистическую доктрину», но сразу же замечают: «К сожалению, достоверных и конкретных данных по этому поводу нам обнаружить не удалось» (с. 104). Повествуя о переговорах Раковского с делегацией украинской Рады летом 1918 г., авторы особо подчеркивают то обстоятельство, что в своей словесной перепалке с видным украинским юристом Шелухиным Раковский «демагогически апеллировал к тому, что с точки зрения международного права РСФСР является преемником Российской империи!», но «видимо, осознал допущенный им промах, возможно, у него заговорила дремавшая совесть, не позволившая столь беззастенчиво кривить душой... Как бы забыв о только что сказанном, он заявил: “Мы не являемся преемниками ни ее тенденций, ни ее целей. Международно-правовая преемственность же сугубо формальна,

советская власть не распространяется на Украину”» (с. 100–101). «Рассматривая деятельность Раковского в качестве советского полпреда в столицах крупнейших европейских государств, мы, к сожалению, в силу отсутствия документов не в силах осветить его участие в “особой” деятельности — шпионаже и других прямых подрывных акциях, разложении белоэмиграции и насаждении в ее среде агентуры, финансировании компартий и т. п. Можно не сомневаться, что полпредства СССР в Лондоне и Париже в такого рода деятельности в той или иной степени участвовали», — утверждает авторский коллектив (с. 299). Ни прямых, ни косвенных доказательств участия Раковского в «особой деятельности» в распоряжении авторов не было, но желание обвинить его в таковой явно было настолько сильным, что от намека не удержались. «Интернационалист Раковский, став советским дипломатом, фактически превратился в проводника имперских амбиций тоталитарного государства, находившегося в процессе становления, но уже считавшего себя наследником Российской империи, хотя сам он сохранял внутреннюю осторожность в отношении таковой позиции, которая пока не выходила наружу» (с. 105). Остается загадкой, каким образом глава СНК Украины Раковский, «вторгаясь в дела КП(б) У», тем самым грубо нарушал нормы международного общезнания (с. 141). Доклад и заключительное слово Раковского на пленуме ЦК РКП(б) (31 марта — 2 апреля 1924 г.) считают авторы, «явились, по существу дела, критикой лицемерного и недобросовестного характера

большевистской внешней политики, хотя и выдержанной в эзоповском стиле (с. 215). Однако в приведенной довольно обширной цитате даже привкуса «эзоповского языка» не ощущается. Стремление поставить качества Раковского как дипломата выше качеств Литвинова приводит к тому, что являющийся по сути выволочкой ответ Литвинова на письмо Раковского из Лондона оценивается ими как «довольно беспомощный» (с. 227). Поражает не критичное отношение авторов к воспоминаниям Г. Беседовского. Приведенная мемуаристом пространная беседа со Сталиным о Раковском, сам факт которой, не говоря уже о содержании, вызывает вполне уместные подозрения, оснований для недоверия у авторов не вызвала (с. 348).

Парадоксальным образом подчеркнутое стремление к теоретическим обобщениям сочетается у авторов с исключительной невнимательностью именно к тем моментам, которые таковых обобщений требуют. При рассмотрении дискуссии о создании СССР в 1922–1924 гг., в которую был вовлечен Раковский и сколько-нибудь внятного анализа которой в книге читатель не найдет, следовало, казалось, ожидать возвращения авторов к эпизодам той полемики, которая десятилетием ранее разразилась вокруг идей Балканского союза. В последней Раковский довольно ярко, но прежде всего как журналист, проявил себя. Авторы справедливо заметили, что он «пытался интегрировать в нем (Балканская конфедерация, Балканский союз) понятия федерации и конфедерации, не видя между ними сколь-

ко-нибудь существенных различий» (с. 60), «Вновь и вновь он указывал на несущественность спора по поводу федерации или конфедерации, подчеркивая, что сами эти идеи весьма туманны» (с. 61). Позже, во время переговоров в Киеве с Радой в 1918 г., «Раковский, по-видимому, искренне верил в перспективную реальность» территориальной федерации для советской республики (1918) (с. 98). А уже на XII съезде РКП(б) он, по утверждению авторов, «находился теперь в авангарде тех деятелей, которые объявили войну великодержавному шовинизму, пришли к выводу, что шовинизм является серьезнейшей опасностью для большевистской власти... Раковский выступил не только как интернационалист, стремившийся защитить утопически понимаемую и всячески глобализируемую им революцию от шовинистического перерождения» (с. 169). Приводимый авторами набор вырванных из контекста цитат в лучшем случае следует рассматривать как нежелание выяснить, какое же содержание вкладывалось Раковским в такие понятия, как «гражданство», «национальность», «федерация», «конфедерация». Можно лишь предположить, что в основе этого нежелания было понимание того простого факта, что у героя их книги было весьма туманное представление о тех категориях, которыми он пытался манипулировать (впрочем, как и у его оппонентов). Более того, остается неясным, насколько вообще Раковский представлял себе этнический состав создававшегося государства. «С тревогой он говорил: “Здесь пахнет в общем космополитизмом. Вы начинаете ненавидеть понятие

«национальность» <...> коль сохраняются национальности, факт их существования должен получить отражение в национальном гражданстве» (с. 187–188). Правда, авторы намекают читателю, что позже (судя по контексту – во второй половине 1930-х гг.) «его федеративные идеи обогатились национальным содержанием» (с. 99), однако раскрытия этого умозаключения в их книге не найти. Брошенное вскользь замечание, что у Раковского «стремление отстоять государственность Украины было в то же время стремлением к личностному самоутверждению» (с. 170), заслуживало бы большего внимания с учетом весьма непростого положения главы СНК Украины в партийной и государственной элите этой республики, он не был для нее своим и понимал это. Едва ли устранение Раковского с поста главы украинского правительства сводимо исключительно к личной неприязни к нему Сталина. (Кстати, авторы, судя по всему, не вполне четко представляют себе даже границы УССР, поскольку по неизвестным причинам включили в них и Рязань.)

Логические построения авторов изысканностью не отличаются. Так, касаясь истории с получением Раковским в 1915 г. в Бухаресте денежных сумм от германского посольства для ведения антивоенной кампании, всплывшей в российской прессе после Февральской революции, они приходят к следующему выводу: «...с морально-этической точки зрения факт получения Раковским германских денег был немаловажным шагом на его пути к большевизму в ленинском

обличье» (с. 79). При этом для читателя остается неизвестной реакция самого Раковского на обвинения Бурцева в том, что он получал немецкие деньги, если таковым опровержением не считать участие Раковского в комиссии, которая занялась выяснением контактов его старого знакомого швейцарского социал-демократа Р. Гримма с «германскими официальными органами» (с. 81–82). По крайней мере об опровержениях упоминаний нет. В привлечении Раковского в начале 1918 г. к работе в НКВД, имевшем простое объяснение – в распоряжении правительства Ленина не было людей, которых можно было использовать для решения возникших с Румынией конкретных проблем – авторы без каких-либо колебаний увидели стремление большевистской верхушки использовать «на дипломатическом поприще таких деятелей, как Раковский», так как это позволяло создавать видимость эволюции в сторону более цивилизованного курса (с. 90), при этом забывая о том, как ими самими живописуется деятельность Раковского в Одессе.

Раковский в своей жизни особое внимание, как известно, уделял довольно ограниченному ряду проблем. Среди них особое место занимал так называемый «бессарабский вопрос», которому в книге отведены страницы 302–303. Однако ответа на вопрос, в чем же заключалась позиция Раковского, читатель не найдет. Судя по всему, авторы проигнорировали довольно многочисленные публикации документов и материалов по этой теме за последние полтора десятка лет. По сей

причине острая дискуссия именно по этому вопросу между ним и Литвиновым осталась им неизвестной.

Не может не удивлять туманное представление авторов книги об организационных моментах деятельности НКВД и Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). «22 октября 1925 г. вопрос обсуждался на Политбюро в присутствии Раковского. Решение гласило: 1) Обмен послов — тов. Раковского в Париж и тов. Красина — в Лондон — утвердить. 2) Тов. Раковскому перед выездом в Париж повидать тов. Чичерина». Вот так принимались смехотворные решения Политбюро, указывающие, когда и с кем кто из дипломатов должен встречаться, как будто и без этого не было ясно, что новый полпред должен получить инструкции наркома!» (с. 312). Авторы проигнорировали в данном случае тот факт, который сами упомянули на предшествующей странице: Чичерин в то время находился в Берлине. Общеизвестная практика — посол должен согласовывать с руководством свои поездки. Кроме того, следует помнить о сложных взаимоотношениях в тот период Раковского с Литвиновым (о чем авторы неоднократно, кстати, напоминают), но именно замнаркома Литвинов с 1923 г. курировал в НКВД отношения с Западом и должен был инструктировать в силу этого Раковского (Чичерину «достался» Восток). Взгляды Литвинова далеко не всегда совпадали с позицией наркома. Со своей стороны, политическое руководство с настороженностью относилось к Литвинову, чьи инициативы иногда «гасились» с помощью Чичерина. Так что о «смехотворности»

решения Политбюро едва ли стоит в данном случае писать.

Касаясь присутствия Раковского в январе–марте 1925 г. в Москве, авторы «небезынтересно отмечают», что «на тех заседаниях Политбюро, на которых присутствовал Раковский, он выступал только по международным вопросам, воздерживаясь от участия в общеполитических и хозяйственных прениях» (с. 281). Однако те протоколы Политбюро, которые были известны авторам, не фиксировали всех участников дискуссии и, кроме того, не фиксировали время прихода и ухода участников заседания, а только лиц, готовивших конкретный вопрос. Категорично утверждать, что Раковский не вступал в дискуссию по вопросам, не касавшимся мировой политики, едва ли стоит. С учетом того, что авторам были доступны весьма ограниченные материалы о дипломатической деятельности Раковского (его переписка с НКВД, отложившаяся в фондах РГАЭ, не позволяет дать оценку его работе, да и сферу торгово-хозяйственных переговоров и деятельности АРКОСА освещает далеко не полностью, а с документами из фондов Архива внешней политики Российской Федерации авторы, судя по всему, были ознакомлены в начале 1990-х гг. в очень ограниченных рамках, но с той поры минуло почти четверть века!), не может не вызвать недоумения следующее авторское резюме: «Разумеется, политическая отчетность — обязательный элемент деятельности дипломата, и в СССР по мере внедрения бюрократических методов руководства на нее обращали всё больше внима-

ния. Но Раковский в этом особенно усердствовал, не желая давать повода для упреков в отходе от официальной линии, в то же время своей корреспонденцией способствуя формированию этой линии в более или менее реалистическом духе» (с. 200). Следует заметить, что для советских дипломатов 1920-х гг. в целом была свойственна определенная независимость от руководства НКВД. Ряды полпредов пополнялись за счет тех видных деятелей Компартии, у которых сохранялись широкие связи не только в партийном, но и государственном, и советском аппарате. Эти связи, как и былые заслуги, до поры до времени нередко позволяли им проявлять исключительную оперативность, отстаивая свои, иногда весьма оригинальные идеи перед политическим руководством страны через голову собственного начальства.

Далеко не всегда авторы книги позволяют читателю узнать, откуда ими были почерпнуты те или иные сведения. Сообщая, что Временное правительство пыталось вначале через Милокова, а затем, после его отставки в апреле через Церетели склонить его на свою сторону, но Раковский не пошел на сближение с Временным правительством (с. 83), ссылки на источник информации не дается.

Книга буквально пестрит неточностями, ставящими под сомнение профессиональные качества ее авторов. Так, читателю сообщается, что в марте 1919 г. на учредительном съезде Коминтерна Раковский был избран в состав Исполкома,

«став, таким образом, одним из его основателей» (с. 124). В действительности же Раковский не был избран даже в состав Бюро ИККИ, выполнявшего организационные функции ИККИ до II конгресса Коминтерна. Только 14 апреля 1919 г., когда было принято решение о создании Бюро ИККИ в Киеве для связи с Советской Венгрией и странами Юго-Восточной Европы (с 4 мая — Южное отделение ИККИ), Раковский вошел в состав этого органа вместе с Садулем и Балабановой. А.Л. Шейнман являлся председателем правления Госбанка СССР, а не его директором (с. 216). Ф.Я. Рабинович отнюдь не был «существенно понижен» в 1925 г., став «лишь на непродолжительное время директором АРКОСА» (с. 276), так как в действительности он занял должность начальника сектора торгпредств в НКВТ. Когда же — 14 или 4 июля 1923 г. — ВУЦИК дал согласие на освобождение Раковского с поста председателя СНК Украины? (с. 194). Уникально утверждение авторов, что Лондон в 1927 г. превратился «в периферию советской внешней политики» (с. 313).

C'est la poule qui chante qui a fait l'œuf! Чего не доставало в предисловии? Толики скромности? И тогда у читателя, пожалуй, не возникло бы сомнений в том, насколько уместно именовать сотворенное «конкретно-историческим исследованием». Чтение книги, изданной в 2014 г., оставляет впечатление déjà-vu, напоминает о временах будораживших читателей публикаций «Московских новостей» рубежа 1980–1990-х гг. Для ее авторов время замерло.

Б.С. Новосельцев

Рец.: Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М. : Росспэн, 2013. 624 с.

Сборник «Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.)» посвящен двум международным партийным конференциям, состоявшимся в советской столице в середине ноября 1957 г.: Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий 12 социалистических стран и Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий 68 социалистических и капиталистических стран. Он не случайно называется «Наследники Коминтерна»: в 1957 г. перед руководством КПСС встала задача «сплочения рядов» и укрепления дисциплины в международном рабочем движении.

Начавшиеся в СССР процессы пересмотра сталинского наследия и изменение ряда установок во внешней политике вызвали бурный отклик в странах советского лагеря. Закрытый доклад Н.С. Хрущева, прозвучавший на XX съезде КПСС, и «Московская декларация», подписанная в ходе официального визита в СССР югославского президента Йосипа Броза Тито (июнь 1956 г.)¹, вызвали иллюзию возможности реформирования социализма и большей политической самостоятельности стран Варшавского договора. Следствием

этого стали Венгерский и Польский кризисы осени 1956 г., начавшееся ухудшение отношений с Китаем, отчасти — обострение внутрипартийной борьбы и попытка смещения Н.С. Хрущева в июне 1957 г. Все эти события порождали на Западе и в странах «третьего мира» представления о том, что КПСС и социалистическое движение в целом находятся в кризисе. Два масштабных совещания, которые было решено приурочить к празднованию 40-летия Октябрьской революции, должны были продемонстрировать силу и прочность позиций международного социалистического движения, а также опровергнуть разговоры о его расколе.

В этой связи особое значение имела позиция двух партий — Союза коммунистов Югославии (СКЮ) и Коммунистической партии Китая (КПК). Участие в конференции югославов, пользовавшихся славой главных ревизионистов среди социалистических стран, означало бы, что не существует никакого раскола, о котором твердили западные СМИ. В связи с этим показательным, что окончательно вопрос о проведении Совещания был решен после встречи Н.С. Хрущева с Й. Брозом Тито в Румынии² (1–2 августа

¹ См. Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike. I-2/7-1. Put J.B. Tita u SSSR.

² См. Arhiv Jugoslavije. CK SKJ. 507/IX. 119/I-104. Saopštenje o susretu delegacije CK SKJ i vlade FNRJ sa delegacijom CK KPSS i vladom SSSR u Rumuniji.

1957 г.), на которой была частично преодолена непростая ситуация, сложившаяся в советско-югославских отношениях после Венгерско-го кризиса³.

Китай к тому времени был второй по значимости коммунистической державой и претендовал на дальнейшее усиление своей роли в мировой политике и международном рабочем движении, а Мао Цзэдун заявил о себе как об одном из крупных теоретиков марксизма. В условиях начавшегося ухудшения советско-китайских отношений и доктринарных споров между руководителями двух партий и государств, Совещание было попыткой добиться компромисса между ними или по крайней мере продемонстрировать всему миру, что между двумя ведущими социалистическими странами существует взаимопонимание.

Необходимость усиления единства и укрепления дисциплины в социалистическом движении ставило задачу найти некий механизм координации действий и влияния на позиции других коммунистических партий. В 1956 г. было распущено Коминформбюро⁴ — международная организация, призванная согласовывать (а фактически контролировать) деятельность партий стран советского блока⁵. Этот шаг был

связан с попыткой налаживания советско-югославских отношений⁶, а также отношений с европейскими социал-демократами. Но главное, что в сложившихся условиях, при том что в Коминформе не участвовали компартии Китая и Югославии, этот орган был практически бесполезен и уже много лет как не проводил свои заседания. Он превратился в своеобразную «почту», обслуживающую руководителей восточноевропейских компартий. Но «почту», наносившую большой вред имиджу международного коммунистического движения⁷.

Таким образом, возвращение к Коминформу или Коминтерну не представлялось возможным. Необходимо было найти более гибкую модель проведения линии КПСС в международном рабочем движении. Выход был найден в проведении периодических конференций компартий для обсуждения важных и насущных вопросов⁸. Первыми из них стали два московских Со-

³ См. *Стыкалин А.С.* Советско-югославские отношения и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // *Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961.* Beograd, 2008.

⁴ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий.

⁵ Подробнее см. *Совещания Коминформа.* 1947, 1948, 1949 М., 1998.

⁶ Фактически, Коминформ был призван сementировать советский блок на основе антиюгославской платформы. Единства предполагалось добиться за счет критики югославского ревизионизма и других «отклонений» в развитии марксизма (См. *Совещания Коминформа.* 1947, 1948, 1949 М., 1998).

⁷ См. *Стыкалин А.С.* Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому большому совещанию компартий (весна 1956 — осень 1957 г.) // *Наследники Коминтерна.* Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. С. 346–347.

вещания, состоявшихся в ноябре 1957 г.

В настоящее издание вошли не только два основополагающих документа, принятых в Москве — «Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран» и «Манифест мира», подписанный на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических и капиталистических стран, — но и выступления руководителей международного рабочего движения, а также многочисленные документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), связанные с подготовкой и проведением этих совещаний.

Весьма интересными представляются материалы, отражающие процесс согласования, обсуждения и переработки текстов «Декларации» и «Манифеста мира». В сборнике они опубликованы в нескольких вариантах, что позволяет проследить ход работы над ними. Кроме того, публикуемые поправки, замечания и предложения разных партий позволяют увидеть существовавшие разночтения и разногласия в социалистическом движении и лучше понять их позиции по различным вопросам. Особенно на себя обращают внимание поправки к проекту «Декларации», сделанные на заседании Президиума ЦК КПСС (коммунистическим и рабочим партиям был разослан вариант, уже переработанный с учетом результатов его обсуждения на заседании Президиума), замечания китайской и польской делегации, а также

предложения Союза коммунистов Югославии, включенные во второй вариант текста «Манифеста мира»⁹.

В сборнике представлены полные тексты стенограмм двух совещаний и выступления ряда ключевых фигур в международном коммунистическом движении — Мао Цзэдуна, Яноша Кадара, а также некоторых руководителей делегаций партий капиталистических стран. Кроме того, опубликованы тексты двух речей, не произнесенных на Совещании — генерального секретаря Швейцарской партии труда Эдгара Воога и генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Люксембурга Доминика Урбани. В необходимых случаях (или в приложениях) приведены варианты разночтений текста. Так, например, помимо двух речей Мао Цзэдуна на совещаниях, в связи с не слишком удачным переводом полностью представлен и третий (авторский) экземпляр его выступлений.

Особый интерес вызывает приложение № 4 раздела II «К предьстории созыва международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в ноябре 1957 г. в г. Москве», в котором представлены документы, связанные с подготовкой совещаний. Эти материалы очер-

⁹ Югославская делегация уже в Москве отказалась подписывать текст «Декларации», опасаясь, что это даст основания как на Западе, так и на Востоке говорить о ее возвращении в советский блок. Текст этого документа, основывавшийся на принципе монолитности социалистического движения и, по сути, проводивший знак равенства между ним и социалистическим лагерем, был для Югославии неприемлем.

чивают их исторический и политический контекст и наглядно демонстрируют огромное значение, которое отводилось в Москве позиции Югославии и Китая.

Публикуемые материалы снабжены подробными комментариями и примечаниями А.С. Стыкалина. В начале сборника опубликованы историческое предисловие А.С. Стыкалина, повествующее о развитии международного коммунистического движения весной 1956 – осенью 1957 г., о причинах роспуска

Информбюро и о поисках новых механизмов координации деятельности социалистических и рабочих партий, а также археографическое предисловие Л.А. Величанской.

Представленные документы могут заинтересовать не только историков-специалистов по международному коммунистическому движению, но также будут ценны для исследований по международным отношениям периода Холодной войны, внешней политике СССР и других социалистических стран.

В.В. Ведерников

Рец.: *Витухновская-Кауппала М.А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с., ил.

Лабораторию историка можно определить словами В.В. Маяковского: это «мастерская человечьих воскрешений» — люди, жившие давным-давно, под пером исследователя вдруг обретают плоть, кровь, голос, вступают в диалог или споры с современниками. А иногда, несмотря на все усилия, так и остаются едва различимыми в сумерках силуэтами. Перед историком всегда есть выбор: пойти по проторенной дорожке, где, может быть, найдешь собственный путь, а может быть, в очередной раз повторишь не раз сказанные банальности. Есть и другая возможность — проложить дорожку к еще не изведанной цели с риском заблудиться, потеряться, потратить время впустую. М.А. Витухновская-Кауппала явно выбрала второй путь.

М.Я. Герценштейн (1859–1906) известен прежде всего своей непродолжительной деятельностью в качестве депутата Первой Думы, где он в качестве представителя кадетской партии активно защищал проект аграрной реформы, разработанный при его активном участии. После трагической гибели Герценштейна общественное мнение как

России, так и Финляндии примерно три года будоражил ход процесса над наемными убийцами, но постепенно злободневные текущие проблемы вытеснили эту тему.

Герценштейн внес определенный вклад в развитие научной мысли. Его перу принадлежит ряд трудов, связанных с проблемой деятельности органов городского самоуправления, развитием сети мелкого земельного кредита, истории политэкономических учений. К сожалению, интеллектуальное наследие ученого почти не изучено и не оценено.

Во время похорон товарищи Герценштейна по кадетской партии обещали сделать его могильный камень основой возрождающейся свободной России, но, как ни странно, после победы Февральской революции на его могиле впервые за 11 лет после гибели не прозвучали слова поминальной молитвы. Неухоженное надгробие на Териокском (ныне Зеленогорском) кладбище, памятный знак на берегу залива, когда-то напоминавший о месте гибели депутата, а теперь безымянный, окруженный бытовым мусором,

стоят неммым укором российскому общественному движению, которое так и не определилось в том, чьи же традиции оно продолжает: Екатерины Великой или А.Н. Радищева, П.А. Столыпина или П.Н. Милюкова, А.И. Дубровина или В.И. Ленина. В современной России, России, которая всё еще ищет свою историческую идентичность, фигура Герценштейна остается не востребовавшей не только в державно-патриотическом сегменте общественного движения, но и в движении либеральном. Так, может быть, историческое забвение – закономерное?

Нет, нет, и еще раз нет. Будучи фигурой «второго плана», Герценштейн удивительным образом стал своеобразным центром разнонаправленных силовых полей, которые во многом определили линии его жизни. Это и его разночинное происхождение, и судьба русского крещеного еврея, который и после смерти всё еще остается «чужим среди своих». Актуальной фигурой Герценштейна делает и его отвращение к насилию, и активный поиск компромисса в разгорающемся гражданском противостоянии. Имя погибшего депутата неразрывно связано с двумя «проклятыми» проблемами: аграрным и национальным вопросами, сыгравшими роковую роль в судьбе дореволюционной России. Эта последняя тема и стала предметом исследования М.А. Витухновской-Кауппала. Поскольку Герценштейн был убит на территории Великого княжества Финляндского, то и процессы (их было четыре, так как участников боевой дружины Союза русского народа привлекали к ответственно-

ности одновременно – в течение 1907–1909 гг.) проходили в Финляндии по законам Великого княжества. Эти процессы вызвали бурную реакцию в российском общественном движении. Либералы и радикальные партии подчеркивали взаимосвязь черносотенцев и правительства, которое по меньшей мере бездействовало, негласно поощряя создание боевых дружин Союза русского народа. Октябристы считали невозможным постепенное обновление страны без борьбы с насилием не только «слева», но и «справа». Наконец, правые партии брали под свою защиту русских граждан, которых, как они утверждали, судят по «средневековым законам» Великого княжества. Расследование териокской трагедии отражалось и на отношениях между империей и ее маленькой упрямой окраиной. Это и стало основным сюжетом исследования.

Несомненной заслугой автора является то, что привлечен широкий круг источников: публицистика, письма, делопроизводственная документация. Автор проделал большую исследовательскую работу в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Введены в научный оборот материалы по «делу» Герценштейна из фондов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, ранее публиковавшиеся частично и выборочно. Но особую ценность придает исследованию использование материалов финских архивов, которые были недоступны российским исследователям, главным образом из-за языкового барьера. Наше представление о характере процесса,

личности одного из главных подозреваемых в убийстве Герценштейна Егоре Ларичкине обогащает публикуемый в качестве приложения перевод допроса подсудимого, который состоялся буквально через несколько часов после того, как Ларичкин добровольно отдал себя в руки финского правосудия. К сожалению, М.А. Витухновская-Кауппала исключила обзор источников, а «глухие» архивные ссылки не позволяют читателю сделать вывод о том, в каком объеме материалы процесса сохранились в финских архивах. Хотелось бы надеяться, что при переиздании автор значительно расширит документальную часть, особенно связанную с публикацией труднодоступных источников, хранящихся в архивах Финляндии.

Обширная источниковая база книги делает выводы исследователя убедительными. Работа М.А. Витухновской-Кауппала доказывает существование политического черносотенного террора, того самого террора, наличие которого отрицают некоторые современные историки. Так, в недавно вышедшей монографии Д.А. Стогова Дубровин изображен чуть ли не толстовцем, возглавлявшим «Союз мира и любви» [Стогов, 2012: 29–84]. В чем разница между двумя историками? Стогов цитирует слова главы черносотенного союза, Витухновская указывает на дела его. Стогов пишет о «клеветнических утверждениях» противников главы Союза русского народа, Витухновская проводит серьезную источниковедческую работу, доказывая существование террора справа.

Исследование М.А. Витухновской-Кауппала позволяет поставить ряд очень важных вопросов. Прежде всего о «многовекторности» российского внутривластного курса. Такие чиновники, как генерал-губернаторы Великого княжества Н.Н. Герард и сменивший его В.А. Бекман, стремились не нарушать конституционные права Финляндии, апеллируя к законным правам финских властей, что уже в самом начале расследования убийства вызвало недовольство П.А. Столыпина. Глава российского правительства желал если не покончить окончательно, то существенно ограничить обособленность Финляндии, которая, по его мнению, составляла с Российской империей «одно общее политическое тело» [Столыпин, 2013: 181]. Финский суд над русскими гражданами, требование к властям империи арестовать подозреваемых в совершении преступления и передать их властям княжества — всё это вызвало болезненную реакцию не только в националистических общественных кругах, но и у главы правительства. С другой стороны, строительство правового государства, о чем прямо заявил премьер в своем программном выступлении с трибуны Второй Думы, было невозможно без борьбы с террором, откуда бы он ни исходил — справа или слева. В ходе кивенаппского процесса¹ выяснилось, что жертвой правых террористов мог стать и сам премьер Столыпин, недостаточно активно, по мнению одного из лидеров Союза, П.Ф. Булацеля, отстаивав-

¹ Судебные заседания по делу об убийстве М.Я. Герценштейна проходили в селе Кивенаппа, к приходу которого принадлежали Терюки.

ший права самодержавной власти (с. 107). Игнорировать требования суда о выдаче подозреваемых было равнозначно солидарности с крайне правыми, удовлетворение предписания судебных властей Великого княжества походило бы на капитуляцию, грозило резко испортить отношения с той политической силой, которая в 1905 г. активно поддерживала власть в борьбе с революцией. Как показывает исследователь, была выбрана средняя линия. После долгих колебаний были арестованы и отправлены в Финляндию Л.А. Топлев и создатель вооруженных дружин Н.М. Юскевич-Красковский, но главный подозреваемый, председатель Главного совета Союза русского народа доктор А.И. Дубровин так и «не был разыскан», хотя его пребывание в Ялте ни для кого секрета не составляло. Стоял ли за этим император? Думаю, что соображения автора монографии, считающего что во многом судьбу Дубровина определило покровительство монарха, небезосновательны, но всё же опираются на косвенные данные и поэтому пока могут рассматриваться в качестве гипотезы.

Второе соображение, на которое наталкивает исследование, связано с природой черносотенного движения. Эта тема не является главной для исследователя, но введенный М.А. Витухновской-Кауппала материал наводит на определенные размышления. Современники часто подчеркивали связь правого и левого радикализма. Как возможных потенциальных союзников социал-демократии рассматривали рядовых участников черносотенного движения Г.В. Плеханов и В.И. Ле-

нин. Скажу точнее: в рядовых черносотенцах они видели возможных борцов за социальную справедливость. Для Ленина «черносотенный демократизм – самый грубый, но и самый глубокий», по мнению Плеханова, под влиянием правильно поставленной пропаганды черносотенцы «может быть, завтра же <...> превратятся в горячих сторонников освободительного движения»².

Портреты деятелей боевой дружины дубровинцев – Каморры народной расправы, нарисованные искусной рукой исследователя, свидетельствуют о справедливости этого наблюдения. Мы видим в числе активных деятелей Союза русского народа не помещиков, а рабочих, мещан, разночинцев. К последним можно отнести и обедневшего дворянина Юскевича-Красковского, да и самого доктора Дубровина. Наиболее интересен социальный и психологический облик рабочих-черносотенцев. Вполне возможно, что кто-то из них вместе со священником Г.А. Гапоном шел к царю 9 января, затем в результате локаутов конца 1905–1906 гг. пополнил ряды безработных (как Ларичкин) и после – влился в отряды боевой дружины отчасти из ненависти к революционерам, которые втянули рабочих в забастовочное движение, отчасти потому, что членство в дружине давало хоть небольшой, но заработок. Ларичкин, судя по его собственным показаниям, первоначально получал от Юскевича-Красковского 40 копеек в день «на еду» (с. 195). Слепое недовольство легко можно было направить как в русло

² См. [Ленин, 1958: 18; Плеханов, 1926: 49–50].

правого, так и левого экстремизма. Столкновения между вооруженными отрядами рабочих-революционеров и рабочих-черносотенцев достигало напряжения локальных гражданских войн. Участниками этих войн были и герои исследования: брат рабочего-черносотенца Ильи Лаврова был убит революционерами, в свою очередь Егор Ларичкин застрелил рабочего А.Ф. Мухина, заподозренного в том, что он выдавал революционерам сведения о дружине. В отличие от «дела» Герценштейна, эти события едва удаивались нескольких строчек в хронике городских происшествий. Тем большую ценность приобретают свидетельства источников, приведенные М.А. Витухновской-Каушала. К большому сожалению, это противостояние только недавно привлекло внимание профессиональных историков³.

Несомненным достоинством исследования является последняя глава, связанная с судьбой семьи Герценштейна. Удивительно то, что М.А. Витухновская смогла найти потомков брата М.Я. Герценштейна, человека, о котором до выхода книги было почти ничего неизвестно. И глубоко символично то, что книга заканчивается на «пушкинской» и «цветаевской» нотах. Старшая дочь Герценштейна, Анна Михайловна Игумнова, была доброй приятельницей М.И. Цветаевой, хранительницей архива свояченицы А.С. Пушкина баронессы Фризенгоф.

³ Эта тема на региональном материале исследована молодым историком А.И. Богомоловым. См. [Богомолов, 2007].

Обогащает исследование и богатый иллюстративный материал. Публикатор смог, опираясь на данные периодики того времени, аргументированно уточнить атрибуцию изображений, хранящихся в фондах Центрального государственного архива кинофотофонодокументов СПб.

Ценное исследование не лишено некоторых досадных оплошностей. Не думаю, что в документальном приложении следовало публиковать протокол допроса в Чрезвычайной следственной комиссии А.В. Половнева. Он давно введен в научный оборот и доступен историкам⁴. Жаль, что исследователь не указал автора концептуально важной статьи в еженедельнике «Право», посвященной процессу. Им был известный юрист В.В. Водозовов.

Думаю, что исследование только выиграло бы, если бы автор написал дополнительную главу, посвященную общественной борьбе вокруг кивенаппского процесса. Его ход широко освещался публицистами разных общественных направлений. Эрудированный знаток российской и финской истории рубежа веков, М.А. Витухновская могла бы привести и оценки процесса, звучавшие в финской публицистике. Словом, интересное и полезное исследование должно быть продолжено. Я был бы рад увидеть расширенное и дополненное издание полезной книги.

⁴ См. [Союз русского народа... 1929: 53–56].

REFERENCES

Bogomolov A.I. Ural'skie rabochie-monarhisty v 1900–1919 gg.: mehanizmy jevoljucii politicheskikh vzgljadov: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2007.

Lenin V.I. O chernosotenstve // PSS. M., 1958. T. 24.

Plehanov G.V. O chernoj sotne // Soch. M.; L., 1926. T. XV.

Sojuz russkogo naroda po materialam Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva. M.; L., 1929.

Stogov D.A. Chernosotency: zhizn' i smert' za Velikuju Rossiju. M., 2012.

Stolypin P.A. Nam nuzhna velikaja Rossija. Same znamenitye rechi i pis'ma. M., 2013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богомолов А.И. Уральские рабочие-монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Ленин В.И. О черносотенстве // ПСС. М., 1958. Т. 24.

Плеханов Г.В. О черной сотне // Соч. М.; Л., 1926. Т. XV.

Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1929.

Стогов Д.А. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию. М., 2012.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013.

Е.В. Годовова

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Рец.: *Lyubichankovskiy S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century / Foreword by Kimitaka Matsuzato. New York: The Edwin Mellen Press, 2014. 86 p.*

В 2014 г. в Нью-Йорке в известном международном научном издательстве Edwin Mellen Press было опубликовано (на английском языке) в формате так называемой «short monograph» исследование Сергея Валентиновича Любичанковско-го «Формирование и развитие неформального объединения уральского регионального чиновничества в конце XIX – начале XX в.» [Lyubichankovsky, 2014].

Профессор С.В. Любичанковский является признанным специалистом в области истории российского государственного управления, автором серии работ, опубликованных как в российских [Любичанковский, 2001; 2003; 2005; 2007; 2007а], так и в зарубежных научных журналах [Lyubichankovsky, 2012; 2012а; 2013; 2014а]. Его новая работа посвящена актуальной для России в течение уже многих десятилетий фундаментальной проблеме кризиса власти, его содер-

жания, основных составляющих, причин проявления и возможных способов его избежать. Автор решает данную проблему на материалах губернских администраций Урала позднеимперского периода (1892–1914 гг.), однако помещает региональный материал в широкий общероссийский контекст, привлекая для сравнения материалы других регионов империи. Продуманный выбор хронологических и территориальных рамок исследования еще более актуализирует рецензируемую работу, поскольку, во-первых, губернские администрации Уральского региона (Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний) не являлись еще предметом специального сопоставительного анализа; во-вторых, период так называемой «поздней Российской империи», в данном случае совершенно обособлено сокращенный до 1914 г., представляет собой в настоящее время особый интерес с точки зре-

ния явственно прослеживающихся аналогий между кризисными явлениями рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.

Уже в историографическом разделе автор убедительно показывает, что поставленная им задача ни в коем случае не конъюнктурна, а является объективированной всем ходом развития отечественной и зарубежной исторической науки: в настоящее время в решении указанной проблемы только через изучение регионального материала можно выйти на новые выводы в общероссийском масштабе. В основе этого тезиса лежит серьезный историографический анализ, для которого характерен критический подход в сочетании с уважительным отношением к предшественникам. Здесь уместно будет отметить, что историографичность характерна для всего текста монографии С.В. Любичанковского, а не только для ее вводных разделов: автор систематически сравнивает полученные им результаты с выводами, полученными коллегами, тем самым помещая проведенное им исследование в общий контекст развития исторической науки.

В основу исследования положены как опубликованные источники (нормативно-правовой материал, целая группа справочно-статистических дореволюционных изданий и др.), так и архивные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Центрального исторического архива республики Башкортостан, Госархивов Киров-

ской, Пермской и Оренбургской областей, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Причем большая часть документов была введена автором в научный оборот впервые. Таковы, например, программные документы чиновничьей партии «Всероссийский союз служащих в правительственных учреждениях» 1905 г.; журналы губернских правлений как первоисточники по проблеме практики расследования должностных преступлений на местах и др. Ценен уже сам факт введения в научный оборот материалов такого рода, поскольку эти документы представляют собой новые пласты источников, которые способны перевернуть или серьезно скорректировать наше представление о минувшей действительности.

Монография состоит из трех глав, которые находятся в жесткой логической связке друг с другом. В 1-й главе автор в первую очередь сосредоточился на теоретико-методологических основаниях исследования и подробно объяснил, почему официальная статистика должностных преступлений, имевшаяся в Российской империи, не может в принципе служить основанием для вывода об уровне коррупции в государственных учреждениях. Затем С.В. Любичанковский показал, какие именно источники первичного делопроизводства, сохранившиеся в региональных архивах как наследие деятельности дореволюционных губернских администраций, имеют статус массовых и способны стать основой для изучения данной проблемы. Изложенный в дальнейшем материал и полученные новые

интересные результаты позволяют согласиться со сделанным С.В. Любичанковским выбором в пользу журналов общего присутствия губернского правления как интереснейшего и эвристически весьма ценного исторического источника.

Во 2-й главе анализу был подвергнут очень важный и не становившийся до сего времени предмет специального анализа процесс легальной самоорганизации региональной бюрократии, имевший место на рубеже XIX–XX вв. С.В. Любичанковскому хорошо удалось показать корреляцию между легальными и коррупционными механизмами самоорганизации уральской бюрократии, доказать взаимозависимость этих двух процессов.

3-я глава была целиком посвящена ответу на вопрос о том, корректно ли экстраполировать уральскую ситуацию на положение дел в провинциальной бюрократии Российской империи в целом. На основании изучения материалов перлюстрации, материалов сенаторских ревизий, некоторых других источников автор дает положительный ответ на этот вопрос.

Среди наиболее значимых новаций исследования нам видятся следующие:

— на основе выявленного автором конкретно-исторического материала и с позиций структурно-функциональной парадигмы предложено четкое авторское понимание внутреннего кризиса аппарата государственного управления как одного из фундаментальных факторов раз-

вития государственности, и, может быть, самое главное — предложен достаточно четкий критерий, позволяющий историку оценить, достиг ли кризис глубокой (необратимой по своей сути) стадии. Таким критерием, по мнению автора, с которым есть все основания согласиться, является наличие неформального объединения чиновничества, основанного на сокрытии должностных преступлений. Наличие такой «антигосударственной корпорации чиновников» и ее динамика в сторону расширения и углубления зафиксирована автором на уральском материале;

— установлено, что губернские администрации позднеимперской России находились во внутреннем кризисе, который перешел в глубокую стадию уже в 1904–1907 гг. Это стало одной из важных причин революционных событий начала XX в. и разрушения Российской империи в 1917 г. Высказана обоснованная гипотеза о том, что вектор внутреннего кризиса в поздней Российской империи был направлен «снизу вверх», т. е. с нижних этажей вертикали власти на верхние, а не наоборот.

Монографии С.В. Любичанковского присуща значительная научная новизна. Она состоит и в самой постановке проблемы, и в предложенных путях и способах ее решения, которые могут быть использованы другими исследователями при изучении той же проблемы в иных территориальных и хронологической рамках. Всем вышеизложенным обусловлена и большая научно-практическая значимость проведенного

исследования, результаты которого могут и должны быть использованы при дальнейшей разработке истории поздней Российской империи, истории российской государственности, в соответствующих научных работах и учебных курсах. Проведенное С.В. Любичанковским исследование может стать исходной точкой для целого ряда компаративистских исследований по выработанной автором логической схеме и алгоритмам, т. е. открывает новое перспективное направление научного развития. Не случайно выдающийся японский славист, профессор Кимитака Мацузато в своем вступительном слове к рецензируемой монографии обратил внимание на то, что она отвечает потребности современной исторической науки и позволяет более глубоко переосмыслить историю позднеимперской России.

REFERENCES

Ljubichankovskij S.V. Strukturno-funkcional'nyj podhod k izucheniju mestnogo upravlenija Rossijskoj imperii: vozmozhnosti i perspektivy // *Klio*. 2001. № 3. S. 57–60.

Ljubichankovskij S.V. Krizis sistemy mestnogo upravlenija v poslednee desjatiletie sushhestvovanija Rossijskoj imperii // *Otechestvennaja istorija*. 2003. № 1. S. 197–201.

Ljubichankovskij S.V. Gubernskie administracii Rossijskoj imperii v ocenke senatorских ревизий nachala XX v. // *Klio*. 2005. № 3. S. 125–131.

Ljubichankovskij S.V. Krizis gubernskogo upravlenija regionami v pozднеимперской России // *Federalizm*. 2007. № 1. S. 127–140.

Ljubichankovskij S.V. Mif o vlasti i vlast' mi-fa // *Rodina*. 2007a. № 1. S. 11–16.

Ljubichankovskij S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, № 4 (Fall 2012). P. 861–875.

Ljubichankovskij S. The Project of Creating a New Scientific and Educational Website on History of the Orenburg region as a Task of Modern Russian Historical Studies // *Humanity, Culture and Society*. Selected, peer reviewed papers from the 2012 International Conference on Humanity, Culture and Society (ICHCS), December 29–30, 2012, Hong Kong / Ed. Chen Dan. Hong Kong: IACSIT PRESS, 2012a. Vol. 58. P. 67–70.

Ljubichankovskij S. Corruption within the regional administration system as an important reason of the Russian Empire's destruction // *The Fifth East Asian Conference on Slavic Eurasian Studies (ICCEES Asian Congress)*. 1913–2013 for Eurasia: A Great Experiment or a Lost Century? Program and Abstracts. August 9–10, 2013, Osaka University of Economics and Law, Yao Campus, Osaka, Japan. Osaka: Osaka University of Economics and Law, 2013. P. 37.

Ljubichankovskij S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century / Foreword by Kimitaka Matsuzato. New York: The Edwin Mellen Press, 2014.

Ljubichankovskij S. «Caravan Track» Restoration: The Orenburg-Tashkent railway and its influence on development of the Orenburg region // *Asia-Pacific Economic and Business History Conference* 13–15 February 2014. Economic Consequences of War and Conflict. Waikato Management School, University of Waikato, New Zealand. Hamilton: University of Waikato, 2014a. P. 19–20.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к изучению местного управления Российской империи: возможности и перспективы // Клио. 2001. № 3. С. 57–60.

Любичанковский С.В. Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи // Отечественная история. 2003. № 1. С. 197–201.

Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. 2005. № 3. С. 125–131.

Любичанковский С.В. Кризис губернского управления регионами в позднеимперской России // Федерализм. 2007. № 1. С. 127–140.

Любичанковский С.В. Миф о власти и власть мифа // Родина. 2007а. № 1. С. 11–16.

Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13, № 4 (Fall 2012). P. 861–875.

Lyubichankovskiy S. The Project of Creating a New Scientific and Educational Website on History of the Orenburg region as a Task of Modern Russian Historical Studies // Humanity, Culture and Soci-

ety. Selected, peer reviewed papers from the 2012 International Conference on Humanity, Culture and Society (ICHCS), December 29–30, 2012, Hong Kong / Ed. Chen Dan. Hong Kong: IACSIT PRESS, 2012a. Vol. 58. P. 67–70.

Lyubichankovskiy S. Corruption within the regional administration system as an important reason of the Russian Empire's destruction // The Fifth East Asian Conference on Slavic Eurasian Studies (ICCEES Asian Congress). 1913–2013 for Eurasia: A Great Experiment or a Lost Century? Program and Abstracts. August 9–10, 2013, Osaka University of Economics and Law, Yao Campus, Osaka, Japan. Osaka: Osaka University of Economics and Law, 2013. P. 37.

Lyubichankovskiy S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century / Foreword by Kimitaka Matsuzato. New York: The Edwin Mellen Press, 2014.

Lyubichankovskiy S. «Caravan Track» Restoration: The Orenburg-Tashkent railway and its influence on development of the Orenburg region // Asia-Pacific Economic and Business History Conference 13–15 February 2014. Economic Consequences of War and Conflict. Waikato Management School, University of Waikato, New Zealand. Hamilton: University of Waikato, 2014a. P. 19–20.

Е.С. Кравцова

Рец.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.

Актуальность избранной темы исследования Д.В. Тимофеева не вызывает сомнений. Формирование политических взглядов, различных идеологических течений и т.д. невозможно без наличия социально-экономических и политических понятий, которые для достижения понимания конечных целей должны нести ясную для всех смысловую установку. Широко используемые в современном обществе термины и понятия не сразу приобрели понятную для нас трактовку, а прошли довольно длительный процесс конкретизации, который очень важно понять, так как он находился в прямой зависимости от социально-экономических и политических реалий того времени. Всё это должно помочь историкам подходить к проблемам изучаемого времени не с позиции осовременивания различных подходов, а исходя из принципа историзма. Рецензируемая монография креативна и в постановке проблемы и в предложенной автором методике обработки и анализа материалов, итоговых выводов и наблюдений.

Цель монографии — определить особенности понимания образованными российскими подданными европейских социально-политических концепций посредством сравнительно-контекстуального анализа различных вариантов словоупотре-

бления понятий «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция» и «просвещение». Отметим, что эти понятия были и остаются основополагающими в формировании принципов свободы личности, ее гражданских прав и свобод, а также проблем, связанных с частной собственностью.

Методологическим основанием работы являются установки и принципы «истории понятий», а также мнение, что исторические процессы невозможно понять без обращения к понятийно-категориальному аппарату изучаемой эпохи. Общими теоретическими установками послужили принципы: контекстуализации, жанрового многообразия используемых текстов, системности, «двух временных горизонтов», сочетание «диахронного» и «синхронного» подходов. Данные теоретические установки объясняют выбор используемых методов (сравнительно-контекстуального анализа и критического дискурс-анализа Нормана Фэркло), которые помогли установить взаимосвязь между содержанием текста, поведением автора и окружающей его социальной действительностью. Из заявленных автором методологических установок и методов, а также своеобразной интеграции немецкой и ан-

гლოსаксонской школ истории понятий логически вытекает структура рецензируемой работы, которая имеет три взаимосвязанных блока: вторая глава отражает «пространство опыта», третья и четвертая главы отображают «горизонт ожиданий», пятая глава показывает уровень практических действий, или «коммуникативную практику».

Исследование строится на материалах центральных, северо-западных и западных губерний России. Такой территориальный выбор объясняется тем, что жители именно этих губерний проявляли устойчивую активность в составлении различных проектов, записок и т.д.; издавалось большое количество периодики и, кроме этого, действовала релятивно развитая сеть учебных заведений, как средних, так и высших. При этом автор опирается на обширную источниковую базу, которую оставили «образованные российские подданные», которых автор разделил на несколько страт: чиновники высшего звена (всего 30 человек); военнослужащие и гражданские чиновники низшего и среднего уровня (26 человек); университетские профессора, учителя губернских училищ и гимназий (16 человек); писатели и общественные деятели (16 человек); представители поместного дворянства, вышедшего в отставку (6 человек); работы выпускников гимназий, университетов, пансионов.

Монография базируется на опубликованных ранее документах, а также обширной коллекции документов и материалов, извлеченных из 13 фондов Российского государственного исторического

архива и 6 фондах Государственного архива Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что автором основательно изучены большие массивы документов, которые были разделены на пять крупных групп, которые, в свою очередь, подвергались дальнейшей дифференциации. К первому блоку отнесены тексты зарубежных мыслителей, посвященные идеям общественно-политического устройства государств (непосредственно произведения авторов, опубликованные в журналах тексты конституций стран Европы, статьи о положении в европейских государствах, письма иностранцев). Ко второму блоку – документы, созданные в различных государственных учреждениях: законодательные акты последней трети XVIII – первой четверти XIX в.; официальные документы, опубликованные в правительственных периодических изданиях; материалы официального делопроизводства. Третью группу составили информационно-справочная и учебная литература (указатели действующего российского законодательства, издания по гражданскому делопроизводству, различные словари, учебные пособия и хрестоматии). Четвертый блок источников содержит информацию, подтверждающую активность образованной части общества (материалы периодической печати, отдельные книги научно-популярного и публицистического характера; проекты, записки, мнения в министерства и другие государственные органы; документы тайных обществ). К пятой группе отнесены источники личного происхождения. Применение источников различного происхождения

и характера увеличивает научный уровень проведенного исследования, придает работе документальную фундированность, обеспечивает достоверность научных положений и доказательность итоговых выводов. Также отметим, что монография выполнена в соответствии с проблемно-хронологическим методом изучения истории, имеет системный характер изучения целого комплекса основных социально-политических понятий.

Как убедительно показано автором, эволюция изучаемых терминов началась не в начале XIX в., а последней трети XVIII столетия, в годы правления императрицы Екатерины II. Д.В. Тимофеев, анализируя источники, показывает, что термин «гражданин» первоначально не имел яркой политической окраски и обозначал городских жителей, а также любого подданного, проживающего на территории Российской империи

Также автором изучены и близкие по лексическому значению слова «гражданство», «сограждане», «гражданское общество». Автор на конкретных примерах доказал разность в понимании терминов в Европе и России (например во Франции «гражданин» — понятие нового, социально-равного общества, а в России — духовное единство, любовь всех сограждан к отечеству вне зависимости от социального статуса и места жительства человека). Вызывает интерес и трактовка понятия «истинный гражданин», высказываемая властью (симбиоз качеств, полезных для повседневной жизни и каче-

ства, полезные общества, которые должны прививаться ребенку с раннего детства в семье).

Ключевым понятием российской действительности являлось понятие «государство», понимание этого термина было различно: от «государя и государева двора» до «территории, подчиненной власти государя, и управленческого аппарата». Автор в своем исследовании анализирует эволюцию данного понятия.

Большое внимание в монографии уделено вопросам трансформации еще одного ключевого понятия — собственности, которое в России было важным показателем «внутрисословного статуса, который определялся не только происхождением, но еще и размером имущества и количеством крепостных крестьян». От количества собственности зависела и служебная карьера, и юридический статус российского подданного, а также возможность и способ самопрезентации.

Д.В. Тимофеев в своей работе убедительно показывает, как с началом XIX в. меняется отношение к собственности. Появляется понимание, что собственность — это право полного распоряжения имуществом, а следовательно, что с точки зрения закона «собственностью могут быть признаны только неодушевленные вещи», т.е. на мировоззрение образованной части российского общества определенно наслоились западноевропейские идеи «политической экономии».

Вызывает интерес и детальный анализ автором документов декабрист-

ских организаций по вопросу «собственности», кроме этого, детальному анализу подвергались различные законопроекты по указанному вопросу. Автор раскрывает тонкую связь между «собственностью» и «свободой», при этом подчеркивает, что и то и другое является необходимым условием для успешного развития страны.

Анализируя слово «конституция» в лексиконе российских подданных, автор отмечает, что первоначально оно носило негативную окраску, но в дальнейшем стало одним из самых популярных слов среди образованной части российского общества. Также в работе рассматриваются и другие лексические обороты и слова указанного хронологического периода.

Выводы и наблюдения Д.В. Тимофеева, содержащиеся в главах и итоговом заключении, отличаются научной новизной, аргументированы и не вызывают каких-либо принципиальных возражений.

Монография способствует дальнейшей разработке фундаментальных проблем истории общественно-политической мысли, изучению ряда дискуссионных вопросов. Результаты научного исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории России, учебников, при проведении спецкурсов и спецсеминаров. Книга привлечет к себе внимание историков, политологов, филологов, государственных служащих, а также всех интересующихся историей развития общественно-политической мысли в России.

О.Б. Леонтьева

Рец.: *Суслов А.Ю.* Российские социалисты после Октября 1917 года в отечественной историографии: Монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 488 с.

Недавно изданная монография молодого казанского историка Алексея Юрьевича Суслова посвящена отечественной историографии послереволюционной истории трех крупнейших общероссийских социалистических партий: партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) и партии левых социалистов-революционеров. Большевикскую партию А.Ю. Суслов сознательно оставляет за рамками изучения, поскольку она «в послеоктябрьский период фактически уже не являлась партией, все более сливаясь с государством» (с. 7).

Историография истории политических партий в России активно разрабатывается отечественными специалистами с середины 1990-х гг., но в ней до сих пор остаются свои «белые пятна», что порождает необходимость новых обращений к этой тематике. Исследование А.Ю. Суслова привлекает своим обобщающим характером: в нем подводятся итоги изучения проблемы почти за век развития исторической науки. А.Ю. Суслов изучил более тысячи историографических источников, появившихся на свет за период с 1920-х по 2000-е гг.: монографий и статей, материалов конференций, диссертаций, справочных и учебных изданий, публикаций документальных источников. Для уточнения обоснованности тех вы-

водов, которые делали предыдущие исследователи, в работе используются материалы фондов ГАРФ, РГАСПИ, документы из коллекции архивов Гумеровского института и библиотеки Геттингенского университета. Такая исследовательская добросовестность, безусловно, достойна уважения.

Как представляется, применительно к данной работе можно говорить о нетрадиционной трактовке самого понятия «отечественная историография». В работе переплетаются сюжетные линии, связанные с развитием и советской, и эмигрантской историографии, что дает возможность увидеть историографическую ситуацию «объемно».

На самых разных этапах развития исторической науки XX в. изучение истории небольшевистских политических партий (тем более их деятельности в годы Гражданской войны) было остро политизированной темой. Но именно эта политизированность позволяет А.Ю. Суслову трактовать историю изучения небольшевистских партий как «модель развития историографических знаний в контексте интеллектуальной культуры в рамках формирования, эволюции и крушения авторитарной системы», как «прекрасный пример для изучения парадоксов советской и постсоветской историографии» (с. 5, 23). А.Ю. Суслов

придерживается подхода, характерного для «новой интеллектуальной истории»: идеи неразрывной связи между наукой и социокультурной средой ее развития (с. 10). В этом, на мой взгляд, и заключается научная актуальность данной работы.

Характеризуя советскую историографию политических партий А.Ю. Суслов высказывает собственную точку зрения по вопросу о том, чем была советская историческая наука — «служанкой идеологии» (по Ю.Н. Афанасьеву) или же «нормальной наукой» (в терминологии Т. Куна). В этой дискуссии автор выбирает взвешенную, среднюю позицию: советская историография политических партий характеризуется в исследовании как «сложный феномен», где элементы научного знания сочетались с функцией идеологического воздействия, причем соотношение науки и идеологии не оставалось неизменным.

В 1920–1950-е гг., как прослежено в работе, идеология явно доминировала над наукой: для социалистов-эмигрантов обращения к этой теме были опытом рефлексии и самооправдания; для советских авторов — инструментом идеологической борьбы. Именно в этот период сложился «лейтмотив советской историографии социалистических партий», набор шаблонных оценок и речевых клише. С 1960-х гг., как подчеркивает исследователь, в работах советских историков усиливались элементы «нормальной науки», хотя вплоть до 1991 г. ее связь с официальной идеологией всё же оставалась обязательной и неразрывной. Анализ дневниковых и мемуарных

источников позволяет А.Ю. Суслову утверждать, что научное сообщество 1960–1980-х гг. не было монолитным: оно «делилось на тех, для кого марксистская схема была условностью, необходимым и неизбежным словесным ритуалом, и тех, у кого она составляла плоть и кровь их мышления» (с. 194). Особым сюжетом работы становится история симпозиумов по истории «непролетарских» партий, проводившихся в г. Калинин и других городах СССР в 1970–1980-е гг. А.Ю. Суслов считает, что эти конференции способствовали формированию особого сообщества историков, стремившихся «дистанцироваться от традиционной истории КПСС», «профессионализировать социальный заказ, отстоять свою научную нишу при безусловном сохранении идеологических предписаний» (с. 207).

При этом отечественная историография предстает в работе не как замкнутое пространство, развивавшееся по своей особой логике, а как комплекс сложных, неоднозначных взаимосвязей. Так, автор воссоздает ситуацию односторонней заочной полемики («боя с тенью»), которую вели эмигранты — меньшевики и эсеры, пытаясь противостоять советской пропаганде. Прослеживается влияние эсеровской и меньшевистской публицистики и мемуаристики на зарубежную историографию. Исследуется влияние работ зарубежных ученых на изучение аналогичных тем в советской науке 1960-х — начала 1990-х гг.

О новаторском подходе к предмету полю историографии свидетельствует присутствие в работе

проблематики, связанной с образами прошлого в общественном сознании. Один из ярких сюжетов исследования посвящен формированию образов меньшевиков и эсеров как «врагов народа» в советской пропаганде, киноискусстве и драматургии – начиная с фильма С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Октябрь» и фильмов М. Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». В годы «оттепели», как показывает автор, происходило частичное «размывание» этого идеологического мифа, что было связано с появлением пьесы М. Шатрова «Шестое июля», экранизированной затем Ю. Карасиком, и публикацией рассказа Э. Казакевича «Враги» (с. 184–185).

Дискуссионную направленность носит раздел, посвященный современному этапу изучения проблемы. Исследователь уделяет значительное внимание полемике отечественных и зарубежных ученых о роли социалистических (особенно неонароднических) партий в модернизации России. А.Ю. Сулов подробно прослеживает дебаты историков о том, можно ли считать модели модернизации, разработанные неонародническими партиями в начале XX в., удачным опытом синтеза традиционных и современных ценностей (В.Г. Хорос, М.И. Леонов), реалистичными альтернативами большевизму (как считают М. Хильдермайер, К.Н. Морозов) или же «аграрной утопией» (этой точки зрения придерживаются Н.Д. Ерофеев, А.С. Сенявский, Е.Ю. Юрченков). Сам А.Ю. Сулов активно включает в эту дискуссию, доказывая, что теория модернизации, «несмотря

на критические замечания, далеко не исчерпала свой когнитивный потенциал» (с. 387).

Интересна представленная в монографии характеристика современного научного сообщества. А.Ю. Сулов составил базу персональных данных ученых, изучающих неонароднические партии; это позволило ему сделать выводы об омоложении и «провинциализации» состава историков, изучающих эту проблематику, о формировании новой исследовательской среды, характеризующейся интенсивным международным общением, наличием негосударственных исследовательских сообществ, горизонтальных связей, – при сохранении многих институциональных и ментальных особенностей советской науки (с. 56–58). Но при этом, как констатирует А.Ю. Сулов, современные исследования по истории небольшевистских социалистических партий «в методологическом плане... пока не демонстрируют впечатляющих новаций» – за исключением работ, где разрабатываются проблемы истории партий с позиций теории модернизации, а также нескольких исследований, выполненных в русле «новой политической истории» (работы Л.Г. Протасова, К.Н. Морозова, Я.В. Леонтьева). В то же время, как отмечает исследователь, в массовом историческом сознании «тиражируются старые мифы параллельно с новым мифотворчеством» (с. 297).

Следует отметить некоторые спорные моменты исследования. Воссоздавая историографическую ситуацию 1920-х гг., автор подробно

останавливается на конфронтационных взаимоотношениях между социалистами-победителями (большевиками) и социалистами-побежденными (эсерами, левыми эсерами, меньшевиками). Полагаю, что такой взгляд до некоторой степени односторонен. В 1920-е гг. в СССР было инициировано несколько интересных проектов, создававших поле для продуктивного общения социалистов разной партийной принадлежности, способствовавших осознанию их «общего прошлого»: создание Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, издание журнала «Каторга и ссылка», публикация дополнительных томов Энциклопедического словаря братьев Гранат, содержавших биографические материалы о деятелях революционного движения. К сожалению, в монографии эти сюжеты затрагиваются лишь вскользь (с. 168–169), хотя обращение к ним позво-

лило бы представить политическую и историографическую ситуацию 1920-х гг. менее однозначной, а демаркационные линии между представителями социалистических партий — более проницаемыми.

Можно заключить, что исследование А.Ю. Сулова содержит взвешенный, глубокий анализ развития историографической ситуации на протяжении XX — начала XXI в. **Историография** предстает в работе не просто как одна из сфер научного знания, но как индикатор социокультурной ситуации в стране: отношения к научному знанию; роли идеологии; культуры научной и политической полемики; особенностей исторической памяти. Монография должна стать незаменимым историографическим подспорьем для любого историка, решившего обратиться к изучению истории политических партий в России.

А.В. Лямзин

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БАШКИРСКОЙ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ»

Рец.: *Рахимов Р.Н.* На службе «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.

3 февраля 2015 г. на патриаршем подворье Екатеринбургской епархии прошло любопытное мероприятие. Это была презентация книги о военной службе мусульманских народов юго-востока Российской Империи XVIII–XIX веков. Может показаться, что это несколько необычное сочетание — мусульманские народы и епархия Русской православной церкви. Однако, жителям Урала такое взаимодействие вполне привычно. С древнейших времён наш регион является своеобразным тиглем, в котором отливалась российская государственность.

Монография военного историка Равиля Насибулловича Рахимова «На службе “Белого царя”. Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в.» увидела свет благодаря содействию Российского института стратегических исследований (РИСИ) в 2014 году. Работа основана на довольно внушительном историографическом и источниковом основании. Автор использовал в книге материалы архивов Москвы, Петербурга, Уфы, Самары, Оренбурга. Среди них можно выделить РГАДА,

РГВИА, РГАЛИ, РГИА, Отдел рукописей РГБ. К исследованию были привлечены и опубликованные источники, огромное количество писем и мемуаров, Полное собрание законов Российской Империи и многое другое. Во введении подробно рассматривается историография изучаемого вопроса. Современная историография проблемы характеризуется недостатком глубоких обобщающих работ. Ряд серьёзных исследований ограничиваются изучением отдельных сюжетов (истории тептярских, калмыцких полков). Часть научно-популярных исследований зачастую носят компилятивный характер, порой тиражируют мифы, унаследованные от предыдущих этапов историографии. Например, миф о существовании «Башкирского казачьего войска». Р.Н. Рахимов не ограничился рамками отдельных национальных формирований и предложил более широкое видение проблемы, а также вступил в полемику с рядом авторов, уточняя некоторые фактические вопросы истории национальной конницы.

Особую ценность исследованию, на мой взгляд, придало то, что автор

не только историк-профессионал, но и историк-реконструктор, много лет возглавляющий военно-исторический клуб «Уфимский пехотный полк». Особенность исследователя-реконструктора в том, что он наиболее внимательно относится к материальной стороне вопроса (особенностям пошива и ношения обмундирования, технологии изготовления и применения оружия и техники), то есть к вещественным источникам. Это позволяет лучше понять человеческое измерение военной истории, изучить историческую повседневность. Взаимодействие с историей на микроуровне даёт исследователю глубокое ощущение исторической достоверности.

В работе Р.Н. Рахимова содержится не только насыщенный фактами и событиями обзор этапов военной службы башкир, татар и калмыков, автор сумел показать, каким образом удавалось сохранять межнациональный мир и согласие, создавать условия для плодотворного и уважительного взаимодействия народов Российской империи. В своём исследовании автор, как типичный реконструктор, погружает читателя во множество мельчайших деталей и подробностей башкирской военной жизни и быта. Невольно хочется назвать это исследование «энциклопедией башкирской военной жизни».

С первых страниц исследования понятна актуальная и благородная цель автора: исследование рецептов межнационального согласия, столь необходимого нашей Родине. Автор изучает процесс интеграции

народов юго-востока России в имперское пространство через институт воинской службы. После падения Казанского ханства в XVI в. башкиры постепенно принимают подданство «Ак-Батши» или «Белого царя». Легитимизация власти русского царя складывалась на основе ордынской традиции. После того, как он стал властителем Казани, остальные наследники власти чингизидов должны были ему подчиняться. Таким образом служить Белому царю не считалось зазорным.

Один из первых масштабных эпизодов использования отрядов конных башкир и других народов приходится на Северную войну, когда они довольно успешно воевали в Прибалтике и были отведены только после подхода новых по-европейски сформированных драгунских полков. Помня об их доблести, Пётр Великий распорядился оглашать в башкирских селениях условия победного Ништадского мира, чтобы воины знали, что их усилия были не напрасными и завершились успехом.

Находящиеся в составе русской армии, во время войн с Наполеоном кавалерийские части башкир отличались тем, что не использовали огнестрельного оружия, зато виртуозно владели луком и стрелами, за что и получили от противников-французов прозвище «северные амуры» ил «злые купидоны». Причиной такого необычного явления стало то, что в ответ на повстанческую активность, Анна Иоанновна запретила, своим указом от 11 февраля 1736 г., башкирам иметь кузни

и использовать огнестрельное оружие. Поэтому к концу века они утратили навык использования ружей и пистолей, зато в стрельбе из лука им не было равных! Запрет сохранился до 1798 г. и в ходе Наполеоновских войн башкиры уже использовали огнестрельное оружие.

Когда в 1812 году Наполеон со своей армией вторгся в пределы нашего Отечества, недалеко от границы, у него состоялась встреча с генерал-адъютантом А.Д. Балашовым, у которого он спросил: «Сколько в русской армии полков киргизов?». Видимо Бонапарту не очень хотелось с ними встречаться. Русский генерал ответил, что у нас нет полков киргизов, а есть два полка башкир и татар, которые похожи на киргизов.

В Европе конца XVIII столетия уже существовало множество мифов о калмыках и башкирах. Французы и немцы, хорошо знакомые с Великими географическими открытиями упорно считали, что башкирские стрелы отравлены. По мнению адмирала А.С. Шишкова, которое приводит в своей монографии автор, Наполеон целенаправленно распускал лживые слухи о пришедших с востока варварах: «...что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых ребят, что мы не имеем ни малейшего уважения к женскому полу... и произведём в отечестве их варварскую породу людей»¹. Автор также приводит цитату из заметок Гусселя, опублико-

ванных в 1813 г., о слухах, ходивших среди немцев: «Наибольшее волнение у всех вызывали башкиры, о которых можно было услышать самые невероятные вещи и которые по слухам имели только один глаз на лбу, длинные морды и огромные клыки вместо зубов»². Действительность оказалась не столь устрашающей, отношения с мирными жителями складывались достаточно спокойно, хотя в военном плане национальная кавалерия действовала достаточно эффективно.

Автор подчёркивает, что применение российской национальной конницы в войнах первой половины XIX в. было достаточно успешным. Автор уточняет, что всего в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии, наряду с русскими формированиями, приняло участие: «20 башкирских, 2 мецгерякских, 2 тептярских, 3 калмыцких, 4 крымско-татарских — итого 31 полк... примерно 17, 6 тыс. человек национальной конницы»³.

В начале XIX в. в военной истории нерусских народов большую роль играла не только стратегия государства или тактика полководцев, но и вопросы, связанные с питанием и медицинским обслуживанием. Адаптивные способности людей того времени были существенно ниже, чем сейчас. С этим связана одна печальная страница истории башкирской конницы. Когда она возвращалась в 1814 г. из заграничного похода, быстрое продвижение на восток

¹ Цит. по: Рахимов Р.Н. На службе «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в. М., 2014. С. 317.

² Цит. по: Рахимов Р.Н. На службе «Белого царя». С. 318.

³ Рахимов Р.Н. На службе «Белого царя». С. 404.

и переход на новый режим питания сыграл злую шутку. После того, как башкирские воины достигли Волги в районе Нижнего Новгорода, лошадей и всадников начало косить какое-то моровое поветрие, забрав жизни больше, чем вся война в Европе. В народном башкирском эпосе даже сохранились произведения говорящие об отравлении башкир. В действительности, скорее всего, никакого отравления не было, а были проблемы бактериального характера, связанные с потреблением волжской воды.

В Российской Империи никто не планировал уничтожать кочевые народы юго-востока. Напротив, военная служба рассматривалась как модель интеграции в единое пространство. Представители кочевой знати обучались вместе с представителями элиты иных национальностей России, в том числе и русского дворянства. Существовала система наград и воинской символики. В XIX веке калмыки, тептяри, башкиры, мишари начали награждаться низшими степенями орденов Св. Анны, Св. Станислава и другими. Но большей популярностью и распространением пользовалось награждение тарханами (освобождением от налогов), деньгами, почётными кафтанами и наградным оружием.

Со временем меняется система управления. В конце XVIII в. башкиры и другие кочевые народы постепенно переходят на кантонную систему. Ордынская традиция организации войска остаётся в прошлом, со своей десятичной системой организации, построением «лавой»,

сохранением в социальной структуре категорий тарханов и батырей, игравших роль десятников и сотников. С 1798 г. на основе европейского опыта в Российской империи создаётся кантонная система. Башкиры переводятся в военное сословие, вводится новое территориальное деление, которое не учитывает границы племён, устанавливается единая система командования с подчинением Военному министерству. Анализируя историографию этого сюжета, автор полемизирует с дореволюционной историографией, рисовавшей эту систему в тёмных красках. Критике подвергаются негативистские подходы А.-З. Валиди Тогана. Наоборот, автор поддерживает позицию своего учителя, историка А.З. Асфандиярова, который выделял несколько положительных явлений, привнесённых кантонной системой. Это ускорение перехода башкир к оседлому земледелию, упразднение родовых пережитков, консолидацию башкирского народа, освоение русской культуры. Главное – эта система завершила интеграцию Башкирии в состав России.

В XIX в. уже заканчивается формирование новой военно-служилой аристократии. Национальная элита инкорпорируется в единое имперское пространство. А история иррегулярной конницы заканчивается в 1874 году после введения всеобщей воинской повинности. Все нерусские народы Поволжья и Приуралья признавались годными к несению службы.

Высокие морально-волевые качества отличали этих людей во всех

последующих войнах Империи. Как заметил, отвечая на вопросы, Рамиль Насибуллович, в эпоху развала армии в 1917 г., именно на сходах мусульманских частей как правило принимались резолюции о сохранении армии и государства, поскольку «делить Россию они

не собираются», а планируют в ней жить.

Эта история ещё раз напоминает нам о том, как важно сохранять национальное согласие и взаимопонимание при всём внешнем разнообразии населяющих Россию народов.

А.Ю. Суслов

Рец.: *Аврус А.И., Новиков А.П.* От Хвальнска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 300 с.

Рец.: «Мы, русские, — другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Публ., вступ. ст., подгот. текста и комм. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова [науч. ред. проф. И.Р. Плева]. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2014. 412 с.

Яркая фигура Виктора Михайловича Чернова (1873–1952) начиная с 1990-х гг. привлекает активное внимание российских исследователей. Личность В.М. Чернова весьма многогранна. С одной стороны, большой интерес вызывает его политическая биография как лидера партии социалистов-революционеров. Он был одним из основателей эсеровской партии, активным участником революций 1905–1907 и 1917 гг., министром земледелия Временного правительства. 5 января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания, а в 1920 г. эмигрировал, проживал в Эстонии, Германии, Чехословакии, Франции и США, где продолжал активную политическую и общественную деятельность.

С другой стороны, опираясь на народнические традиции, но и восприняв идеи европейского социализма, Чернов создал свою оригинальную теорию трансформации России, был автором многих работ по истории, философии, социологии, экономике. Его литературное наследие впечатляет. Им было опубликовано около 1000 работ, включая книги, брошюры, статьи, рецензии и заметки. Известный историк и деятель революционного

движения Б.И. Николаевский отмечал, что Чернов «...занял свое особое, — и весьма значительное место и в истории русского народничества, и в общей истории российской общественно-политической мысли, и в большой истории России XIX–XX веков», он «наложил... настолько сильную печать своей индивидуальности на всю идеологию народничества начала XX в., что весь этот период в истории последнего вообще следует называть «черновским» [Николаевский, 1953: 5, 6, 9]. За последние десятилетия в России переиздан ряд работ В.М. Чернова [Чернов, 1993; 1997; 2007а; 2010], появилась серия научных исследований, в том числе монографических [Колесниченко, 1991; Ярцев, 1994; 1996; Гусев, 1999; Федоренко, 1999; Коновалова, 2005; 2009 и др.].

В ряду отечественных историков, занимающихся изучением жизни и творчества лидера и теоретика партии эсеров, выделяются саратовские исследователи А.И. Аврус и А.П. Новиков. Благодаря их многолетней плодотворной работе воссоздана биография В.М. Чернова (в том числе точная дата и место рождения), введены в оборот многие его научные и публицистические произведения, письма,

мемуары [Виктор Михайлович Чернов — наш великий земляк, 2003; В.М. Чернов: человек и политик, 2004; Чернов, 2007; Новиков, 2008; Аврус, Новиков, 2009 и др.].

Монография А.И. Авруса и А.П. Новикова «От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова», вышедшая в издательстве Саратовского государственного университета, в определенной мере подводит итог работе саратовских историков по изучению жизни и деятельности лидера партии социалистов-революционеров. Опираясь на солидную источниковую базу, авторы впервые смогли дать целостную научную биографию В.М. Чернова с момента рождения 25 ноября (7 декабря) 1873 г. в небольшом уездном городе Саратовской губернии Хвалынске до смерти (за несколько месяцев до своего 79-летия), наступившей в эмиграции 15 апреля 1952 г. в нью-йоркской квартире на Бродвее, около 148-й улицы.

В десяти главах монографии последовательно рассматриваются основные этапы становления В.М. Чернова как политического деятеля — учеба в Саратове, Дерпте и Москве, арест, ссылка, эмиграция, создание партии социалистов-революционеров, участие в революционных событиях вплоть до последней, третьей, эмиграции, которая началась в сентябре 1920 г. отъездом в Эстонию и завершилась в США. Книга снабжена хроникой основных событий жизни и деятельности В.М. Чернова, прекрасной подборкой фотографий, а также именным указателем.

А.И. Аврус и А.П. Новиков не преследовали цели дать всеобъемлющую характеристику лидера ПСР, что вряд ли возможно в рамках одной публикации. Основное внимание авторы монографии сосредоточили на уточнении биографических моментов жизни и деятельности В.М. Чернова, оставив в стороне как общую оценку его вклада в теорию неонародничества, так и всесторонний анализ многочисленных отдельных моментов его политической практики, что является перспективной задачей историографии, впрочем, частично уже решаемой в конкретных исследованиях (см. работы Б.К. Ярцева, О.В. Коноваловой и др.). Тем не менее, на наш взгляд, современные исследователи российского неонародничества, анализируя многогранное наследие В.М. Чернова, не смогут обойтись без работы А.И. Авруса и А.П. Новикова.

Размышляя о причинах неудачи В.М. Чернова как общероссийского политического лидера, А.И. Аврус и А.П. Новиков пишут о том, что «ему не хватало твердости, жесткости, аморализма, которые оказались столь необходимыми в условиях революции и Гражданской войны в России». Не отрицая этого обстоятельства, стоит заметить, что поражение В.М. Чернова в политической борьбе неразрывно связано с поражением демократического варианта социализма в целом, не сумевшего предложить реальной альтернативы большевизму¹. Причины провала демократической социа-

¹ См. [Судьбы демократического социализма в России, 2014].

листической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных Гражданской войной, и в действиях большевиков и белых режимов. В итоге именно большевики сумели соединить социалистическую доктрину, пришедшую с Запада и являвшуюся проявлением «модернити», с традиционными российскими ценностями. А можно ли было выработать на основе программ модернизации России, предлагавшихся различными социалистическими партиями, какую-то общую платформу, воплощенную в программу действий? Политические реалии 1917 г., итоги выборов в Учредительное собрание, перманентные дискуссии об «однородном социалистическом правительстве» дают основания для подобных размышлений.

Социалистические партии в послеоктябрьской России были в числе тех, кто дал старт попыткам разоблачить антидемократический характер большевизма. Неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе, тем не менее не тождественна их поражению в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий. Авторы приходят к выводу, что Чернов, прожив долгую и сложную жизнь, зная победы и поражения, сохранил верность нескольким основным идеям: любви к России; преданности социалистическому идеалу; признанию невозможности социализма без демократии; интернационализму. Бесспорно, личность В.М. Чернова, его взгляды, поступки, литератур-

ное наследство заслуживают самого пристального внимания.

Сборник писем Чернова за 1920–1941 гг. увидел свет в издательстве Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина под редакцией ректора, профессора И.Р. Плеве. Данный сборник вполне можно рассматривать как своеобразное дополнение монографии «От Хвалынска до Нью-Йорка» – письма относятся к периоду 1920–1940 гг., наименее изученному отрезку жизни В.М. Чернова. Как отмечают составители сборника (Г.В. Лобачева и А.П. Новиков), «по своей тематике и содержанию письма Чернова многообразны и информативны, раскрывают ранее неизвестные факты его биографии. Вместе с тем они позволяют наглядно представить и живо ощутить повседневную жизнь русской эмиграции в 1920–1930-е гг., по-новому взглянуть на многие исторические факты и явления того времени». Письма были выявлены в шести архивах России, США и Голландии и в абсолютном большинстве публикуются впервые.

Тематически письма сгруппированы в четыре раздела: письма В.М. Чернова советским лидерам: В.И. Ленину (1920 г.), Л.Б. Каменеву (1920 г.), А.И. Рыкову (1928 г.) и И.В. Сталину (1942 г.), в большинстве уже опубликованные и носившие изначально открытый, публицистический характер; письма партийным соратникам (коллегияльным органам – ЦК ПСР, ЦБ ПСР, членам Внепартийного объединения, отдельным социалистам-

революционерам — А.Ф. Керенскому, В.М. Зензинову, В.В. Сухомлину, О.С. Минору, причем отдельно выделены письма Виктора Михайловича и Иды Самойловны Черновых известному народовольцу и эсеру Николаю Сергеевичу Русанову (1859–1939)); третий раздел — переписка с Б.И. Николаевским, а также письма супругов Черновых члену ПСР Цецилии Самойловне Шапиро (1885–1943), находившейся в США и поддерживавшей регулярную связь с лидерами эсеровской партии; наконец, четвертый раздел посвящен переписке Черновых с семьей Постниковых и Мари Моллар, второй жены Н.С. Русанова.

Тематика опубликованных писем, безусловно, различна, как и их информационная ценность. Проблемы политической борьбы, внутрипартийные разногласия наиболее ярко сфокусированы в переписке с руководящими органами партии и отдельными эсерами начала и середины 1920-х гг., когда Заграничная делегация ПСР представляла собой относительное единство, имела определенные материальные ресурсы и связи с подпольными эсеровскими организациями в Советской России. Переписка с Б.И. Николаевским, учитывая круг интересов последнего, вполне закономерно находилась в русле истории революционного движения в России, литературной деятельности В.М. Чернова. В письмах друзьям Чернов и особенно его супруга часто обращаются к подробностям своей нелегкой повседневной эмигрантской жизни, поискам средств к существованию, здоровью Виктора Михайловича (которое в 1930-е гг. внушало се-

рьезные опасения). И, разумеется, на всем протяжении жизни Чернов в своих письмах пристально следит за международной ситуацией, анализирует сложные проблемы межвоенной Европы, вынуждавшие многих российских эмигрантов, в том числе самого Виктора Михайловича, несколько раз менять место жительства, бросая налаженный быт.

В приложении публикуются фотографии Чернова и его адресатов, что дает возможность воочию представить историю повседневности, атмосферу эпохи. Стоит отметить подробные и качественные примечания к сборнику, а также наличие именного указателя.

Опубликованное эпистолярное наследие В.М. Чернова 1920–1941 гг. является ценным источником по многим проблемам истории партии социалистов-революционеров, российской эмиграции, международного социалистического движения. Несомненно, данный сборник будет востребован историками и стимулирует дальнейшие исследования.

REFERENCES

Avrus A.I., Novikov A.P. Istochniki po izucheniju zhizni i dejatel'nosti V.M. Chernova // Social-demokratija v rossijskoj i mirovoj istorii. Obobshhenie opyta i novye podhody: mat. konf. M., 2009. S. 312–319.

Chernov V.M. Izbrannoe / Sost., avtor vstup. st. i komm. O.A. Ishakova. M., 2010.

Chernov V.M. Konstruktivnyj socializm. M., 1997.

Chernov V.M. Pered burej. M., 1993.

Chernov V.M. Velikaja russkaja revoljucija. Vospominanija predsedatelja Uchreditel'nogo sobranija. 1905–1920 / Per. s angl. E.A. Kaca. M., 2007.

Chernov V.M. V partii socialistov-revoljucionerov: Vospominanija o vos'mi liderah / Publ., vstup. st., podg. teksta i komm. A.P. Novikova i K. Huzer. SPb., 2007a.

Fedorenko A.A. Politicheskaja koncepcija V.M. Chernova. M., 1999.

Gusev K.V. V.M. Chernov. Shtrihi k politicheskomu portretu. M., 1999.

Jarcev B.K. Chernov, jesery i bol'shevistskij rezhim: Jevoljucija neonarodnicheskikh ocenok // Svobodnaja mysl'. 1994. № 5. S. 82–98.

Jarcev B.K. Social'naja filosofija V. Chernova // Byl li u Rossii vybor? (N.I. Buharin i V.M. Chernov v social'no-filosofskih diskussijah 20-h godov). M., 1996. S. 96–141.

Kolesnichenko D.A. Viktor Mihajlovich Chernov // Rossiya na rubezhe vekov: Istoricheskie portrety. M., 1991. S. 296–334.

Konovalova O.V. Politicheskie idealy V.M. Chernova: vzgljad cherez gody. Krasnojarsk, 2005.

Konovalova O.V. V.M. Chernov o putjah razvitija Rossii. M., 2009.

Nikolaevskij B. Chernov V.M. // Chernov V.M. Pered burej. N'ju-Jork, 1953.

Novikov A.P. «Ja bojus' zagranichnoj otorvannosti, bojus' jemigrantshhiny...». Pis'ma V.M. Chernova iz Jestonii. 1920–1921 gg. // Istoricheskij arhiv. 2008. № 5. S. 55–109.

Sud'by demokraticeskogo socializma v Rossii: Sbornik materialov konferencii / Otv. red. K.N. Morozov; sost.: K.N. Morozov, A. Ju. Suslov. M., 2014.

V.M. Chernov: chelovek i politik: materialy k biografii / Pod red. A.I. Avrusa; avt. biogr. ocherka, bibliogr. ukaz. i komm. A.P. Novikov. Saratov, 2004.

Viktor Mihajlovich Chernov – nash velikij zemljak: k 130-letiju so dnja rozhdenija / A.I. Avrus [i dr.]. Saratov, 2003.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аврус А.И., Новиков А.П. Источники по изучению жизни и деятельности В.М. Чернова // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы: мат. конф. М., 2009. С. 312–319.

В.М. Чернов: человек и политик: материалы к биографии / Под ред. А.И. Авруса; авт. биогр. очерка, библиогр. указ. и комм. А.П. Новиков. Саратов, 2004.

Виктор Михайлович Чернов – наш великий земляк: к 130-летию со дня рождения / А.И. Аврус [и др.]. Саратов, 2003.

Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

Колесниченко Д.А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С. 296–334.

Конвалова О.В. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы. Красноярск, 2005.

Конвалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.

Николаевский Б. Чернов В.М. // Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

Новиков А.П. «Я боюсь заграничной оторванности, боюсь эмигрантщины...». Письма В.М. Чернова из Эстонии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 2008. № 5. С. 55–109.

Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции / Оtv. ред. К.Н. Морозов; сост.: К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М., 2014.

Федоренко А.А. Политическая концепция В.М. Чернова. М., 1999.

Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993.

Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997.

Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ. Е.А. Каца. М., 2007.

Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Публ., вступ. ст., подг. текста и комм. А.П. Новикова и К. Хузер. СПб., 2007а.

Чернов В.М. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и комм. О.А. Исхакова. М., 2010.

Ярцев Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим: Эволюция неонароднических оценок // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 82–98.

Ярцев Б.К. Социальная философия В. Чернова // Был ли у России выбор? (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С. 96–141.

РАЗНЫЕ РАКУРСЫ

Рец.: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с. Т

История академического сообщества и его отдельных представителей — одна из наиболее приоритетных областей исторических исследований на протяжении последнего столетия. Обусловлено это положение вещей целым рядом причин:

Во-первых, изобилием материала — как известно, исследуем мы в первую очередь то, что хорошо исследуется. Университеты, научные учреждения, Академия наук и конкретные ученые много сделали для сохранности своих архивов, сами представители академического сообщества оставили многообразный материал — от собственно научных работ до публицистики, полемики между собой, мемуарных свидетельств, эпистолярных и дневников. Более того, каждое поколение в России по крайней мере с 1840-х гг. представляло более или менее признанные версии описания собственного прошлого и выстраивало генеалогии, наследуя каждое уже существующим версиям (иногда «через голову» предыдущего поколения обращаясь к «дедам», тем самым одновременно демонстрируя преемственность и отличие от непосредственных предшественников).

Во-вторых, последовательным расширением проблематики исторических исследований — со второй половины XIX в. «история культуры» серьезно теснит политическую историю, а с конца того же столетия начинают быстро развиваться исследования в области интеллектуальной истории и истории идей. Не углубляясь в последующее развитие данных исследовательских областей (и их пересечение с на долгое время занимающей господствующее положение социальной историей), отметим лишь, что все они применительно к Новому времени легко разворачиваются в пространство исследований академического сообщества или на его материалах.

В-третьих, это и вполне понятный собственный интерес исследователей — поскольку изучаемый объект оказывается одновременно и близок, и дистанцирован, позволяя в зависимости от ориентации выстраивать и сложные рефлексивные программы (дающие простор методологической изысканности, в том числе и благодаря отмеченному выше богатству и относительно многообразию материала — начиная от эго-документов до документов, относящихся к го-

сударственному управлению академическими институтами и т.п.), и мартирологи или святцы.

Данная благоприятная ситуация сказывается, разумеется, на критериях обора публикуемых материалов, примером чему служит рассматриваемая работа Е.А. Долговой. Она включает не только письма, но и комиссионные расчеты книжных складов, счета из типографий, записную книжку с поденными записями. Такого рода материалы обычно публикуются редко, даже архивы крупных политических деятелей удостаиваются столь детальной публикации, скорее, в порядке исключения.

То, что в большинстве случаев остается в записях и копиях исследователя, лишь ссылками отражаясь в статьях и монографиях, в данном случае представлено весьма репрезентативно — позволяя звучать не только голосу исследователя, лишь подкрепляемому отсылками к иным голосам, даваемым в цитатах, в объеме, контролируемом повествователем, а непосредственно — образуя многообразную коллекцию, лишь минимальным образом упорядоченную извне¹.

Если говорить об основной задаче работы (помимо само собой разуме-

¹ Понятно, что уже сама модель отдельной книги вновь собирает эту коллекцию воедино — побуждая воспринимать как целое, встраивая эту совокупность в единство и, соответственно, придавая ему некое самостоятельное смысловое содержание: в этом отношении электронные коллекции приобретают существенное преимущество, свободные от логики нарративности, задаваемой структурой книжного текста.

ющейся — введения в научный оборот многочисленных новых сведений о жизни и трудах Н.И. Кареева в период с 1914 по 1931 г.), то ее можно определить как попытку «нормализации» военного, революционного и советского времени: уход от производства «водоразделов» «большой истории» аналогичными биографическими «водоразделами». Подобная исследовательская ориентация, как отмечает и сама Е.А. Долгова, в последнее время становится всё более распространенной — она не столько, разумеется, отменяет данное членение большой истории, спроецированное на историю частную или историю институций, сколько стремится выявить помимо разрывов — длительность, преемственность: в некоторых случаях это сознательный перенос акцентов с целью артикулировать те стороны исследуемых феноменов, которые иначе оказываются в тени — ведь сохраняющееся или воспроизводимое не обращает само на себя, как правило, внимания, предстывая как нечто «само собой разумеющееся» — и лишь изменение на фоне этого «неизменного» считается как значимое. Но поскольку постоянство есть результат воспроизводства, то сохранение, дление предстают не менее важными предметами исследования, давая возможность поставить вопросы: что *позволяет* сохранить подобные типы практик, каким образом продолжают поддерживаться прежние статусы и т.п.

Иной важный момент, отмеченный Е.А. Долговой — отход от «катастрофического» прочтения биографического материала: снижение

продуктивности Н.И. Кареева, сокращение и последующее прекращение его преподавательской деятельности и т.п. оказываются «нормализованы» в том плане, что предстают не только, а в некоторых случаях и не столько результатом воздействия внешних (в первую очередь: политических) факторов, но и «естественным» завершением — в силу возраста, в силу конкуренции между теми членами академического сообщества, что обрели свой статус еще в предшествующие, дореволюционные годы.

Особенный интерес представляют опубликованные Е.А. Долговой письма Кареева к Н.П. Корелиной (вдове М.С. Корелина, специалиста по истории Ренессанса, близкого друга Кареева, с которым тот познакомился еще гимназистом, когда последний преподавал в III Московской гимназии) — исследователи уже неоднократно обращались к ним² и тем выше ценность данной публикации³. Наиболее ценными оказываются письма последних лет, когда Корелина становится самым близким эпистолярным собеседником историка — с ней он делится многим происходящим в его жизни, находя тот отклик, на который рас-

² Одно из первых обращений — вступительная статья и примечания В.П. Золотарева в подготовленном им издании мемуаров Кареева: [Кареев, 1990].

³ К сожалению, следует отметить, что не все письма оказались опубликованы (впрочем, насколько можно судить, опубликованы все существенные) — и они рассеяны по разным разделам книги, при этом само разнесение писем неизбежно оказалось несколько произвольно, поскольку в них Кареев сообщает Корелиной и о своих семейных делах, и о преподавании, и о делах академических.

считывает. Так, 17.XI.1928 г. он пишет: «Прежде у меня было не меньше 10–12 часов университетских и курсовых занятий в неделю, теперь только два. Кроме того, я читал публичные лекции, рефераты и т.п., чего тоже не стало, и много писал и печатал, что тоже прекратилось. И вот я скучаю и тоскую, стараясь, однако, быть бодрым духовно. Между тем весьма естественно, что мои знакомые все старики и старухи, даже новые знакомые, а такое общество только поддерживает во мне старческую психологию. Хочется более молодого общества, но у моих сорокалетних детей в общем мало кто бывает, а товарищи моих внуков еще слишком юны, чтобы вести с ними компанию <...>. Вот и чувствуешь себя как бы вне жизни, когда еще хочется жить не в простом только физиологическом смысле слова. <...> Сам я сейчас ничего не пишу, потому что уже написанное остается лежать в рукописях» (с. 247).

В последние годы своей жизни Кареев весьма настойчиво стремится к публикации своих мемуаров (выйдут они в свет только в 1990 г.) — в рассматриваемом издании эти попытки детально освещены: сначала в надеждах опубликоваться у Сабашникова, затем поиск возможного издателя в Ленинграде и, наконец, переговоры с В.Д. Бонч-Бруевичем о возможности принятия рукописи издательством «Academia». Подробное освещение ситуации демонстрирует, что затруднения не носили цензурного или какого-либо подобного характера — проблема была в сочетании перенасыщенности небольшого

книжного рынка мемуарной литературой и относительно слабом интересе к тексту Кареева. Следует признать, что реакция Сабашникова (в 1928 г.), не горевшего энтузиазмом издавать рукопись Кареева, достаточно понятна — в условиях, когда издательские возможности весьма ограничены, а в портфеле редакции лежали ждущие опубликования воспоминания Б.Н. Чичерина, дневники С.А. Толстой, продолжение публикации дневников А.Ф. Тютчевой — мемуары Кареева явно не были соблазнительной целью. В 1930 г. переговоры с Бонч-Бруевичем, готовившим к изданию альманах «Минувшее»⁴ и активно собиравшим материалы, продвигались гораздо успешнее. Тот принял к публикации воспоминания Кареева о его участии в делегации петербургской интеллигенции, которая посетила Председателя Комитета министров С.Ю. Витте и министерство внутренних дел перед 9 января 1905 г., проявил интерес и к тексту «Прожитого и пережитого». Но и эта попытка в конечном счете закончилась неудачей — на сей раз, впрочем, уже независимо от воли издателя: после того, как в декабре 1930 г. Кареев попал под критику вместе с другими представителями «антимарксистских тенденций» в исторической науке, и был обвинен акад. Н.М. Лукиным на заседании общества историков-марксистов в «откровенных выкриках

против марксизма» «на страницах буржуазной печати», вопрос о публикации воспоминаний оказался отставлен. А последовавшая скорая смерть Кареева (в феврале 1931 г.) сняла его окончательно (впрочем, именно Бонч-Бруевич в 1934 г. обратился к сыну историка, Н.Н. Карееву, с предложением о продаже бумаг покойного отца — в результате чего часть архива оказалась в РГАЛИ).

Совсем в ином отношении большой интерес представляют опубликованные материалы, посвященные борьбе Н.И. Кареева за сохранение в семье имения Аносово — в 1922 г. оно было признано интенсивным хозяйством и за братом Кареева, Василием Ивановичем и за его дочерью, Екатериной Васильевной, было сохранено 25 из 100 десятин. В 1926 г., однако, семейство из имения было выселено — и в самом имении была организована «трудовая артель» «Вольный труд». И брат, и сам Кареев обращались во все доступные им организации с просьбой сначала о предотвращении выселения, а затем о возвращении имения. Смоленский губисполком несмотря на первоначальную телеграмму ВЦИКа подтвердил в развернутом заключении решение о выселении, с чем ВЦИК согласился, — однако Карееву, задействовав Академию Наук, удалось добиться личного вмешательства Енукидзе, поставившего вопрос о возвращении имения. Примечательно, что и заступничество самого ВЦИКа не изменило ситуацию, — местные власти представили «на верх» развернутые возражения: уездное земельное управление ходатайствовало перед Сычевским уездным исполкомом «о внесении

⁴ Концепция альманаха в дальнейшем претерпела некоторые изменения, и он начал выходить с 1932 г. под заглавием «Звенья» (1932 — 36, 1950 — 51). Мемуары Кареева в нем так и не были опубликованы, впервые они вышли в свет в 1990 г. в изд-ве Ленинградского университета.

на рассмотрение соответствующих органов категорического протеста против приведения в жизнь постановления Президиума ВЦИК о разгоне трудовой артели и вселении помещика КАРЕЕВА в его дореволюционное гнездо» (с. 236), уездный и губернский исполкомы поддержали это обращение, постановив о невозможности приостановления «продажи имущества КАРЕЕВА» (с. 237, 239), «крестьянин Рачков» (участник Гражданской войны, член артели «Вольный труд», неоднократно упоминаемый в данном контексте и бывший, надо полагать, главным действующим лицом на уровне уезда в организации выселения Кареевых) обратился в редакцию «Крестьянской газеты по радио», заявив, что «в настоящее время ВЦИК отменил постановление Губисполкома и это заставило членов артели беспокоиться об их дальнейшей судьбе» — в ответ на что редакция адресовалась к Сычевскому уездному земельному управлению с запросом: «Редакция просит Вас сообщить, как обстоит дело с выселением быв[шего] помещика КАРЕЕВА в его бывшее имение. Предоставлен ли ему участок земли в усадьбе имения или в каком-либо другом месте, а также о том, не отразилась ли отмена постановления Губисполкома о выселении быв[шего] помещика КАРЕЕВА на сельскохозяйственной артели “Вольный труд”» (с. 239). Сычевский уездный исполком обратился к ВЦИКу с просьбой отменить постановление Президиума ВЦИК об отмене выселения Кареева, поскольку «быв[ший] помещик КАРЕЕВ уже выселен из принадлежавшего ему до Октябрьской революции поместья <...> и <...> в этом

поместье организована с[ельско]х[озяйственная] артель “Вольный труд”, принявшая уже устав, в составе 21 едока, в число которых входят участник Гражданской войны (член ВКП(б))⁵ и красноармейцы». Сычевский исполком настаивал, что члены сельхозартели «Вольный труд» уже успели ликвидировать свои индивидуальные хозяйства и три месяца после выселения Кареевых вели сельскохозяйственные работы, в уезде отмечался «определенно наступающий перелом в сельском хозяйстве в сторону коллективизации (в уезде организовано 4 коллектива)»⁶, чему «будет нанесен большой моральный удар в случае роспуска артели “Вольный труд” и возвращения быв[шего] помещика КАРЕЕВА в принадлежавшее ему до революции поместье» (с. 240). В результате ВЦИК согласился с доводами уездного земельного управления и уездного и губернского исполкомов, а в отношении Кареевых было принято решение о выделении небольшой дачи в пользовании Н.И. Кареева. Данная ситуация показательна во многих аспектах, из которых мы отметим лишь несколько: (1) прежде всего, конфликт вокруг Аносово был инициирован на уездном уровне и местные органы продемонстрировали упорство и существенную автономию от центральной власти в преследовании своих целей (главным же действующим лицом на местном уровне был не принадлежащий непосредственно к этим органам власти местный

⁵ Упомянутый выше Ра(ч)ков.

⁶ Из которых Аносовский к тому времени имел наибольшее время существования и приступил к сельхозработам — остальные на тот момент еще не имели даже устава.

большевик и ветеран гражданской войны Ра(ч)ков); (2) в своем сопротивлении решению ВЦИКа уездные и губернские органы не только активно использовали современную риторику «наступления в деревне», но и сумели инициировать в свою пользу запрос, адресованный им «Крестьянской газетой по радио» — а ВЦИК в конечном счете предпочел уступить и утвердить отмену собственного постановления; (3) с другой стороны, Кареев в этом конфликте сумел собрать в свою поддержку значительные силы — в том числе со стороны А.С. Енукидзе и добиться полугодовой отсрочки выселения, а затем и положительного решения о возвращении имения; (4) после того, как имение было окончательно изъято в пользу сельхозартели, Карееву удалось добиться на свое имя в пользу брата компенсации в виде небольшого землевладения с домом — при этом статус Кареева оказался достаточен, чтобы после смерти историка по ходатайству его дочери это владение осталось в пожизненном пользовании брата покойного и его семьи.

Отметим, что даже для краткого перечисления тем и вопросов, поднятых в рассматриваемом исследовании и опубликованных материалах, потребовалась бы куда более объемная статья, чем эта. Но необходимо сказать, возвращаясь к началу: это еще один очень важный мотив подобных работ — ценность памяти самого исторического сообщества, его рефлексии, двойного движения метода, ведущего к качественному развитию исторического познания. И опубликованная работа — важный шаг в этом движении, яркое событие в отечественной историографии, не только дающая интересные и значимые интерпретации, но и предоставляющая обильный материал для дальнейших исследований.

REFERENCES

Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L.: Izd-vo LGU, 1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

М.В. Батшев

ИСКРЕННИЕ ПИСЬМА ЧЕСТНОГО ЧИНОВНИКА

Рец.: *Казначеев А.И.* Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837 / [из собр. Гос. ист. музея]; [сост. А.К. Афанасьев, подбор ил. Г.Г. Филатова]. М.: Новый хронограф, 2015. 280 с.

Обширная библиография изданий писем, так или иначе связанных с семейством Воронцовых¹, пополнилась новым изданием². Издательство «Новый Хронограф» выпустило адресованные Михаилу Сергеевичу Воронцову письма его подчиненного, крымского губернатора Александра Ивановича Казначеева (1788–1880). Он родился в Рязанской губернии в небогатой дворянской семье. Получил хорошее домашнее образование, окончил Рязанскую гимназию. С 1807 на службе в Санкт-Петербурге. Служил в Комиссии по составле-

нию законов и департаменте государственных имуществ. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии. Служил в русском оккупационном корпусе, расквартированном после окончания войны во Франции. Этим корпусом командовал М.С. Воронцов, с которым А.И. Казначеев сблизился и подружился в годы совместной службы. После возвращения в Россию Казначеев вернулся на гражданскую службу и принял предложение Воронцова стать его помощником в деле обустройства Новороссийского края. Первые годы он служил у Воронцова в качестве правителя канцелярии, в 1827–1829 гг. занимал должность градоначальника Феодосии³. В 1829 г. одновременно с этой должностью стал исполнять обязанности гражданского губернатора Таврической губернии. К этому периоду его служебной деятельности и относятся изданные письма.

¹ В изданном в 1870–1895 гг. П.И. Бартевым в качестве приложения к «Русскому архиву» 40-томном «Архиве князей Воронцовых» нет писем А.И. Казначеева, а также писем М.С. Воронцова к нему.

² Письма Казначеева к Воронцову издаются впервые. Публикация осуществлена на основании писем А.И. Казначеева к Воронцову, составивших одно из дел, отложившихся в родовом архиве Воронцовых ОПИ ГИМ. Ф. 60. Ед. хр. 2514. Л. 1–261. Данное издание представляет собой полистную публикацию документов дела. Все письма написаны на русском языке рукой Казначеева. В них имеются незначительные писарские вставки, а также фрагменты, написанные другими лицами.

³ Отношения Воронцова с Казначеевым были не всегда идеальными, подробности их до сих пор не реконструированы исследователями.

Об их уникальности, искренности и информационной полноте говорит еще и тот факт, что они не пересылались адресату по официальной почте, а доставлялись, как правило, с надежными оказиями в Одессу, где располагалась постоянная резиденция М.С. Воронцова.

Несмотря на свое красивое название — «Партикулярные письма», книга посвящена не частным вопросам. Она рисует картину управления Крымом на протяжении почти целого десятилетия. В письмах содержится масса подробностей и интересных деталей, которые были бы неуместны в официальных донесениях Казначеева управляющему Новороссией М.С. Воронцову.

Ценность писем, как представляется, состоит в их эмоциональной насыщенности. Они дают возможность взглянуть на происходящие в Крыму события глазами очевидца, а не через призму официальных документов. Также данный эпистолярный комплекс позволяет лучше представить характер отношений генерал-губернатора Новороссии с своими подчиненными.

В связи с тем, что первые письма датируются 1828 г., в них большое место уделено событиям русско-турецкой войны, которая оказывает серьезное влияние на жизнь полуострова.

Казначеев пишет о боевых операциях русского флота: «Эскадра адмирала Грейга, вышедши из Севастополя, имела неблагоприятную погоду и штиль, так что в двенадцатый только день приблизилась к Анапе

и именно 2-го Мая. 3 и 4-е число провела в переговорах с Анапским Пашою, убеждая его к сдаче; но 80-летний старик, отвечая, что сдастся тогда, когда ни одной живой души не останется в Анапе. С 7-го по 13-е Адмирал производил бомбардирование крепости и выпущенными до 10/т ядрами и бомбами разрушил большую часть зданий Анапы; в то же время наша эскадра успела захватить турецкие суда с войсками и припасами; 900 пленных с сих судов отвезено в Керчь» (с. 23–24).

Читая в другом письме Казначеева о строительстве артиллерийских батарей в Севастополе, не покидает ощущение, что видишь статью из современной газеты об использовании должностными лицами служебного положения в личных целях: «Ваше сиятельство пишете мне официально о домогательствах артиллерийского негодяя Чишинича и приказываете оказать ему помощь. Всё это сделано. Но я уже доносил вам, что все почти домогательства Чишинича ложные и вымышленные. Стенки батарейные делать надобно в черте и следовательно линия в том не препятствие; а при том эти стенки грабители казны: во-первых они не нужны и бесполезны; с двух выстрелов развалятся; во-вторых, на каждую на каждую из них полагается по 300 р., тогда как их за 80 р. сделать можно. Чишинич продает для сих стенок свой камень, выломанный руками артиллеристов» (с. 35).

Автор писем — защитник принципов свободы торговли, следствием которой, по его мнению, будет возможность для жителей России по-

купать более дешевые товары: «Настоящие и великие наши фабрики хлеб, шерсть, пенька, сало, железо, спирт и прочее, вот вещи коих мы бы продавали гораздо более и лучшими ценами, если б не запрещали выпуск чужих мануфактурных изделий <...> Мы запрещаем иностранные сукна для Кожевникова и Комаровского; несмотря на то, фабрики их идут плохо и разоряются. А между тем, в удобность им, не только вся Россия обложена обязанностью покупать несравненно дороже сукна худшие иностранных, но миллионы жителей лишаются тем удобства выгодно продавать шерсть, от которой была бы польза не пяти или шести лицам, но большей части России. Мы запрещаем ввоз сахара рафинада и тем поддерживаем пять или шесть фабрик, но зато 40 миллионов жителей платят за сахар дороже и не могут продать тех произведений своих, кои были бы раскуплены иностранцами, когда б позволено им было привозить к нам сахар их, и так далее» (с. 75).

Свое скептическое отношение к отечественной промышленности Казначеев объясняет следующим образом: «Я не противник отечественных мануфактур, но и не страстный их любовник. Я полагаю только оные в такой соразмерности, которая бы избавила нас от рабской зависимости чужеземцев. Но делать из России фабрику при недостатке рук, нужных для обработки земли, значит повторно уничтожить то и другое» (с. 76–77).

Александр Иванович Казначеев подчеркивает свою лояльность Михаилу Семеновичу Воронцову:

«Будьте покойны, я никогда не отступлю от вашей воли, зная что все желания ваши клонятся к общему добру и что вы лучше меня видите вещи. Я всегда поставлял и не перестану поставлять себе за особенную славу быть ревностным исполнителем благих ваших намерений» (с. 52–53). «Никогда не противодействовал, напротив, исполнял всё так, как вам было угодно. Таким образом, буду я поступать всегда и надеюсь, что впредь вы не будете иметь причины оставаться мною недовольными» (с. 53).

Являясь человеком, искренне болеющим за судьбу Крыма, он старается отстаивать его нужды в Санкт-Петербурге. Однако его планы не всегда находят понимание в столице. Переживаниями из-за неудач в столице и неправильных, по его мнению, распоряжений министров он делится в Воронцовым: «На счет уменьшения акциза на крымские водки, вышел отказ по милости Министра финансов, который доложил Государю, что уменьшение акциза вредно для откупщиков, которые платят исправно в казну деньги; а ободрение мелких водочных заводов вредно для больших. Государственная логика! Из оной следует, что гораздо полезнее бросать на землю фрукты и выжимки виноградные, нежели делать из них водку» (с. 68).

В письмах Казначеева мы находим отражение самых разных вопросов, связанных с жизнью Крыма. Он подталкивает своего непосредственного начальника к хлопотам в Петербурге о создании новых городов: «Вот ещё новый предлог

поскорее стараться о учреждении в Судаче города и устройении хоть какой-нибудь пристани. Тогда бы вино водою можно было доставлять до городов портовых и самой Алушты, откуда удобно перевозить вино по большой дороге» (с. 47).

Хотелось бы отметить некоторые особенности оригинал-макета издания. В книге применено нестандартное размещение комментариев к письмам. В данном издании они размещены не внизу страницы, и не после текста письма, как делают обычно издатели. Дизайнер

издательства «Новый Хронограф» А. Байдина предложила в этом издании новый вариант размещения комментариев в документальных публикациях — они помещены на той же полосе слева от тестов писем. Такой вариант, по нашему мнению, существенно облегчает использование справочного аппарата документальной публикации.

Несмотря на удачные издательские находки, в книге отсутствуют подписи под некоторыми иллюстрациями, что вызывает затруднение при работе с данным изданием.

А.С. Стыкалин

Рец.: *Negru E., Negru Gh.* «Cursul deosebit» al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1: (1965–1975). Chișinău, 2013. 618 p. [*Herpy E., Herpy G.* «Особый курс» Румынии и раздражение Москвы. Советско-румынский спор и антирумынские пропагандистские кампании в Молдавской ССР (1965–1975). Исследование и документы. Т. 1: (1965–1975). Кишинёв, 2013. 618 с.]

Рецензируемый сборник архивных документов, вышедший в Кишиневе на румынском языке, проливает свет на малоизвестную российским исследователям сторону непростых отношений СССР с юго-западным соседом — социалистической Румынией. В центре внимания его составителей — влияние советско-румынских отношений на идейно-политическую ситуацию в одной из 15 республик Советского Союза. Речь идет о Молдавской ССР. Выбор объекта исследовательского внимания, конечно же, не случаен. Ведь в силу культурно-языковой близости титульной нации этой республики (молдаван) к румынам и связанности их исторических судеб на протяжении столетий в среде молдавской интеллигенции всегда существовал стойкий интерес к процессам, происходившим по другую сторону неширокой реки Прут, вдоль которой на участке в несколько сот километров проходила советско-румынская граница.

В конце 1950-х гг. Румыния воспринималась в Москве как надежный

союзник, по выражению Н.С. Хрущева, «шагающий в ногу» с другими членами социалистического содружества, ситуация в этой стране не вызывала серьезных беспокойств. Об этом можно судить как по дипломатическим донесениям, так и по отчетам многочисленных советских эмиссаров, выезжавших в Румынию с той или иной целью. Показательно, с какого рода жалобой в редакции главной румынской партийной газеты обратились к одному из руководителей Союза писателей СССР Б. Полевому, побывавшему в стране в конце августа 1959 г., в дни, когда отмечалось 15-летие разрыва Румынии с нацистской Германией: «Руководящие работники “Скынтейи” полшутя говорили, — сообщил Б.Н. Полевой, — что в Румынии немало серьезных людей, которые ежедневно прикладывают строчкомеры к страницам советских газет и разочарованно докладывают о том, что вот опять Чехословакия, Польша и Венгрия освещены хорошо, а от Румынии отмахнулись коротенькой заметкой. “Может быть, это происходит от-

того, что ваши товарищи спокойны за нас, знают, что руководство в крепких руках и у нас не могут произойти венгерские события?» — пошутил один ответственный журналист¹. Как бы то ни было, внутренняя стабильность Румынии действительно не подвергалась в Москве сомнению. Жестокие репрессии, предпринятые Г. Георгиу-Дежем и его командой против тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерскому восстанию 1956 г., и преследования на этой волне всех потенциальных оппонентов коммунистической власти были не только призваны запугать недовольных, но и смогли убедить советских лидеров в том, что за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего похожего на то, что произошло в Венгрии. Весной 1958 г. к этому аргументу охотно прибегали с обеих сторон при обсуждении вопроса о выводе из страны советских войск.

Тем более неожиданной была для Н.С. Хрущева обнаруженная им весной 1963 г. вся глубина расхождений с румынским руководством по вопросам экономической интеграции стран соцсодружества. Советский руководитель был уверен, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, а Георгиу-Деж относится к тем восточноевропейским лидерам, которые «нам безгранично

верят» [Президиум ЦК КПСС, 2003: 645]². Конечно, это было иллюзией. По мнению румынской коммунистической элиты, Москва навязала Бухаресту невыгодную роль в выстраиваемой системе международного разделения труда, стремясь превратить богатую природными ресурсами Румынию в своего рода аграрно-сырьевой придаток более развитых социалистических стран. С начала 1960-х гг. на сессиях СЭВ с румынской стороны выражалось недовольство тем местом в системе хозяйственных связей, которое отводилось Румынии в соответствии с советскими планами экономической кооперации. После варшавской сессии СЭВ в мае 1963 г., когда румынская делегация более жестко, нежели это было ранее, выступила против попыток заставить ее играть по правилам Москвы при разработке новых экономических планов, Хрущев собственной персоной неожиданно приехал 24 июня в Бухарест для выяснения отношений. Его довольно грубые высказывания в адрес «неблагодарного» Георгиу-Дежа соратники припомнили ему в октябре 1964 г. Неумение вести нормальный, уважительный диалог с лидерами братских партий было использовано как весомый аргумент против первого секретаря ЦК КПСС при отстранении.

Нет оснований утверждать, что с советской стороны не прилагались усилия в целях преодоления возникших настроений. Показательна краткая запись, сделанная на заседании Президиума ЦК КПСС 23 ию-

¹ Записка Б. Полевого в Иностранную комиссию СП СССР (август 1959 г.). Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 4.

² Из выступления Н.С. Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 г.

ля 1963 г., в канун очередного совещания лидеров соцстран: «румын не дразнить», что явно отражает установку на нераздувание конфликта [Президиум ЦК КПСС, 2003: 734]. Тем не менее противоречия между двумя социалистическими странами продолжали углубляться и их уже было трудно скрыть от западных наблюдателей [Brown, 1963]. Осенью 1963 г. правительство Румынии предпринимает неподконтрольные СССР внешнеполитические шаги, направленные на сближение с США. В частности, 4 октября в Нью-Йорке, в дни работы сессии Генассамблеи ООН, министр иностранных дел РНР К. Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарем США Д. Раском. Румынское правительство, говорил он, не было информировано о планах размещения советских ракет на Кубе. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может вместе с СССР нести ответственность за все последствия этого шага. В случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, Румынию, по мнению ее министра иностранных дел, следует рассматривать как нейтральное государство, не направляя против нее военного удара³. В ходе контактов с США один из союзников СССР, таким образом, прямо дистанцировался от непродуманной советской внешнеполитической акции, подвергнутой позже критике и в руководстве КПСС — при отстранении Хрущева от власти.

Весной 1964 г. особая позиция Румынской рабочей партии по ряду

принципиальных вопросов внешней политики и мирового коммунистического движения нашла программное выражение в апрельской Декларации — речь идет о концептуальном документе, уточнившем внешнеполитические приоритеты Румынии (в нем был сделан акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов). Начиная с весны того же года на встречах румынских функционеров с Мао Цзэдуном в Пекине затрагивается бессарабский вопрос. Высказывания «великого кормчего» о том, что Советский Союз включил в свой состав территории, на которые он имеет меньше исторических прав, чем некоторые соседние страны, совершенно не вызывали возражений лидеров румынской партии, о чем, судя по записям заседаний Президиума ЦК КПСС, были хорошо осведомлены в Москве. 8 июня в ходе встречи с И. Брозом Тито Хрущев, зная о большом авторитете харизматичного югославского лидера среди всех, кто был озабочен поисками национальных путей к социализму, попросил президента СФРЮ повлиять на румын, слишком фрондирующих перед Москвой, и получил согласие, поскольку Тито, заклеянный Пекином как главный ревизионист, совсем не был заинтересован в усилении китайского влияния на соседнюю Румынию⁴.

После отставки Хрущева в октябре 1964 г. и смерти Георгиу-Дежа в марте 1965 г. с советской стороны была предпринята попытка начать всё

³ См. [Garthoff, 1995].

⁴ См. [Sticalin, 2014].

с чистого листа, осуществить перезагрузку в двусторонних отношениях. Однако этого не получилось. Новый лидер Н. Чаушеску с еще большей последовательностью отстаивал особую позицию Румынии по вопросам экономической кооперации в рамках СЭВ. На заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского договора (ОВД) румынские делегации постоянно ставили перед СССР вопрос о реальном приобщении союзников по ОВД к выработке принципиальных планов и принятию важнейших решений, особенно связанных с использованием стратегического оружия. В сентябре 1965 г. в Москве в ходе двусторонних встреч на высшем уровне член Политбюро ЦК Румынской компартии, отвечавший за экономическую политику, бессарабский молдаванин по происхождению А. Бырлэдяну на хорошем русском языке потребовал от Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина рассмотреть вопрос о возвращении социалистической Румынии золотого запаса королевской Румынии, хранившегося в годы Первой мировой войны в Петрограде и удержанного уже советским правительством после того, как Румыния аннексировала Бессарабию в 1918 г. Это вызвало в кремлевских стенах эффект разорвавшейся бомбы и дало советским лидерам основания для обещаний предъявить-таки Румынии новый счет за разрушения и мародерство, чинившиеся армией маршала Антонеску на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны.

Таков был внешний фон событий, нашедших отражение в рецензиру-

емом сборнике. В него включены документы из архивов Молдовы, главным образом из Архива социально-политических организаций Республики Молдова, содержащего фонды республиканской компартии за весь советский период (стеннограммы заседаний и резолюции партийного руководства республики, инструкции для партактива, докладные записки в аппарат ЦК КПСС и т. д.). Все эти документы писались на русском языке, занимавшем доминирующее положение в партийной переписке и делопроизводстве, но публикуются в переводе на румынский.

При прочтении документов можно составить представление о том, как перипетии советско-румынских взаимоотношений в 1960-х – первой половине 1970-х гг. отразились на внутренней (особенно идеологической) политике СССР в соседней с Румынией советской республике – Молдавской ССР, где немалая часть титульного населения в силу определенных историко-культурных причин, как уже отмечалось, с равнодушием наблюдала за всем, что происходило по другую сторону Прута.

Как явствует из документов, именно к 1965 г. в среде молдавской интеллигенции активизируется движение, направленное на расширение сферы применения языка этнического большинства. Знаковым событием явился съезд писателей Советской Молдавии (14–15 октября 1965 г.), привлечший, судя по документам, тем большее внимание в аппарате ЦК КПСС на Старой площади, поскольку состоявшийся

непосредственно перед этим советско-румынские переговоры высветили всю глубину расхождений по целому ряду принципиальных проблем. На съезде был поднят ряд острых вопросов — о целесообразности замены кириллицы на латиницу в языковой практике; о восставлении монастырей, других памятников национальной культуры, и более активном культивировании исторических и духовных традиций Молдавского княжества; о том, что партийные функционеры должны выступать перед народом на его родном языке, а вывески на улицах должны быть не только на русском языке, но и на языке этнического большинства. Немалый общественный резонанс вызвало выступление самого выдающегося писателя молодого поколения, Иона Друцэ, в котором делался акцент на расширении разносторонних связей с Румынией и румынской культурой: «не надо торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией». Выступления писателей на съезде свидетельствовали о том, что в процессе усиленных поисков молдавской интеллигенцией своей национальной идентичности проявилось стремление к выявлению исторической и культурной общности молдаван не только с Румынией, но с латинским миром в целом. При этом гости из союзных республик с пониманием отнеслись к национальным чаяниям хозяев. Особенно это касалось требования о возвращении к латинице. Так, латышский писатель Ю. Ванаг под аплодисменты многих собравшихся выразил недоумение в связи с тем, что молдавский народ пользуется кириллицей, в то время как классики молдав-

ской литературы, включая великих М. Эминеску и И. Крянгэ, использовали латинский алфавит. Этот аргумент был тем более весомым, если учесть, что в интеллигентной молдавской среде в середине 1960-х гг. еще имели достаточно широкое распространение изданные в межвоенный период латинской графикой произведения великих писателей прошлого, считавшихся в Советской Молдавии общими классиками молдавского и румынского народов — об этом хорошо знало партийное руководство Молдавской ССР.

В записке, призванной информировать ЦК КПСС о состоявшемся писательском съезде, первый секретарь республиканской парторганизации И.И. Бодюл затронул довольно острую и, судя по многим документам, действительно назревшую снизу проблему о том, на каком языке должны выступать в низовых парторганизациях партийные работники. Как явствует из документов второй половины 1960-х гг., командированным из Москвы инструкторам, лекторам часто задавали вопрос: почему руководящие работники компартии Молдавии всегда выступают перед народом на русском языке, тогда как лидер более внушительной украинской парторганизации П.Е. Шелест не считает зазорным использовать украинский язык перед соответствующей аудиторией.

Более интересно, однако, другое. Отвечавшие ожиданиям московских партаппаратчиков дежурные фразы в донесениях Бодюла о мерах, предпринимаемых в республике в целях изживания «нездорового»

национализма, обнаруживают, если копнуть поглубже, двойное дно. Республиканское партруководство действительно добивалось от Москвы права на создание в МССР более развитой инфраструктуры культурных институций (театров, печатных изданий и т.д.), в том числе функционирующих на языке преобладающего молдавского населения (разумеется, при сохранении кириллицы). И для того чтобы добиться разрешения и выделения соответствующих средств на это, оно апеллировало к необходимости нейтрализации румынского влияния, создания своего рода противовесов. Этот аргумент, как правило, оказывался более действенным, нежели любые другие.

Надо сказать, что до середины 1960-х гг. в Москве не придавали проблеме румынско-молдавской общности серьезного идеологического значения. Как явствует из недавно вышедшей, основанной на глубокой проработке источников книги видного молдавского историка румынофильского направления Г.Е. Кожокару «"Оттепель" Н. Хрущева и проблема Бессарабии», к концу 1950-х гг. были налажены довольно тесные культурные связи Румынии с Молдавской ССР [Sojocaru, 2014] и об угрозе румынизации никто не заговаривал. В книге в то время еще молодого, а впоследствии очень крупного историка В.Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств» (М., 1961) процесс объединения в конце 1850-х гг. Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии), поддержанный и Россией, был показан как естественный процесс создания национального госу-

дарства в результате объединения ряда малых государственных образований и формирования на этой основе единой нации (как это было в те же десятилетия в Германии и Италии). Никакого противопоставления молдаван румынам, валахам, утвердившегося в более поздней литературе, у Виноградова в 1961 г. не было. Но ситуация в одночасье изменилась в 1964 г., когда в Москве вдруг «неожиданно» обнаружили сохранение у румынской партэлиты (а не только у старой интеллигенции) ностальгии по Бессарабии, входившей в состав Молдавского княжества до 1812 г. и принадлежавшей Румынии в 1918–1940 гг.

С этих пор проблема преодоления разногласий в отношениях с Румынией на основе советской позиции была тесно связана с защитой права СССР — ни много ни мало — на существующие границы, т.е. была проблемой защиты от идеологических посягательств территориальной целостности СССР. Ведь проявления ностальгии по Бессарабии как одной из исконных румынских земель, на которую Румыния имеет свои исторические права, всё чаще проникали и в печать, контролируруемую компартией, причем в союзники брался сам Карл Маркс, его высказывания с критикой имперской политики России в отношении Дунайских княжеств активно тиражировались в партийной прессе. И дела несколько не меняли дежурные заверения румынских функционеров и дипломатов на встречах с советскими коллегами — что, дескать, ни о каком пересмотре границ речи нет, речь идет лишь об установлении исторической истины. Надо

заметить, что такого рода проблем официальная Москва в эпохи Брежнев, Андропова и Горбачева не имела больше ни с одним государством, кроме Китая и Японии, а в Европе — ни с одним из соседних государств. Понятно, что выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества относилось к числу как сложнейших, так и весьма приоритетных задач советской внешней политики. И неудивительно, что Молдавская ССР выходит в этих условиях на передний край идеологической борьбы, причем ведомой, что уж совсем парадоксально, не просто с социалистической страной (как Китай), но с союзником по ОВД.

Помимо «румынской угрозы» идентичности бессарабских молдаван источником головной боли работников идеологического фронта республики становится еврейский вопрос, учитывая немалый вес высокообразованной еврейской интеллигенции в высших школах, научных и культурных учреждениях Кишинева. Особая позиция Румынии в ходе арабо-израильской Шестидневной войны 1967 г., фактически единственной из всех социалистических стран, не желавшей разрывать отношений с Израилем, вызвала довольно позитивный отклик среди немалой части советских евреев (в том числе в МССР), что создало условия для возникновения определенных прорумынских настроений даже там, где в свете опыта Второй мировой войны (массовых расправ режима Антонеску над бессарабскими евреями) их никто не ожидал. Из недавних мемуаров ветерана молдавской

исторической науки И.Э. Левита узнаем о мерах, предпринимавшихся властями в целях нейтрализации интеллектуалов, склонных к произрательским симпатиям [Левит, 2014: 163]. А из документов, включенных в рецензируемый сборник, получаем представление о конкретных шагах, предпринимавшихся с ведома и по настоянию Москвы в МССР в области не только пропаганды, но и исторической науки, призванной отстаивать приоритеты СССР в не прекращавшемся, пусть иногда затихавшем и принимавшем подспудные формы споре с Румынией за большее историческое право на обладание Бессарабией.

К середине 1960-х гг. в Советской Молдавии существовала довольно большая подписка на румынские печатные издания, как специальные, так и массовые. И.И. Бодюл в своих письмах в центр (многие из них публикуются в сборнике), прося разрешения на формирование в Кишиневе более разветвленной системы периодических изданий на языке мажоритарного населения, аргументировал свою просьбу тем, что только создание в Советской Молдавии широкой сети своих собственных, в том числе молодежных, развлекательных изданий, снизит интерес населения к румынской прессе. Между тем после ввода войск стран — участниц ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 г., не только бойкотированного, но открыто осужденного руководством Румынии, именно в деле доставки молдавским подписчикам румынских изданий произошел ошутимый «прокол». Румынские газеты, содержавшие острую критику советского руковод-

ства (в том числе в речи Чаушеску на многотысячном митинге в центре Бухареста с призывом создавать отряды самообороны на случай советского военного вторжения), продолжали исправно поступать к молдавским подписчикам на протяжении 3 недель, вплоть до серьезного разбирательства в республиканском ЦК, инициированного, насколько можно судить из опубликованных документов, лишь после сигнала, поступившего из Москвы. И таким образом, немалая часть молдавской интеллигенции в своем стремлении преодолеть дефицит и односторонность информации о крупномасштабном международном кризисе черпала сведения из румынской прессы. Даже некоторые партийные политинформаторы, как следует из документов, использовали, выступая перед широкой публикой, версии румынских газет, не менее тенденциозные, но дополнявшие картину событий новыми деталями. О том, находилась ли определенная часть молдавского общества под влиянием румынской официальной версии чехословацких событий, можно судить не столько по представленным в сборнике документам, сколько по исследованиям истории диссидентского движения в Советской Молдавии⁵.

Хотя по мере стабилизации двусторонних отношений и прекращения открытой критики СССР в румынской прессе проблема утратила прежнюю свою остроту, тем не менее в начале 1970-х гг. был принят ряд продуманных, системных мер по ограничению доступа молдавско-

го читателя к литературе на румынском языке. К середине 1970-х гг. книги на румынском языке перестали поступать в магазины Кишинева, правда, через сеть магазинов «Дружба» они попадали на прилавки на сопредельных с Молдавской ССР территориях. Историк А.К. Мошану, первый председатель парламента независимой Молдовы, рассказывал автору этих строк, что специально ездил за этими книгами в Одессу или Черновцы. В сборнике приводятся, кстати, и документы, в которых нашло отражение разбирательство, связанное с публикацией в августе 1969 г. к 25-летию разрыва Румынии с нацистской Германией, в молдавской республиканской прессе статьи Мошану, признанной слишком румынофильской. В отличие от Мошану, который на рубеже 1980-х – 1990-х гг. как политик подчас отдавал дань румынскому национализму, И.П. Друцэ никогда не был сторонником унионистских, панрумынистских идей, однако в ходе идеологических кампаний, направленных на ограничение румынского влияния, писатель неизменно становился объектом критики. Так, в 1970 г. именно партруководство МССР заблокировало выдвижение на Государственную премию СССР романа Друцэ «Бремя нашей доброты» на том основании, что «в нем дается извращенная картина осуществления социалистических преобразований в молдавском селе», коллективизация показана как нечто чуждое интересам молдавских крестьян, «искажается послевоенная внутренняя политика Советского государства, утверждается, что между партийными, советскими, хозяйственными кадрами

⁵ См. [Cașu, 2012].

и основной массой крестьянства существует глубокое отчуждение, а классовые противоречия подменяются псевдогуманистической идеей единства людей независимо от их социальной принадлежности»⁶.

С особым интересом в рецензируемом сборнике читается докладная записка И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. В условиях военного вторжения стран — участниц ОВД в Чехословакии и явно фрондерского поведения в этой связи команды Чаушеску, в Кремле и на Старой площади были, конечно, немало озабочены настроениями в Советской Молдавии, особенно среди румынофильской части интеллигенции. В записке Бодюла (заслуживающей публикации и на языке оригинала, т.е. на русском, как интересный источник, дополняющий новыми штрихами общую картину чехословацкого кризиса⁷) содержится ценная информация не только о настроениях по обе стороны Прута, но и о военных приготовлениях на правом берегу, где в условиях охватившей румынское общество паники готовились давать отпор восточному соседу в случае, если в отношении диссидентствующей Румынии будет применена вооруженная сила, как против Чехословакии. В контексте обострившейся идеологической войны с «братской» страной, союзницей по ОВД, интересно предложение Бодюла в Москву шире использовать радио и телевидение Молдавской ССР для пропаганды

«на молдавском языке, доступном для румын» (не лишенный остроумия пропагандистский эвфемизм республиканских партаппаратчиков) официальных заявлений Советского правительства, ТАСС и установочных статей «Правды». Молдавские республиканские СМИ действительно были активно приобщены к пропагандистской работе на Румынию, где, надо сказать, радиопередачи из Советской Молдавии воспринимались как немало важный источник получения информации о реальных планах СССР (это подтверждается высказываниями туристов из Румынии, заставших события 21 августа 1968 г. в Кишиневе). Можно предполагать, что ознакомление румынской аудитории с официальными заявлениями СССР, в которых не содержалось угроз в отношении Румынии, в некоторой мере способствовало прояснению позиций и снижению паники в румынском обществе. Впрочем, к середине сентября острая фаза идеологической войны СССР с Румынией вообще миновала, с обеих сторон были сделаны встречные шаги в отношении друг друга.

Ко всему вышесказанному можно добавить, что круг проблем, нашедших отражение в рецензируемом сборнике, по сей день не утратил политической актуальности, поскольку Республика Молдова продолжает оставаться полем подчас довольно острого противоборства между Россией и Румынией за влияние как в политическом, так и в культурном плане.

Публикацию документов предвзывает написанная со знанием дела,

⁶ Документ опубликован на русском языке: [Аппарат ЦК КПСС, 2009: 802–804].

⁷ См. подробнее наш анализ в статье: [Стыкалин, 2012].

с учетом новейшей румынской историографии большая вступительная статья составителей сборника, Елены и Георге Негру, вводящая владеющего румынским языком читателя в курс затрагиваемых проблем.

Можно выразить сожаление, что публикуемые документы не сопровождаются в достаточной мере подробными комментариями, погружающими читателя в более широкий исторический контекст эпохи, и это несколько снижает научную ценность в целом очень интересного сборника.

REFERENCES

Apparat CK KPSS i kul'tura. 1965–1972. Dokumenty (Serija: Kul'tura i vlast' ot Stalina do Gorbacheva) / Otv. red. N.G. Tomilina. M., 2009. S. 802–804.

Brown J.F. Rumania Steps Out of Line // Survey. A journal of Soviet and East European Studies. 1963. N 49. October. P. 19–34.

Cașu I. Political repressions in Moldavian SSR after 1956: towards a typology based on KGB files // Dystopia. Journal of Totalitarian Ideologies and Regimes. Vol. 1. N 1–2. Chișinău, 2012.

Cojocaru Gh.E. «Dezghetuțul» lui N. Hrușciov și problema Basarabiei. Târgoviște, 2014.

Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Iss. 5. Spring, 1995. P. 111.

Levit I. Je. Vospominanija o moldavskoj Akademii nauk i ee pervom prezidente Ja. S. Grosule. Tiraspol', 2014. Prezidium CK KPSS. 1954–1964. M., 2003. T. 1.

Sticalin A. Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România (Leningrad, iunie 1964) // Arhivele Totalitarismului. București. 2014. № 1–2. P. 165–194.

Stykalin A.S. Mezhdunarodnyj krizis 1968 g. v svyazi s sobytijami v Chechoslovakii i situacija na sovetsko-rumynskoj granice posle 21 avgusta (po donesenijam partijnogo rukovodstva Sovetskoj Moldavii v CK KPSS) // Slavjanskij mir v tret'em tysjacheletii. Obraz Rossii v slavjanskix stranah / Otv. red. E.S. Uzeneva. M., 2012. S. 202–212.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева) / Оtv. ред. Н.Г. Томилина. М., 2009. С. 802–804.

Левит И.Э. Воспоминания о молдавской Академии наук и ее первом президенте Я.С. Гросуле. Тирасполь, 2014.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1.

Стыкалин А.С. Международный кризис 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии и ситуация на советско-румынской границе после 21 августа (по донесениям партийного руководства Советской Молдавии в ЦК КПСС) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах / Оtv. ред. Е.С. Узенева. М., 2012. С. 202–212.

Brown J.F. Rumania Steps Out of Line // Survey. A journal of Soviet and East European Studies. 1963. N 49. October. P. 19–34.

Cașu I. Political repressions in Moldavian SSR after 1956: towards a typology based on KGB files // Dystopia. Journal of Totalitarian Ideologies and Regimes. Vol. 1. N 1–2. Chișinău, 2012.

Cojocaru Gh.E. «Dezghetuțul» lui N. Hrușciov și problema Basarabiei. Târgoviște, 2014.

Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Iss. 5. Spring, 1995. P. 111.

Sticalin A. Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România (Leningrad, iunie 1964) // Arhivele Totalitarismului. București. 2014. № 1–2. P. 165–194.

О.Л. Лейбович

«ПРИВЛЕКАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ...». Об исторических записках Льва Хургеса

Рец.: *Хургес Л.* Москва–Испания–Колыма. Из жизни радиста и ээка / Подг., сост.: П. Полян, Н. Поболь. Комм.: П. Полян, Н. Поболь, А. Тепляков. М.: Время (Диалог), 2012. 824 с.

Признаюсь сразу, я раскрыл книгу Льва Хургеса без большого интереса. Может быть, вообще прошел бы мимо. Остановили имена комментаторов: П. Полян, Н. Поболь, А. Тепляков. Серьезные исследователи, умеющие занимательно рассказывать об исторических и историко-литературных сюжетах. Если уж они что-то нашли в старых записках, составленных и надиктованных в далекие 70–80-е гг., то почему бы и мне их не прочитать или хотя бы не пробежать глазами по страницам. А уж затем не спеша познакомиться с примечаниями.

Что ожидал увидеть? Привычный «нарратив жертвы», в европейской традиции восходящий к истории жизни Абеяра, кем-то из издателей удачно названный «историей моих бедствий». За несколько десятилетий сложился канон лагерной прозы: завязка – счастливая, наполненная событиями, яркими переживаниями, большой работой жизнь на воле; арест и следствие, приговор, лагерь, доводящие конфликт между героем и злыми людьми до кульминации, наконец, развязка – возвращение в новую

нелагерную жизнь. Авторы, как правило, очень немолодые люди, взявшиеся за перо или с воспитательными целями (предостеречь, напомнить), или с реабилитационными – с желанием заново переиграть свою жизнь, превратить хотя бы на бумаге свои поражения в победы. И хотя в основании любого канона обнаруживаешь сочинение, незаурядное по своим литературным достоинствам – я имею в виду «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург – однако, повторение одних и тех же приемов, развертывание во времени известной фабулы, раз и навсегда по единому правилу установленные свет и тени, – всё это вместе взятое делает чтение занятием нестерпимо скучным, тем более если авторское «я» растворяется в образе положительного героя эпохи социалистического реализма.

Тем более степень достоверности исторических реминисценций реалей в лагерных записках невелика в силу природы человеческой памяти и вполне понятного стремления расцветить свое жизнеописание яркими эпизодами, вставными новеллами об известных людях и пр.

Однако, открыв книгу далеко не на первой странице, прочел несколько строк, наткнулся на рассказ о несчастном юноше, повесившемся за кулисами сцены «из-за невыносимых домашних условий». В его семье все «были очень талантливыми музыкантами и настолько же заядлыми алкоголиками: все — кроме Толика, который один в семье не обладал никакими музыкальными талантами, но и в рот не брал ни капли спиртного. На Толика смотрели как на паршивую овцу, в семье его третировали, а частенько, под пьяную руку, и поколачивали. Часто его выгоняли из дома и ему приходилось ночевать за кулисами сцены театра, где однажды в припадке отчаяния он и повесился, оставив записку, непонятную для людей, не знавших истинных условий его жизни» (с. 78).

Дальше я стал читать всё подряд, удивляясь и зоркости рассказчика, и его умению обиходными словами набросать колорит, образ давно ушедших событий, несколькими фразами обозначить сюжетную линию, представить характер героя и передать читателю собственное настроение.

В стиле автора, на первый взгляд совершенно незатейливым, угадывались симпатичные индивидуальные свойства: чувствительность, уравновешиваемая иронией; интерес к людям, редкое умение обнаружить смешные черты в драматических ситуациях.

И жанр оказался иным: чем дольше я читал записки Льва Хургеса, тем больше они напоминали мне классический роман большой дороги, вос-

ходящий к традициям британской литературы Века Просвещения.

Главный герой — Лев Хургес, потомственный москвич с еврейскими корнями, принадлежал к первому советскому поколению: год рождения 1910. Вместе со своими сверстниками он отправляется в увлекательнейшее путешествие в новый мир — мир переполненных коммуналок и студенческих аудиторий; новых машин и осколков старого быта, но, самое главное, в мир людей с неустоявшимся социальным положением, амбивалентными ценностями, плохо различающих границы добра и зла.

Чтобы не заблудиться, герой пользуется маяком — радиосигналом. Причем буквально. Лев Хургес — радиооператор, коротковолновик — и по призванию, и по профессии. Он прокладывает маршруты аэропланам и пароходу, связывает между собой фронты в далекой воюющей Испании и уральские лагеря для заключенных с главным управлением ОГПУ в Москве. Когда сигнал пропадает, жизненный порядок рушится. Самолет, везущий гранки «Правды» из Москвы в Ленинград, может пропасть в соседней стране; пароход, потерявший связь у берегов Испании, обречен на гибель...

Радио — тогдашнее чудо техники, покоренное героем, было равнодушно к добру и злу. Движение по радиосигналу не предполагало рефлексии на тему выбора. Лев Хургес — человек советский, он не задумывается о том, насколько нравственно участвовать в делах ГПУ, передавая по линии приказы и ежедневные

сводки по делам Вишерлага. Тем более что «связь с этим ведомством иногда давала и некоторые материальные выгоды: дефицитные учебники и письменные принадлежностями свободно продавались в кооперативе ОГПУ (на бывшей Лубянке). Однажды за хорошую работу мне дали “боны” ОГПУ, на которые я впервые в жизни купил себе костюм. Правда, он был номера на два великоват, но в те времена это не играло существенной роли, потому что во всех магазинах (даже в кооперативе ОГПУ) господствовал принцип: *лопай что дают*» (с. 56).

То, что казалось надежным проводником по параллелям и меридианам, давало сбой в ином маршруте — обретеннии самого себя. Тут радио не было помощником, скорее ложным маяком, заставляющим путешественника сбиваться с пути, кружить, двигаться в трясину, в общем, удлиняющим путешествие на годы и годы.

Этому путешествию длиной в 20 лет посвящена книга. Сюжеты, связанные с арестом, следствием, тюремным сидением, лагерными переживаниями являются органическим продолжением прежних приключений. Не меняется ни тональность повествования, ни его эмоциональная составляющая. Автор совершенно искренне считает себя счастливым: случайно избежал смерти вместе с экипажем самолета «Максим Горький»: амурная история помогла; заблудившись на почтовом аэроплане в пути из Москвы в Ленинград, все-таки приземлился вблизи советской деревни, а не во враждебной Финляндии: не стал невольным не-возвращенцем, не погубил семью;

не утонул вместе с пароходом, набитым взрывчаткой, от случайного снаряда у берегов воюющей Испании, не умер на Колыме от пеллагры.

И встречались Льву Хургесу по преимуществу хорошие люди. Во всяком случае, он их такими умеет видеть:

«Я не наблюдал ни одного случая подхалимажа или попытки как-то обратить на себя внимание, очернив товарища. Работа в авиации была настолько опасной и рискованной, что тут не уживались люди, ищущие наживы или быстрой карьеры за счет других. В то время в авиации работали преимущественно бесребреники, которых мало интересовала материальная сторона: для них просто не было жизни без полетов, без аэропланов. Такие заслуженные летчики, как орденосцы Михеев, Чулков, Нусберг, Калан, Поляков, Лялин и многие другие, конечно, могли бы найти себе менее опасную и более высокооплачиваемую работу, чем полеты на технически несовершенных самолетах с ежедневным риском разбиться. Но никто из них даже не мог себе представить жизни вне авиации. И даже вид части киевского кладбища (около аэродрома “Соломенка”), густо уставленной пропеллерами в честь похороненных там разбившихся пилотов, не мог отбить ни у кого из них желание летать» (с. 100).

Так он пишет о летчиках, с кем доводилось летать.

А вот о тюремном администраторе:

«Начальник Бутырской тюрьмы — капитан госбезопасности Попов

(он носил в петлицах три «шпалы», что в те времена соответствовало званию армейского полковника), высокий, худощавый, с длинными черными усами, внешне напоминающий Дон-Кихота Ламанчского, видимо, был неплохим хозяином. Говорили, что он имел договор с московской бойней и получал оттуда мясные отходы, а так как в те времена никто из руководителей, в том числе и московских боен, не был застрахован от попадания в Бутырки, то Попов всегда получал лучшее из того, что ему можно было дать» (с. 401).

Вот еще описание:

«Заместителем Короткова был Артур Карлович Спрогис, но именно он был фактическим начальником перевозки (он же должен был в случае крайней необходимости взорвать пароход).

С Артуром мне впоследствии приходилось часто встречаться в Испании, где мы с ним всё время находились на одном участке Южного фронта. Это был невозмутимо спокойный, отчаянной храбрости человек. Работал он преимущественно за линией фронта, в тылу у фашистов, и любая из его героических операций по своей смелости и опасности была столь невероятна, что вызывала недоверие слушателей... Умер он 2 октября 1980 года в Москве после продолжительной болезни, 76 лет от роду и в звании полковника. До самой смерти он сохранил ясную память и твердость самообладания. Я навестил его в больнице за три недели до смерти, и он, хотя и был в тяжелом состоянии, всё

время шутил и твердо верил в выздоровление» (с. 143).

По дороге герой переживает разные приключения: опасные и не очень, но всегда драматические, а по прошествии времени — просто занимательные. Чаще всего автор вспоминает эпизоды испанской гражданской войны. Вспоминает с легкой иронией: какие мы тогда были романтические и бесстрашные.

Однако подлинной жутью веет совсем от иных ситуаций. Декабрь 1934 г., самолет, везущий почту в Ленинград, садится, точнее, падает подле колхозной деревни:

«Оказалось, что сели мы в деревне Дуняково, Заховского сельсовета, Киришского района Ленинградской области. Спасибо ветру, не дотянули мы до финской границы километров восемьдесят. Теперь самое главное — матрицы “Правды” и других центральных газет, а ведь их задержка уже политическое дело. Их надо доставить как можно скорее в Ленинград, иначе он останется сегодня без прессы. Председатель колхоза, коммунист, быстро понял всё, без лишних разговоров запряг лошадь и повез матрицы на ближайшую железнодорожную станцию Андреево, откуда их с первым же поездом должны были переправить в Ленинград. <...> Мы отправились в хату председателя колхоза, который нам ее любезно предоставил для проживания до приезда комиссии. В честь нашего прибытия он устроил парадный обед: на столе стояла большая деревянная чашка с так называемыми щами. Они представляли собой мут-

новатую воду с редкими вкраплениями капустных листочков, кусочков картофеля и с еще более редкими кружками какого-то жира на поверхности. Что касается хлеба, то такого “хлеба” я не видел, пожалуй, со времен Гражданской войны, когда в Москве выдавали по осьмушке на человека на три дня. Дегтярно-черного цвета, состоящий более чем наполовину из соломы, лебеды и прочих “ингредиентов”, этот хлеб при желании можно было выжать как половую тряпку. В обычное время меню председателя колхоза этим и ограничивалось, но в честь прилета московских гостей было приготовлено и второе – горшок гороховой каши. Когда дошла очередь до этой каши, то половину поделили между Алексеем и мной, а остальное отдали детям. (В семье председателя колхоза было четверо ребятишек от четырех до одиннадцати лет. В школу они зимой не ходили, так как не было ни зимней одежды, ни обуви)» (с. 96).

Поделился с детьми, ужаснулся тому, как люди живут – и отбыл в Ленинград – в большой благоустроенный мир – к новым приключениям.

Трагедией для героя является вынужденное бездействие: пребывание с 1938 г. после Испании в Полтавской тюрьме по стандартному обвинению в принадлежности к троцкистам, где нет ни впечатлений, ни событий, где останавливается время. Тупик, из которого нет выхода. Здесь прерывается, по счастью ненадолго, хронотоп дороги.

«И опять потекла однообразная тюремная жизнь. Сидя в общей камере,

я почти с нетерпением ожидал потепления, чтобы снова попроситься в карцер. Но, к сожалению (а может, и к счастью, потому что эти мои трансы были явлением ненормальным и при частом повторении могли привести к серьезному психическому расстройству), украинская зима взяла свое. Установились морозы и уже не отпускали до самого апреля, так что идти добровольно в карцер не имело смысла: кроме возможного воспаления легких, ничего там не высидишь, – так что пришлось и мне вставать при появлении начальства. И опять потекли нудные и однообразные тюремные дни. Все уже друг с другом обо всем переговорили» (с. 476).

Из встретившихся людей, пожалуй, единственным, о ком не нашлось доброго слова, был следователь, оформивший дело. О нем Лев Хургес вспоминает с гадливостью. Он может понять своего испанского шефа: был с ним под обстрелом, чудом вместе ускользнули от неприятелей, но затем дороги разошлись. Кадровый энкаведешник сдал своим товарищам по ведомству товарища по оружию. Оказался настоящим профессионалом. Но в памяти бывшего лагерника Киселев (так звали шефа) все-таки в первую очередь оставался храбрым командиром, а уже затем доносчиком, может быть, и поневоле.

Следователь же просто омерзитель: у него «лицо, изрытое оспой», озверев, он «изо рта брызгал слюной», он неумен, жесток и жалок. В конце концов, автор воспоминаний его казнит: «Как мне потом рассказывал один зэк – бывший

начальник Особого отдела Ленинградского военного округа и бывший комдив Никонович – Касаткин был арестован. Лично Никонович вел его дело и довел до расстрела» (с. 395).

В романе большой дороги есть обязательный персонаж – спутник героя, его тень, симпатичный проstack, обладающий житейским здравым смыслом – что-то вроде Санчо Пансы.

В этой роли выступает, осмелюсь предположить, юный Лев Хургес, в меру циничный, знающий толк в вещах, одновременно, бесконечно наивный: ради красивой шинели (очень нравится девушкам) готовый поступить в кавалерийскую школу и тут же отказывающийся от этого желания: узнал, что надо лошадей скребком долго чистить.

С временной дистанции чуть с ироничной улыбкой его разглядывает постаревший автор воспоминаний: над чем-то посмеивается, что-то старается вытеснить из сознания, чем-то в нем гордится – особенно записью в деле: «Начальница, довольно милостивая женщина средних лет в форме лейтенанта НКВД, уже ждала меня. Мое дело лежало перед ней на столе. С большим интересом и участием она смотрела на меня, а я, обнаглев, попросил ее дать мне ознакомиться с делом. Она ответила, что этого разрешить не может, но, немного помедлив, добавила, что кое-что интересное из него она мне всё же покажет, потому что доверяет моей порядочности и верит, что я ее не подведу. После чего показала мне надпись, сделанную каким-

то большим начальством на первом листе моего дела. А надпись гласила следующее: “К секретно-осведомительской работе в местах отбывания заключения привлекать не рекомендуется”. Прочтя это, она заметила, что за почти восемь лет работы в системе лагерей НКВД ни в одном деле она такой надписи не встречала» (с. 758).

Мне такие надписи несколько раз попадались, но не на первой странице дела, а в особом конверте, на специальном бланке в соответствующей графе. Естественно, что в дела с расстрельным приговором такие конверты не вкладывались, да и вообще в 1937 г. их можно обнаружить очень редко: дела оформлялись быстро, наспех, так что не все канцелярские правила соблюдались. Если же такая запись и встречалась, то только в делах людей, особенно разозливших следователя упорным сопротивлением.

Иногда забываешь, что это сочинение, и автор далеко не всегда точен в описании событий, что-то забывает, что-то придумывает – всё как полагается литератору, но делает это очень убедительно. Один из самых ярких эпизодов заслуживает того, чтобы его привести полностью. Дело происходит в Испании:

«Приехали в Аква-Дульсию. Генерал нас очень любезно встретил и пригласил в свой кабинет. Надо сказать, что, несмотря на свою фамилию – Голец, он мало напоминал испанца: высокого роста, могучего телосложения, с рыжеватыми волосами и белесыми бровями, он больше смахивал на скандинава

или немца. Когда сели беседовать, оказалось, что “испанский” генерал Гомец по-испански объясняется еще хуже, чем я. Если с испанцами у меня разговор еще кое-как получался, то здесь я потерпел полное фиаско: какое слово я знаю — он не знает, и наоборот. Из разговора явно ничего не получается. Попробовали французский — тут я явно швах. Спрашиваю: “ШПрехен зи дойч?” (“Говорите ли вы по-немецки?”). Генерал сразу же оживает: “О я! Дас ист майн муттершпрах!” (“О да! Это мой родной язык!”).

Ну, думаю, уж на муттершпрахе я уж как-нибудь сумею объясниться, ведь еврейский жаргон, который я более-менее прилично знаю, — это почти немецкий. Но если по-русски я говорю совершенно без всякого акцента, то когда перехожу на немецкий, у меня появляется сильнейший еврейский акцент. После первых моих фраз “на немецком” генерал меня перебил: “Зайен зи юде?” (“Вы еврей?”). Получив утвердительный ответ, он сразу же перешел на идиш. Оказалось, что генерал не испанец и не немец, а голландский еврей.

После выяснения этого обстоятельства мы с ним довольно бойко заговорили на идиш, который и в Голландии оказался весьма похожим на еврейский жаргон в России. По окончании беседы, выходя из кабинета, Киселев спросил у меня, на каком это языке мы говорили с генералом. В том, что это был не испанский, он разобрался, а узнав, что это был еврейский, то ли удивленно, то ли восхищенно заме-

тил: “Ну уж эти жида, куда только не пролезут, даже в испанские генералы!”» (с. 321–322).

Есть и примечание: «Генерал Гомес (настоящее имя В. Цайссер) был одним из руководителей базы интербригад в Альбасете» — вот и всё о человеке, с которым автор воспоминаний как-то попытался поговорить в Испании, мучительно подыскивая какой-нибудь известный обоим язык. Так читатель и не узнает, что речь идет о бывшем лейтенанте кайзеровской армии, ставшим командующим «Красной армии Рура» в 1920 г., кадровом советском разведчике, первом командире XIII интербригады, после войны на короткое время занявшим пост министра госбезопасности ГДР. И комментатор почему-то не поправил Льва Хургеса, приписавшего этому сыну жандармского вахмистра из Роттхаузена — городка вблизи Эссена — голландско-еврейское происхождение и незнание русского языка.

Что это — абберация памяти? Или простодушное описание спектакля, который почему-то решил разыграть перед советскими товарищами командир интербригады? Теперь уже не узнать.

Да, впрочем, и не нужно.

Льву Хургесу было что вспомнить и чем гордиться.

В его записках с удивлением обнаруживаешь двойной автопортрет: в обоих случаях «с лица необщим выражением».

А.В. Смолин

Рец.: Романова Н.М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского комиссариата по делам национальностей). СПб.: Петроцентр, 2013. 432 с.

Проблемы гармонизации национальных отношений стоят практически перед всеми государствами мира. В этом ряду не является исключением и Россия. Любое многонациональное образование требует минимизации национальных различий для своего успешного развития. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. внесли значительный вклад в решение национального вопроса, ликвидировав правовое неравенство. К тому же, последняя провозгласила право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Решение национального вопроса на основе равенства и взаимного уважения было делом новым не только для государства, но и для обычных граждан, которым следовало еще преодолеть бытовой национализм. Протаптывать новые дороги или даже тропинки — дело крайне сложное и ошибки и различные перегибы просто неизбежны. Поэтому изучать опыт прошлых поколений дело важное и нужное не только в научном, но и в прикладном плане, чтобы по возможности не допускать промахов, уже допущенных предшественниками.

Обращение Н.М. Романовой к опыту национального строительства в Петрограде в 1917–1923 гг. нужно только приветствовать. Тем более, что она первой стала исследовать

эту проблему. Следует отметить, что работы, связанные с деятельностью Народного комиссариата национальностей, существуют, а вот решению национального вопроса в различных регионах страны историки уделяли мало внимания. И данная работа расширяет наши знания по этому вопросу. Исследование Н.М. Романовой находится в русле изучения деятельности государственных учреждений, занимавшихся изучением национального вопроса. И если в целом о работе Народного комиссариата по делам национальностей нам более или менее известно, то о работе его отделений на местах мы практически ничего не знаем. Не является исключением и тема, связанная с функционированием и Петроградского комиссариата по делам национальностей. Поэтому обращение Н.М. Романовой к данной теме вполне обосновано, поскольку расширяет наши представления о решении национального вопроса, в первые годы советской власти и позволяет изучить как положительный, так и отрицательный опыт национального строительства. Автор не является новичком в изучении данной темы, о чём свидетельствуют статьи, опубликованные Н.М. Романовой по этой проблеме.

Качество любой исторической работы определяет её источниковая

база. Для выполнения задуманного исследования автор привлекла весь представительный корпус источников, в который вошли материалы ЦГА ИПД, ЦГА СПб, ГА РФ, сборники документов, периодические издания различных видов, произведения В.И. Ленина. Собранные источники тщательно выверены, что позволяет пользоваться работой как хорошим справочником. Вместе с тем большой охват материала повлек за собой описательность в изложении в ущерб анализу. Не остались обойдены автором и труды предшественников, посвященные в основном социально-этническому и национальному вопросам. На мой взгляд, следовало усилить исторический фон происходящих событий, привлекая в разумных пределах литературу, освещающую быт и жизнь города в годы Гражданской войны, голод, эпидемии, безработицу, наступление Юденича в 1919 г., Кронштадтский мятеж и т.д. Одно то, что большевики, несмотря на все трудности, когда на кону стоял вопрос о выживаемости их власти, занимались ещё и национальным вопросом, говорит о том значении, которое они придавали строительству новых взаимоотношений между различными национальностями, населявшими Петроград. Отсутствие такого материала обедняет панораму событий, происходивших в Петрограде в описываемое время.

Исследование Н.М. Романовой начинается с описания образования и деятельности Наркомнаца РСФСР и далее автор переходит к рассмотрению деятельности Петроградского комиссариата. Мне представляется, что эти две главы можно было бы

вполне объединить в одну и сосредоточиться на взаимоотношениях центрального и местного органов власти, тем более что по Наркомнацу РСФСР есть специальное исследование, на которое и ссылается автор. Очень тщательно и подробно рассмотрена структура и кадровый состав комиссариата. В этом плане очень уместно приложение, в котором даны биографические данные на руководителей комиссариата и его отделов. Следует отметить, что в книге не хватает именного указателя и указателя национальностей. Их наличие еще более повысило бы ценность исследования. Романова показала, что структура комиссариата складывалась во многом стихийно, непродуманно, а в его работу, часто вмешивались как местные партийные органы, так и национальные партийные организации, что отражало, по ее мнению, особенности становления советской государственной системы. Не прошла Романова и мимо такой проблемы, как бюрократизация аппарата Комиссариата по делам национальностей и подбора служащих. Автор опровергла миф об особом обеспечении сотрудников учреждения, приведя суммы, выплачиваемые им в качестве заработной платы, а также состав пайка. Было бы неплохо, если бы исследовательница показала реальную покупательную способность рубля, тем более что на протяжении изучаемого времени происходило его падение. Неплохо показана и повседневная жизнь сотрудников комиссариата.

Большое внимание автор уделила деятельности отделов комиссариата. Н.М. Романова приводит чис-

ленность различных национальных групп населения, но не указывает, на какое время она давалась. Поскольку известно, что определенное количество красных финнов бежало из Финляндии после победы белых в Гражданской войне, аналогичные процессы происходили и в Прибалтийских республиках, что увеличивало число лиц, спасавшихся от политических преследований в Петрограде. В связи с этим одним из важных вопросов в деятельности комиссариата стала проблема беженцев. Появившись еще в годы Первой мировой, она усугубилась в годы Гражданской войны, и органам советской власти пришлось приложить немало усилий для ее смягчения.

Важным моментом в деятельности Комнаца стала и работа по изучению национального состава населения Петрограда, а это говорило о том, что новая власть ставит этот вопрос на научную основу. Определение этнонационального состава населения города позволило комиссариату более точно определять необходимость периодических изданий на национальных языках, а также организовывать просветительскую работу для национальных меньшинств. Н.М. Романова показала, что в эти трудные годы власти Петрограда уважительно относились к религии и культуре народов, населявших город. Автор опровергает расхожее утверждение о преследовании в это время православия и рассказывает о праздновании традиционных православных праздников — Рождества, Пасхи,

Троицы, Духова дня и др., а также о проведении крестных ходов.

Не обошла автор вниманием и весьма острый вопрос, связанный с огосударствлением деятельности этнокультурных объединений. Уже в первые годы Советской власти этот процесс начал свое поступательное движение, покончив, в конце концов, с проявлением любых инициатив в решении национального вопроса, исходивших снизу. Рассматривая вопрос, связанный с деятельностью общественных национальных организаций, главный упор Н.М. Романова сделала на функционировании еврейских общественных организаций. Действительно, они были самыми многочисленными в городе, но тем самым, хотела этого автор или нет, деятельность остальных, например польских, финских обществ уходит в исследование на второй план. На мой взгляд, дело не в количестве, хотя и оно играет свою роль, а в эффективности работы общественных организаций.

Бесспорной заслугой автора является, то, что в своем исследовании она объединила Петроград и Петроградскую губернию, тем самым показав схожесть и различие процессов происходивших в мегаполисе и провинции.

Заканчивая обзор давно ожидаемой монографии, следует сказать, что это бесспорный шаг вперед в разработке такой сложной и трудной темы, какой является национальный вопрос.

С.Е. Эрлих

АНТИДЕКАБРИСТСКИЙ СПЕЦНАЗ КРЕМЛЯ: НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ, ВЛАДИМИР МЕДИНСКИЙ, НИКОЛАЙ СТАРИКОВ

Антиреволюционный тренд правительственной пропаганды до середины 2000-х распространялся на народолюбцев-«террористов» и «германских шпионов» — большевиков. При Б.Н. Ельцине и в период первого из путинских «сроков» память о святых предках интеллигенции — декабристах не осквернялась. Ситуация изменилась с 2005 г., когда «несистемная» оппозиция раз за разом — «декабристы-лимоновцы», «декабрист» М.Б. Ходорковский, участники «Маршей несогласных», «декабристы Болотной» и др. — стала примерять для своих акций декабристскую «метафору мятежа».

К подавлению восстания декабристов в народной памяти привлекался не один полк медиа-гвардии. Рекрутированные режимом «крепостные» проправительственных СМИ использовались обычно для разовых поручений. Безответные овечки Долли четвертой власти, подобно солдатам, выведенным

на площадь декабристами, клонировали на все лады внушенные свыше лозунги: «За стабильность! Против конституции!».

Император Николай Павлович не привлекал к суду, за редкими исключениями, солдат, сбитых декабристами с толку. Так, пожурил потечески (кого-то прогнал сквозь строй, остальных «просто» отправил на Кавказ) и помиловал. К уголовной ответственности были привлечены только сознательные заговорщики — офицеры.

Стоит взять пример с императора и расследовать риторическую деятельность офицеров антидекабристского спецназа Кремля. Их усилиями не только формулировались «мемы» для рядового пропагандистского состава. Они сами их с энтузиазмом выкрикивали через рупор СМИ. Порой столь громко, что заглушали журналистскую масовку. Ответственность «энтузиастов» манипуляций общественным

мнением усугубляется еще и тем, что их, в отличие от подневольных рекрутов правительственной журналистики, никто не нанимал. Уловив «сигналы» сверху, чуткие представители исторической obsługi режима добровольно «посмели выйти на площадь» и начали расстреливать память о декабристах.

Усилиями штаб-офицеров, таких как Наталия Нарочницкая, Владимир Мединский, Николай Стариков, пропагандистская кампания вышла за рамки сиюминутного реагирования на пиар политических оппонентов. Она приобрела отчетливое «метаисторическое» измерение. Под пером кремлевских публицистов декабристы превращаются в «пример из прошлого». 14 декабря демонстрирует вечную ситуацию: внешние враги используют внутреннюю оппозицию с целью ослабления, расчленения, уничтожения «Единой России».

1. НАРОЧНИЦКАЯ: «ДЕКАБРИСТЫ ТОЛЬКО ИСПУГАЛИ, РАЗОЧАРОВАЛИ И “ЗАМОРОЗИЛИ” РЕФОРМЫ»

Доктор исторических наук Наталия Нарочницкая в 2003–2007 была депутатом Госдумы РФ от партии «Родина»¹. И в период своего депутатства, и впоследствии ученая дама руководствовалась тем, что «управление сознанием — главное в эпоху информационной цивилизации»².

¹ Биография // Нарочницкая.ру. Б. д. URL: <http://narochnitskaia.ru/about>.

² См. запись передачи «Позитивное утро с Бачинским и Стиллавиным» от 26 декабря 2007 // Бачистил навсегда! 2009. 21 апреля. URL: <http://bachistil.ucoz.ru/forum/8-29-6>.

Она активно участвовала в приспособлении национальной памяти к потребностям путинского режима. «Державная» концепция русской истории пропагандируется ею в многочисленных публикациях СМИ. Основная идея сводится к тому, что великие потрясения великой России — «духовное детище интеллигенции», которую подстрекает враждебный Запад [Наталия Нарочницкая, 2007].

От негативного отношения к подрывной социальной «прослойке» до неприязни к ее мятежным дворянским предкам — один шаг. В статье, посвященной столетию русского парламентаризма, утверждается, что «декабристы и революционеры-террористы не принесли пользы, они только испугали, разочаровали и “заморозили” реформы, которые учитывали бы реалии России и ее исторический опыт». Смутьяны во все времена пугали косных представителей «бюрократических институтов». Они мешали прогрессивной части администрации осуществлять благодетельные социальные реформы [Нарочницкая, Смирнов, 2006]. В публичных выступлениях историка Нарочницкой, предшествующих началу антидекабристской кампании Кремля в 2005 [Эрлих, 2005], слово «декабристы» не встречалось. Если такая «корреляция» и случайна, то случайность эта знаменательна.

Следующий раз историк-депутат продемонстрировала свой антидекабристский настрой в присутствии тогдашнего главного технолога кремлевской администрации. Выступая вслед за Владиславом

Сурковым 16 марта 2007 в РГГУ на круглом столе «Февральская революция 1917 года. История и современность», Нарочницкая поддержала его тезис о декабристах — родоначальниках русской смуты начала XX в. Она обвинила кумиров интеллигенции в «робеспьеровского духа» зловещих планах: «Русской интеллигенции всегда был свойствен радикализм. В планах Пестеля уже предполагалось деление России на 15 республик или штатов, по аналогии с Соединенными Штатами, смерть царской семьи и подобное»³.

Поражает приписывание планов федерализации стороннику жесткой централизации П.И. Пестелю. Из школьной программы известно, что проект «деления России» на 14 «держав» «по аналогии» с США принадлежал Н.М. Муравьеву. Троекратное упоминание данного «факта» в выступлениях «историка с очень большой буквы» свидетельствует, что это не была оговорка⁴. Позволительно ли такое небрежное

³ Выступление Н.А. Нарочницкой на круглом столе «Февральская революция в России 1917 г.: история и современность» в РГГУ. Стенограмма. 2007. 29 апреля // Нарочницкая.ру. Б. д. URL: <http://narochnitskaia.ru/in-archive/vyistuplenie-n-a-narochnitskoy-na-kruglom-stole-quot-fevral'skaya-revoljutsiya-v-rossii-1917-g-istoriya-i-sovremennost-quot-v-rpggu-stenogramma.html>.

⁴ См. аудиофайл передачи «Позитивное утро с Бачинским и Стиллавиным» от 26 декабря 2007 // Бачистил навсегда! 2009. 21 апреля. URL: <http://bachistil.ucoz.ru/forum/8-29-6>; см. также расшифровку другой передачи «Маяка»: Наталия Нарочницкая и Владимир Туз в гостях у «Центрального комитета» // Око планеты. 2011. 28 февраля. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/61709-nataliya-narochnickaya-i-vladimir-tuz-v-gostyah-u-centralnogo-komiteta.html>.

отношение к прошлому со стороны члена «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (2009–2012)? Или данная «фальсификация» засчитывается как действие в пользу национальных интересов?

Одной из базовых идей пропагандистов Кремля является утверждение, что декабристы, а вслед за ними и последующие поколения радикальной интеллигенции — «всего лишь» носители западной революционной заразы. Посредством агрессивного изоляционизма они цинично укрепляют морально-политическое единство русского народа.

Пугая народ коварным Западом, лицемерная политическая элита не только пользуется всеми благами европейской цивилизации, но и старается войти в ряды западного истеблишмента. Представители правящего слоя открывают счета в швейцарских банках, приобретают недвижимость в Лондоне, учат детей в лучших американских университетах. Та же Нарочницкая с 2008 проживает большей частью в Париже, где возглавляет российский Институт демократии и сотрудничества⁵.

Нарочницкая вновь вспомнила о декабристах 26 декабря 2007. В день 182-й годовщины восстания на Сенатской площади она «не могла молчать» в программе «По-

⁵ Институт демократии и сотрудничества. Б. д. URL: <http://www.idc-europe.org/ru>

зитивное утро с Бачинским и Стиллавиным» радиостанции «Маяк». Вопреки названию радио-шоу, Наталия Алексеевна говорила о декабристах отнюдь не позитивно⁶. Декабристы получили враждебное России образование от французских учителей, посеявших среди них неразумные идеи Просвещения. Антирусский настрой мятежных дворян укрепился в масонских ложах. Они оторвались от православно-монархических ценностей родной крестьянской страны. Хотели вырезать царскую семью. Обманом вывели солдат на площадь. Врали им, что Конституция – жена Константина. Стремилась внедрить утопические для России республиканские идеи.

Даже среди этих нехороших людей своим злодейским нравом выделялся П.И. Пестель. Он хотел не только расчленить единую и неделимую, но еще выселить с Кавказа буйных горцев. И.В. Сталин в этом смысле просто ученик автора «Русской правды». К сведению евреев, которые всегда на стороне революционеров, лидер Южного общества планировал изгнать злокозненный «малый народ» в Палестину. Действовал Пестель макиавеллиевскими методами – специально порол солдат, чтобы те ненавидели царя-батюшку.

Вину декабристов отчасти искупают их святые жены: «Для меня романтикой овеваны только жены декабристов, которые действительно

совершили подвиг долга перед Богом и людьми»⁷.

Госпожа депутат заявила, что восстание декабристов и другие революционные попытки бессмысленны. В результате жить становится хуже и грустней. Безнравственно рассматривать народ в качестве материала для воплощения тех или иных доктрин. Нарочницкая близко к тексту пересказала «Донесения следственной комиссии» императору Николаю I. Так же как и авторы «Донесения», она умолчала о том, что декабристы хотели освободить русский народ от крепостного рабства.

Профессор Нарочницкая еще раз повторила нелепость про то, что сторонник унитарного государства Пестель хотел, по примеру США, разделить Россию на 15 республик свободных. Генерал Милорадович, оказывается, был сражен пулей-дурой, посланной полуслепым Вильгельмом Кюхельбекером.

Интернет-технологии позволяют фиксировать результат, говоря словами профессора Нарочницкой, «управления сознанием» народа, который, по ее же словам, безнравственно рассматривать в качестве материала для манипуляций. «Рассказ» вызвал следующую реакцию одного из слушателей: «Оказывается, про восстание декабристов <...> нам в школах рассказывали в очень

⁶ См. запись передачи «Позитивное утро с Бачинским и Стиллавиным» от 26 декабря 2007 // Бачистил навсегда! 2009. 21 апреля. URL: <http://bachistil.ucoz.ru/forum/8-29-6>.

⁷ Наталия Нарочницкая и Владимир Туз в гостях «Центрального комитета» // Окопланеты. 2011. 28 февраля. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/61709-nataliyana-rochnickaya-i-vladimir-tuz-v-gostyah-u-centralnogo-komiteta.html>.

усеченной версии. <...> Всё было более дерзко и даже кровожадно задумано. Не со стороны властей, а наоборот» [Политика и история, 2007].

Создавая дерзкий образ «кровожадных» декабристов, Нарочницкая противопоставляет им кротость царских властей: «Смертная казнь применялась крайне редко, за два века всего несколько десятков приговоров». Пятерых декабристов, «замышлявших убийство царской семьи», повесили справедливо [Агишева, 2010].

Очередной поворот в развитии декабристской темы Нарочницкая осуществила во время встречи В.В. Путина с политологами, состоявшейся 6 февраля 2012. Наталья Алексеевна одобрительно высказалась по поводу «глубокого поиска определения извечных наших русских бед» [Председатель Правительства, 2012], осуществленного премьером и кандидатом в президенты в статье «Демократия и качество государства» [Путин, 2012]. По вине «радикальной оппозиции», утверждала Нарочницкая, все попытки «эволюционного, реформаторского развития нашего общества, с одной стороны, тонули и заморожены бывали чиновничеством <...> и радикалами. После восстания декабристов заморожены были все попытки даже осмыслить какие-то пути» [Председатель Правительства, 2012]. В таком представлении не только «радикалы», начиная с декабристов, задерживают общественный прогресс, но и, страшно подумать, «чиновничество». Этот прилив свободомыслия доверенного лица канди-

дата в президенты Путина В.В. был стимулирован статьей публициста Путина. В ней утверждалось: «Качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. <...> Надо обновить механизмы нашей демократии» [Путин, 2012].

Наталья Алексеевна получила от национального лидера одобрение диалектической интерпретации «извечных наших русских бед»: не дураки и дороги, а чиновничество и радикалы. В качестве его доверенного лица она воспроизвела эту подготовку на следующий день во время теледебатов с неугомонным вождем российских либерал-демократов: «Чиновничество не давало связи с народом питать социально-активный слой, а радикальная часть русского общества обрекала на провал все реформы <...> Декабристы уничтожили начинания в начале XIX века, террор народнический и убийство Александра Второго тоже остановили реформы» [Выборы-2012, 2012].

Антидекабристский пассаж «доверенного» историка — «нынешнего ниспровергателя подвига великих борцов с всевластьем монарха» — получил суровый отпор на страницах прокоммунистической «Советской России»: «Повторяя заезженный аргумент нынешней власти “Не надо раскачивать лодку!”, полемист обратилась к историческим параллелям. Вот, мол, декабристы ее раскачивали, революционеры-бунтари». Автор публикации «Лодку с течью не раскачать» обыграл клише кремлевской пропаганды не только в названии, но и в сюжете о 14 дека-

бря как пророчестве семнадцатого года: «Лодка, перегруженная необузданным произволом самодержавия и самовластия, рано или поздно даст течь и пойдет ко дну — вот главный лейтмотив выступлений на Сенатской площади <...> тех, кто в 1825 г. отдавал себе ясный отчет, что шансы на успех вооруженного выступления против царизма ничтожны, но не отступал от мысли о его необходимости» [Засимова, 2012].

Школьник Геннадий Иванов спрашивает на форуме «Ответы@mail.ru»: «Доверенное лицо Путина Нарочницкая сравнила оппозицию с декабристами. Разве плохо, что они боролись с крепостным правом?»⁸ Известно, чьими устами глаголет истина. Момент истины состоит в том, что доверенное лицо Путина использует исторические средства в политических целях. Доктор исторических наук не только по забывчивости искажает факты школьного учебника. В ряде случаев Нарочницкая осознанно действует методом «тем хуже для фактов». Она овладевает массами, внушая «подмораживающую» идею: «Оппозиция, начиная со своего первого декабристского поколения, желала унижения и расчленения великой и неделимой России».

2. МЕДИНСКИЙ: «ДО ЧЕГО ХОРОШЕГО ДОВЕЛИ СТРАНУ ДЕКАБРИСТЫ?»

Наряду с Нарочницкой с декабристским мифом боролся еще один высокопоставленный доброволец —

Владимир Мединский. Он обладает солидным послужным списком: депутат Госдумы двух созывов (2003–2011), нынешний министр культуры РФ, член Генерального совета «Единой России», участник «медведевской» «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», профессор МГИМО, дважды доктор наук (политологии и истории). Человек, скромно заявлявший в 2007: «Не претендую на написание исторических трудов, поскольку не являюсь профессиональным историком» [Владимир Мединский, 2007], — уже в 2011 защищает докторскую диссертацию по истории. Воистину, нет таких крепостей, которые бы не взяли путинские большевики. Диссертация признанного борца с фальсификациями истории получила скандальную известность благодаря многочисленным «заимствованиям» целыми абзацами в ее автореферате [Батий, 2012; Лобин, 2012].

В команде «Единой России» профессор Мединский присвоил себе роль главного «исторического пропагандиста», точнее руководителя правительственных операций на памяти [Каменев, 2011]. Он признается: «Моя функция — обслуживать политику», осуществлять «историческое» обеспечение ментальных технологий партии власти. По мнению остепененного политика, рассуждения об идеологии путинского режима в традиционной «лево-правой» системе координат не имеют смысла: «Идеология “Единой России” одна: это партия голлистского типа, сформирована под

⁸ Проект «Ответы». Б. д. URL: <http://otvet.mail.ru/question/70905242>.

лидера. Наш лидер — президент Путин» [Владимир Мединский, 2005].

Функционер политического сервиса предан без лести. Он позволяет себе, разумеется, в интересах «нашего лидера», высказывать критические замечания в адрес политики памяти государства российского. В стране отсутствует весомая поддержка единственно верного взгляда на русскую историю. Даже комиссия при президенте по борьбе с фальсификациями работает «исключительно на общественных началах». В интересах пропаганды квасного патриотизма Мединский на минуту откачивается от поиска соринки в европейском глазу. Он ставит в пример щедрое государственное финансирование «институтов национальной памяти», присущее порочной западной цивилизации [Каменев, 2011].

Мединский, по его словам, так и не получил официальный «заказ Кремля» на созидание «исторической подпорки под суверенную демократию». Он проявил «личную инициативу» и запустил программу развенчания исторических мифов, которые наносят ущерб интересам России [Владимир Мединский, 2008]. Один из читателей продукции, выпущенной в рамках этой программы, считает, что автор «не лукавит»: «Такие <...> ребята сами знают, когда нужно прогнуться»⁹.

Программа, «направленная на оправдание действий власти в России»¹⁰, воплотилась в книжной серии «Ми-

⁹ См. комментарий *Константин*. 2008. 8 мая: [Владимир Мединский, 2008].

¹⁰ См. комментарий *Константин*. 2008. 8 мая: [Владимир Мединский, 2008].

фы о России» (2007–2012). Она была выпущена издательством «Олма Медиа групп» общим тиражом более 300 тыс. экземпляров. На сайте издательства можно обнаружить 26 (!) изданий, в качестве автора которых указан Мединский¹¹. Поразительная плодовитость для политика и общественного деятеля, занятого заседаниями не только в Государственной Думе, но и в различных комиссиях и фондах. «Мифы о России» получили не только бумажное воплощение. Серии передач под тем же названием выходили на радиостанциях «Эхо Москвы» (2006)¹² и «Финам FM» (2008–2009)¹³. На канале «ТВ-Центр» был показан одноименный 12-серийный телевизионный фильм (2006) [Назаров, 2006]. Видео- и аудиопропаганда выходила при непосредственном участии Владимира Ростиславовича. Впечатляющий результат работы «исключительно на общественных началах».

Взявшись за миф национальной памяти, профессор Мединский заявил о претензии на администрирование сакрального ядра правительственной пропаганды. Искренняя вера либо в Бога, либо в социальные утопии бесспорно утрачена. «Остается не так уж много, и прежде всего — <...> история <...> на уровне мифов и расхожих представлений» [Курчатова, 2008].

¹¹ Владимир Мединский. Олма Медиа Групп. Б. д. URL: <http://www.olmamedia.ru/authors/5315/>.

¹² Мифы о России // Радио Эхо Москвы. Б. д. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/myth/>

¹³ Мифы // Moskva.fm. Б. д. URL: http://www.moskva.fm/stations/FM_99.6/programs/мифы_о_россии/airs/.

Свою претензию на идеологическое лидерство доктор исторических наук подтвердил заявлением, сделанным в качестве председателя комитета Госдумы по культуре. Он заявил о необходимости ввести единый учебник по истории, «дающий единое представление о том, кто такие Александр Невский, Дмитрий Донской, Михаил Кутузов. Нельзя в голове пятиклассника породить плюрализм» [О необходимости, 2011].

В масштабном мультимедийном проекте без декабристов не обошлось. Взгляд Мединского на дворянских революционеров испытал влияние сравнительного метода. Он был избран в качестве инструмента «пиар-технологии» развенчания одних мифов и создания других [Павленко, 2007]. Метод этот прост. Он намного проще, чем правда. При помощи тенденциозно подобранных аргументов читателю, телезрителю, радиослушателю внушается, что наша родина всегда и во всем была «круче» гнилого Запада. Раздавая «славословия русским и ругань <...> в адрес прочих народов», автор действует, как лисица из басни Крылова: «Какие перышки, какой носок, какой ты хороший у нас, народ... а вот и сыр» [Курчатова, 2008].

Центральный тезис концепции декабризма, поддерживаемой Мединским, сводится к советскому анекдоту: «Зато у вас в Америке негры линчуют». Автор упоминает восстание 14 декабря, чтобы доказать, что в начале XIX в. смертная казнь в либеральной Европе была нормой, а в самодержавной России — очень

крайней мерой: «Врач английского посольства в беседе с Пушкиным удивлялся: “Всё посольство Британии только и говорит, что об удивительном... милосердии Вашего государя. У нас (в Англии) по делу о военном мятеже такого размаха было бы казнено тысячи три человек, после чего всех оставшихся сослали бы на галеры”» [Мединский, 2007а: 415].

Православный гуманизм, насаждаемый милосердными русскими царями, вызвал побочное явление в виде неадекватной общественной реакции: «Вся страна десятилетия это переживала, содрогнулась: пять человек сразу казнили!» [Лазарева, 2011]. Чтобы читатели лучше осознали обоснованность повешения декабристов, автор «Мифов о России» проецирует историю в современность: «Представьте себе, инаугурация президента, на Красную площадь выходят мятежные танки» [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008].

Высказывания Мединского о нестрогой, но справедливой казни декабристов порождают вопросы к использованным им источникам. Никакой ссылки на свидетельство анонимного «врача» не дается. И это странно. Цитируемый документ не относится к числу хрестоматийных. Подозрительна и перемена в различных авторских пересказах числа виртуально повешенных британских мятежников от трех тысяч до пяти. Консультации с декабристоведами и пушкинистами не позволили найти, тем более «у Пушкина в записках», документальную основу этого высказывания [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008].

Метод сравнения зверств отечественного и зарубежных правительств противоречит гуманистической традиции великой русской литературы. Согласно ей, общественная гармония не может быть оправдана и слезинкой ребенка. Даже, если мы станем на меркантильную «западную» точку зрения взвешивания наших и «ихних» смертных казней, российская картина будет не столь идилической, какой она предстает в изображении Мединского.

Автор забывает, что в крепостной России казни, в том числе и со смертным исходом, часто осуществлялись без суда. Помещики своей властью могли приговаривать крестьян к наказанию розгами, плетью, батогами и т.д. В качестве примера можно привести «конституцию» великого русского полководца графа П.А. Румянцева, дарованную в 1751 управляющим его крещеной собственностью: «За оскорбление, нанесенное дворянину, крепостной наказывался батогами по желанию последнего, “пока тот доволен будет”; в пользу своего землевладельца он платил еще 2 руб. штрафа» [Ключевский 1989: 138]. Случаи, когда наказанные подобным образом умирали после «непродолжительной болезни», были не единичны.

Крепостные, попавшие на армейскую службу, также не были гарантированы от телесных наказаний со смертельным исходом. По поводу «отвратительного действия» — импортированного из прусской армии наказания шпицрутенами В.Р. Мединский в оправдание пишет: «Даже слова русского для предмета пы-

ток — и то не смогли подобрать» [Мединский, 2007: 305]. Русского слова для именованья «длинных гибких прутьев или палок» [Семенюк, 1994: 555] не подобрали, но зато прекрасно усвоили, как следует пускать их в дело. После восстания военных поселян в Чугуеве (1819) «были подвергнуты наказанию шпицрутенами (от 3000 до 12 000 ударов) до 70 человек. Аракчеев не мог скрыть от государя, что многие из наказанных умерли». Наказание коснулось не только мятежных представителей сильного пола. 29 женщинам по природной слабости прусские шпицрутены заменили русскими розгами [Семевский, 1909: 174].

Контрмифическое слово историка-депутата не пропало. Оно благодарно отозвалось среди тех, кто ловит на лету. Рецензент «Вечерней Москвы» пишет: «Казнили только 5 декабристов, хотя казнить полагалось десятки, если не сотни». Журналист не ограничивается констатацией факта. Он дает понять, что уловил «мессидж» компаративистики Мединского: «Против России столетиями велась психологическая война. <...> Россия крайне неумело отвечала на эту агрессию. Пора с этим кончать! Наши мифы против их мифов, а там еще поглядим, чья возьмет» [Борисов, 2011].

«Личность Николая I», — по мнению Владимира Ростиславовича, — «весьма оболганная» [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008]. Он был «незаслуженно оплеван» современниками и потомками: «Николай Палкин там бьет палкой своей декабристов, гоняет их сквозь строй и вешает» [Мифы о России, 2006];

«Пять декабристов повесил, правда — страшный и кровавый» [Мифы о России, 2006а]; «Ну что плохого он сделал? Подавил восстание декабристов? Да другой бы на его месте такое устроил!» [Мединский, 2008].

Оправдание гуманной виселицы, воздвигнутой по приказу императора, неизбежно влечет осуждение мятежных декабристов. Разве заслуживают снисхождения злоумышленники, которые принялись раскачивать лодку всего через «несколько лет после тяжелой войны»?

В целом людьми они были неплохими. Им был присущ «высокий дух, отвлеченный идеализм». Но истинных потребностей своей страны представители «верхушечного, интеллигентского движения» не знали. Отсюда — «легковесность, отсутствие опоры в широких массах».

Как и все интеллигентные слюнтяи, декабристы были «людьми застенчивыми, путанными и нерешительными». Именно поэтому и «проиграли стопроцентно выигрышную ситуацию» [Ищем выход, 2005]. Эти путаники оказались не способны на «нормальный военный мятеж» с захватом «вокзалов, почты, телеграфа» и устроили «типичный бунт на коленях» [Мединский, 2007: 346]. «Штатское лицо» Каховский — единственный смельчак, затесавшийся в ряды этих нерешительных офицеров, не вписался в логику коленопреклоненного бунта. Он «застрелил <...> не просто героя, а еще и официальное лицо» Милорадовича [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008].

На следствии слюнтяи-декабристы вели себя не как положено героям. Кололись с полуслова: «Друг друга закладывали по полной программе» [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008]. «Пытки <...> были ни к чему»: «Дворяне-заговорщики наперегонки каялись, сдавая “с потрохами” и себя и всех товарищей по заговору» [Мединский, 2007а: 415].

Автор, который откровенно обслуживает политику, не упоминает, что мятежные дворяне хотели освободить крестьян от крепостной зависимости. Для него большинство декабристов — хлюпики, неспособные на решительные действия. В стране, где сила не затрудняет себя моральными оправданиями, назвать кого-то «слабаком» — значит целенаправленно повредить ему в общественном сознании. Концепция не лишена противоречий. Решительный «уголовный преступник» П.Г. Каховский также заслуживает осуждения [Вл. Мединский: «Мифы о России», 2008]. Тогда в чем именно виноваты дворянские революционеры: в том, что стреляли в Милорадовича, или в том, что не попали в Николая Павловича?

На собственный риторический вопрос: «До чего хорошего довели страну декабристы?» [Владимир Мединский, 2005], — историк отвечает без обиняков. Их несвоевременное восстание привело к тому, что «реально большой демократ» на троне, автор подчеркивает, что говорит это «без всякого чувства иронии», был спровоцирован смутьянами на «временный откат от демократии» [Мифы о России, 2006б]. Победитель в сражении на Сенатской площади рас-

смачивается Мединским в качестве достойного примера нынешнему строителю «вертикали власти»: «Николай I <...> был <...> симпатичным монархом, чем-то даже напоминает действующего президента: профессиональный военный, в цари не готовился и не стремился, спортсмен, очень образованный, не злой, кстати» [Владимир Мединский, 2007]. Его приговор декабристам был «не просто гуманен — <...> невероятно мягок» [Владимир Мединский, 2007].

Исторический вред от декабристов заключается в том, что их в качестве символического тарана использовали все подрывные элементы Российской империи. В 1831 память декабристов под лозунгом: «За вашу и нашу свободу!» — почтили мятежные поляки [Мединский, 2009: 304]. Потом ими восхищались «либеральная интеллигенция» и, разумеется, большевики [Мединский, 2007а: 415].

Выбирая между хлопиками-декабристами и «спортсменом» Николаем Павловичем, Мединский делает убежденный выбор в пользу духовного предшественника нынешнего дзюдоиста. Однако в судьбе члена Исполкома «Единой России» случился крутой поворот. Он позволяет усомниться в наличии у режиссера русской памяти каких-либо убеждений в отношении героев декабристского мифа.

Осенью 2011 во время парламентской предвыборной кампании партия власти направила депутата Мединского в далекий Курган агитировать за нее, а точнее за себя любимого. От результатов, полученных «Единой Россией» в этом

сибирском регионе, зависело включение «исторического пропагандиста» в число депутатов следующего созыва. Как пронизательно было отмечено на форуме местного интернет-ресурса: «Надо человеку в ГД, вот и старается»¹⁴.

Пообщавшись с гостеприимными сибиряками, разоблачитель мифов о России, убедился, что в Кургане память о героях и мучениках 14 декабря всё еще не разоблачена. И бороться с ней означает снизить шансы на электоральный успех. Мединский с удивительным цинизмом заявил: «У хорошего депутата нет своей позиции. Есть позиция избирателя». Статья, озаглавленная этой «максимой», заканчивалась следующими словами: «Мединский <...> ведет работу по включению музея декабристов (дом-музей Нарышкина) в федеральную программу» [Владимир Мединский, 2011].

Свою внезапно прорезавшуюся заботу о памяти ссыльных декабристов охотник за депутатским креслом не раз «медиатизировал» под разными соусами.

Читателям местной газеты он сообщил, что и прежде «интересовался декабристским движением» [Цисарев, 2011]. О выводах, сделанных в результате заинтересованного изучения, Мединский предпочел умолчать.

На встрече с работниками библиотек мастер пиар-технологий заявил, что история края должна работать

¹⁴ См. комментарий *Гостя*. Б. д.: [Лазарева, 2011].

на его современное развитие. Чтобы привлечь инвестиции из «центра», следует «поизучать исторические связи Кургана с важными чиновниками в руководстве страны»: «Он заявил, что с пачкой документов о декабристах из Кургана сразу поедет в Кремль – к руководителю администрации президента Сергею Нарышкину. “Не знаю, есть ли там связь или нет, но если нет, придумаем, посмотрим, что из этого можно выжать”» [Владимир Мединский позвал, 2011]. Бросается в глаза хлестаковская готовность «придумать» желательную виртуальную действительность.

На встрече с журналистами выяснилось, что декабристов с руководителем администрации президента можно связать не только по родственной линии. Кандидат в депутаты от Курганской области намеревался отправить письмо Сергею Нарышкину по той причине, что высокопоставленный чиновник является председателем федеральной комиссии по празднованию 200-летия войны 1812 г.: «Поскольку часть курганских декабристов участвовала в войне и заграничных походах, то можно в рамках федеральной программы организовать празднования и в Кургане».

Неизвестно, предлагал ли маэстро на встречах с курганскими избирателями организовать всемирный шахматный турнир. Согласитесь, что в таком стиле общения чувствуется духовное родство с великим комбинатором.

На той же встрече прозвучало и двусмысленное замечание о вли-

янии декабристов на жизнь Кургана. Приезд ссыльных олигархов привел к резкому росту цен, «хотя до этого всё было недорого». Не только декабрист Нарышкин жил в Кургане в роскошном доме «за 6,5 тысячи рублей. По тем временам безумные деньги! Тогда королева стоила 10 рублей». Его товарищ по несчастью В.К. Кюхельбекер, тоже, оказывается, «не бедствовал». Неизвестно, на основании каких источников «друг Пушкина» был включен в число «людей имущих». В период курганской ссылки «преуспевающий» Кюхля одолевал гуманитариев из III Отделения душевраздирающими просьбами разрешить зарабатывать на пропитание литературным трудом [Королева, Рак, 1979: 591]. Не совсем привычный для сибиряков ответ на вопрос о «впечатлениях» от посещения музея декабристов свидетельствует, как в действительности непросто сменить мифологическую пластинку [Степанов, 2011].

В собственноручной статье охотник за мифами доказал, что он и сам мифотворец не хуже А.И. Герцена. Накануне выборов им был воспет курганский край с его феноменальной природой, чудесными людьми и уникальной историей. В исторической части автор уделит наибольшее внимание героям войны с Наполеоном, которые по совместительству были героями 14 декабря: «Полковник Михаил Нарышкин – один из них. Его жена, как в знаменитом кино про “Звезду пленительного счастья”, отправилась за ним в Сибирь на каторгу, а потом – в ссылку в Курган». Беседа будущего царя-освободителя с курганскими

декабристами так запала в августейшую душу, что повлияла на ход русской истории, приблизив день освобождения крестьян. Декабристы положительно влияли не только на современников. Свободолюбие современных курганцев во многом объясняется «декабристской прививкой» [Мединский, 2011].

Радикальное отклонение от программы «Мифов о России» всё же не позволило решить задачу продолжения депутатской карьеры. Возможно, сказался результат «Единой России» по Курганской области (44,41%), который оказался ниже среднего по стране – 49,32%¹⁵.

«Но поражение от победы // Ты сам не должен отличать». Бывший депутат Государственной думы продолжал как ни в чем не бывало связывать в радиоэфире русское прошлое с современностью. Он делал это в противоположном своим «курганским» высказываниям правильном политическом смысле. Митинги на «всяких Болотных и прочих, площади Сахарова» рождали у него ассоциации со смутой семнадцатого века и революцией семнадцатого года. Людей, которые хотят ввергнуть страну в новую смуту, «называют “новыми декабристами”, вышедшими на площадь» [Реальное время, 2012]. Декабристы Болот-

ной воплощают собой вековые разрушительные традиции смутьянов. Их духовные предки использовали в корыстных интересах пресечение династии Рюриковичей и затем мстительно пресекли род Романовых.

Поразительная гибкость и кипучая активность творца «правильных» мифов о России были замечены с вершины «вертикали». После рокировки тандема, в начале 2012, Мединский был направлен руководить русской культурой.

3. СТАРИКОВ: «ПЕРВАЯ ПОПЫТКА РАЗВАЛА РОССИИ ИЗНУТРИ, ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ АНГЛОСАКСАМИ»

Наряду с Нарочницкой и Мединским разоблачением декабристов активно занимается Николай Стариков. Автор, не имеющий исторического образования, специализируется на создании книг, посвященных многовековому заговору Запада против России¹⁶. Писательской деятельностью исторический технолог не ограничивается. Он снимался в «документальных» телевизионных фильмах, «неоднократно выступал в эфире радиостанций», интервью с ним на исторические темы публиковали различные печатные и интернет-издания. Он «постоянно выступает на публике, читая лекции по истории»¹⁷. Зачастую его представляют аудитории в качестве «историка». От полити-

¹⁵ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. Дата голосования. 2011. 4 декабря // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Б. д. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=100100028713304&type=233.

¹⁶ Справочник книг // Николай Стариков. Б. д. URL: <http://nstarikov.ru/books/1549#more-1549>.

¹⁷ Автор // Николай Стариков. Б. д. URL: <http://nstarikov.ru/books/1549#more-1549>.

ческой пропаганды Стариков перешел к непосредственному участию в политике. Он является одним из сопредседателей партии «Великое отечество»¹⁸.

Стариков известен как фанат Путина [Николай Стариков, 2010]. Его взгляд на декабристов диктуется конспирологической концепцией русской истории. Ехидный журналист передает ее фразеологизмом «Англичанка гадит»: «Раз есть враг внутренний, то где-то поблизости затаился и враг внешний» [Кошелкин, 2007]. В развернутом виде гадящая «англичанка» представляется следующим образом: «Англо-саксонские спецслужбы <...> ведут против России целенаправленную войну чуть ли не 500 лет. <...> Декабристы вовсе не были одержимы благими идеями, но также действовали по указке “мирового закулисья”. Тема “закулисья” и “англосаксов” вообще проходит красной линией через всё творчество Старикова» [Публицист Николай Стариков, 2010].

Один из читателей иронически предлагает бдительному конспирологу не ограничиваться декабристами и революционными поколениями их последователей. Он предлагает вывести на чистую воду английских агентов самых отдаленных эпох русской истории: «С интересом буду ждать дальнейших сюжетов. “Англия и Куликовская битва”, “Иван Грозный – тайный пленник Лондона”, “Татаро-монголам за взя-

тие Казани платили фунтами”, “Найденная в Новгороде берестяная грамота подтверждает, что Гостомысл был агентом МИ-6”»¹⁹.

Островная держава добилась мирового могущества, стравливая геополитических конкурентов между собой и подстрекая внутренние мятежи в государствах – потенциальных соперниках. Создавая видимость гражданской свободы, коварные британцы эффективно обезоруживают собственных смутьянов. «Вы когда-нибудь слышали, чтобы революционеры боролись против английской монархии?», – риторически вопрошает автор, позабывший о судьбе последнего короля из династии Стюартов, войне за независимость США и об Ирландской революционной армии [Стариков, 2013: 117].

После разгрома Наполеона империя Романовых стала главным противником британской короны. В качестве оружия против сильной России был направлен многолетний заговор декабристов: «Декабристы – это первое в нашей истории “освободительное” движение, чьи корни зримо уходили за границу. <...> Восстание декабристов – это первая попытка развала России изнутри, осуществленная англосаксами» [Стариков, 2009].

Отдавая приоритет дворянским революционерам, Стариков «забывает» о хорошо документированном заговоре против франко-русского союза, который был осуществлен 1 марта 1801 при непосредственном

¹⁸ Руководство // Партия великое отечество. Б. д. URL: <http://xn-80aealaaatcuj2bbdbr2agjd6hzh.xn--p1ai/headquarters>.

¹⁹ См. комментарий *Allin777*. 2009. 27 июля: [Стариков, 2009].

участии агентов британской короны [Эйдельман, 2008: 211]. Такое невнимание к успешной «попытке развала» императорского черепа табакеркой свидетельствует, что автор не усматривает опасности в верхушечных дворцовых переворотах. Его обличительный пафос сосредоточен на движениях, способных изменить не только персональный состав режима, но и его социально-политическую суть.

Каковы аргументы в пользу того, что восстание 14 декабря было первой попыткой «оранжевой революции» против нашего отечества? В чем же заключается «зримый» британский след движения декабристов?

Автор недоумевает, почему мысли о свержении абсолютизма зародились у образованных дворян именно после Заграничного похода 1813–1814: «Разве царский деспотизм отсутствовал в России ранее? Куда логичнее было бы свергнуть монархию, когда французы стояли в Москве!». В 1812 мятеж не случился, потому что коварным британцам в тот момент надо было руками русских победить французов.

Логика этих умозрительных заключений поражает. Следуя ей, свободлюбивые русские офицеры должны были то ли сражаться на два фронта, то ли становиться пособниками захватчиков. Патриоту Старикову невдомек, что люди, которые именовали себя «верными и истинными сынами отечества», не могли принять ни одну из стратегий, навязываемых им гостем из будущего.

Следующую неувязку «конспиролог» усматривает в необоснованной, на его взгляд, озабоченности декабристов крепостным положением крестьян и самодержавным управлением россиянами. Чего, собственно, было волноваться? «В то время рабство имело место в общественной жизни практически всех государств». А западные соседи России – монархии Австрии и Пруссии были «такие же абсолютные и неограниченные». Да и во Франции идея республики была дискредитирована ужасами якобинской диктатуры. «Ни в одном государстве мира того времени не было демократии в нашем сегодняшнем ее понимании».

Поразительный тезис. Если в западном мире того времени не было демократии в современном смысле, то представителям русского образованного слоя следовало мириться и с крепостным правом, и с неограниченной властью самодержца. В политическом смысле декабристы никак не ориентировались на режимы Пруссии и Австрии. В ту пору настоящая Европа началась за Рейном (К. Маркс). Их образцами были ограниченные монархии современных им Франции и Англии, а также республиканское устройство США. А «рабство», если под ним понимать юридическое прикрепление крестьян к земле, стало к началу XIX в. историческим воспоминанием во многих странах Западной Европы. Во времена декабристов его начали отменять и к востоку от Эльбы. Пример освободителя прусских крестьян барона Штейна (1807) всерьез повлиял на декабриста Н.И. Тургенева.

Стариков игнорирует подобные соображения и делает вывод: «Желание будущих декабристов изменить государственный строй своей страны после возвращения из Европы в 1815 г. так же иррационально и загадочно, как если бы сталинские капитаны и полковники в 1945 г. захотели установить в СССР законы шариата». Поражает «шариатская» параллель конституционному «духу времени» декабристов. Неужели в сорок пятом СССР одержал победу в крестовом походе над сарацинами? Посредством железной логики автор исключает рациональные с точки зрения интересов российского общества побуждения декабристов к антиправительственному заговору. Он подсказывает читателям, из какого конспирологического источника «подул в уши наивных офицеров “свежий ветер перемен”». Для этого Стариков переходит от размышлений на тему: «Кому выгодно?» — к разбору косвенных свидетельств документов.

Мы узнаем, что в голове у декабристов был один ветер. Они были настолько несерьезны, что не сумели выработать единую программу действий. Да и каждый порознь порол чепуху. Ладно бы, безрассудные проекты «бешеного» М.А. Дмитриева-Мамонова. Но и ведущий ум декабристов — П.И. Пестель тоже предлагал в своей «Русской правде» сплошную несуряцицу. Чего только стоят его проекты русификации окраин «единой и неразделимой»? А легкомысленный подход к такому сложному вопросу, как освобождение крестьян? Оказывается, «такие мелочи, как сам механизм великого земельного пе-

редела, Пестель подробно не описывал». «Отсутствие четко обозначенных правил» являлось залогом гражданской войны «между многомиллионной массой крестьян и тогдашними землевладельцами» [Стариков, 2011: 137].

Непонятно, почему Старикова удивляет «буржуазный национализм» автора «Русской правды». В период строительства европейских наций это было ведущее мировоззрение. Или трудно поверить в русский национализм человека с немецкими корнями? Но это как раз неудивительно. В России «инородцы» часто становились заводилами даже черносотенных движений.

Утверждение, что Пестель «подробно не описал» механизм земельной реформы, свидетельствует: «историк» не читал академическое издание «Русской правды». Можно спорить, был ли незавершенный проект создания фонда общественных земель реализуем на практике. Но факт, что «механизм великого земельного передела» тщательно продумывался Пестелем, сомнению не подлежит²⁰.

Противоположный «Русской правде» в плане федерализма и малоземельного освобождения крестьян проект «Конституции» Никиты Муравьева служит еще одним аргументом в пользу полной «разрухи в головах» дворянских революционеров: «С <...> вопиющими противоречиями в целях и средствах и шли декабристы “на площадь”».

²⁰ См. [Восстание декабристов, 1958: 182–187].

Исторический технолог допускает распространенную ошибку — отождествляет две «муравьевских» десятины на одну душу мужского пола (одна десятина = 1,092 га) с двадцатью сотками: «Это <...> не земельный надел, а, как получали советские люди, — приусадебный участок». Неплохой приусадебный участок в четыре футбольных поля! Другой ляп — утверждение, что по «Конституции» предусматривалась «федерация с правом отделения» [Стариков, 2011: 137]. Достаточно сослаться на мнение академика Н.М. Дружинина, посвятившего годы жизни изучению наследия творца «северного» конституционного проекта: «Н. Муравьев <...> далек от мысли построить союзное государство на договоре отдельных национальностей. <...> Он исходит из великодержавной точки зрения: Российская империя смешивает и ассимилирует в своем составе разнообразные подчиненные народности» [Дружинин, 1985: 151].

С точки зрения «демократии в нашем сегодняшнем ее понимании» автор критикует конституционные проекты декабристов за различные ограничения (по полу, имущественному положению, образованию, этническому происхождению) пассивного и активного избирательного права. Вывод: в таком случае вообще ничего менять не стоило. Либо — всем, либо — никому: «При царе-батюшке все <...> были одинаково бесправны, зато обижаться было некому и не на кого» [Стариков, 2011: 139]. Это логика советского анекдота: «У меня зарплата — 120. У соседа — 150. Пусть он тоже будет получать 120». Автор забывает,

что «Великая хартия вольностей» (1215) распространялась только на острие социальной верхушки подданных английского короля. Процесс расширения гражданских прав на Британских островах шел веками. Женщины в Англии впервые участвовали в парламентских выборах только в 1918. «Проговорка» об «одинаковом бесправии» отражает интересы тех, кто в приватном порядке умеет договариваться с «царем-батюшкой».

Показав умственное убожество П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева, Стариков переходит к анализу «главного», как он считает, программного документа декабристов: «Эта бумага должна была направить Россию в сторону, как сказали бы теперь, демократических перемен». Речь идет о тексте без заголовка, написанном на отдельном листке. Он был найден следствием в бумагах С.П. Трубецкого. В его первых строках присутствует фраза: «В Манифесте Сената объявляется» [Восстание декабристов, 1925: 106–107]. Исследователи сомневаются в том, что этот документ, получивший в научной литературе название «Манифест Трубецкого», был создан накануне 14 декабря. Михаил Сафонов считает, что лист был вырван неудачливым диктатором из наброска компромиссного конституционного проекта. Проект был подготовлен Трубецким во время объединительных совещаний южных и северных заговорщиков в 1823–1824. Нет оснований считать, что в случае победы декабристов именно этот текст был бы принят в качестве руководства Временному правлению. Яков Гордин

в «радиоспоре» с конспирологом Стариковым высказал ту же мысль: «Не очень понятно, когда он («Манифест» Трубецкого. — С.Э.) был написан, и чем дальше, тем больше он у меня вызывает сомнений». Автор «Мятежа реформаторов» сделал важное уточнение: «Это не манифест всех декабристских, так сказать, организаций, и даже вряд ли [он] выражал установки всего “Северного общества”» [От декабристов до большевиков, 2010].

Разбирая документ неясного происхождения, Стариков не торопится предъявить конспирологические козыри. Князь Трубецкой был человеком столь же недалеким и лишенным государственного мышления, как и его товарищи — творцы нелепых конституционных проектов. Если бы он действительно был зрелым политическим мыслителем, разве ввел бы в свой «Манифест» пункт об отмене подушных податей и недоимок: «Когда нет налогов — это хорошо. <...> Только вот непонятно, чем будет наполняться государственный бюджет, ведь далее декабристы пишут — “уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч.”» [Стариков, 2011: 144].

Непонятно, почему отмена подушных податей означает тотальную отмену налогов? Этот крепостнический налог был введен в 1718 Петром I и означал взимание фиксированных сумм только с представителей податных сословий, прежде всего крестьян. Уже в XVIII в. велись дискуссии о несправедливости и неэффективности такого налогообложения, о необходимости

заменить его подходящим налогом. В «Манифесте» объявлялось «равенство всех сословий пред Законом». Было логичным отменить налог, порожденный сословным неравенством. О том, что речь о тотальной отмене налогов не идет, свидетельствует пункт, позволяющий «всякому гражданину» торговать «оптом и в разницу, платя установленные повинности для торгов».

Говоря об отмене монополий на спиртное и соль, Стариков обрывает цитату посреди предложения. В «Манифесте» далее говорится: «учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки» [Восстание декабристов, 1925: 106–107]. Здесь, как и в случае подушной подати, речь идет о переходе от феодальных «монополий» к свободной конкуренции. Налогообложение устанавливается в соответствии с буржуазными принципами, «с количества добывания», пропорционально доходам.

Момент истины «Манифеста» заключается не в пунктах о соли и водке, и уж тем более не в «уничтожении права собственности, распространяющейся на людей». Все демократические свободы провозглашались для отвода глаз. Практический смысл имел только пункт шестой из завершающего документ поручения Временному правлению. Пункт этот гласит: «уничтожение постоянной армии» [Восстание декабристов, 1925: 106–107]. Из этих трех слов делаются далеко идущие выводы: «Это старт в долгом марше за уничтожение нашего госу-

дарства. Все дальнейшие программы народовольцев, эсеров, большевиков и всех прочих “борцов за свободу” ведут свою родословную от этих нескольких листов бумаги. <...> Распустить вооруженные силы хотят образованные военные! Но зачем? <...> Уничтожение русской армии необходимо тому, кто готовится схватиться с Российской империей в смертельной борьбе. То есть нашим геополитическим соперникам!» [Стариков, 2011: 145].

Автор безосновательно приписывает синтагме «уничтожение постоянной армии», содержащейся в документе Трубецкого, смысл «уничтожение русской армии». Рассмотрение текста «Манифеста» убеждает, что речь о роспуске армии не идет. Иначе в нем не было бы пункта: «дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание». Какая может быть воинская служба, если армию предусматривается уничтожить? А для чего в стране без армии объявлять «убавление срока службы военной для нижних чинов»? [Восстание декабристов, 1925: 106–107].

Если не считать полковника Трубецкого либо недоумком, либо агентом зарубежных спецслужб, то стоит задуматься, какой смысл вкладывался декабристом в понятие «постоянная армия»? Этот смысл выясняется из пункта «Манифеста», предписывающего «уничтожение рекрутства и военных поселений». Можно предположить, что под «постоянной» понималась армия, комплектуемая по феодальному принципу практически пожизнен-

ной службы. Это предположение гораздо более основательно, чем вывод Старикова о планах декабристов уничтожить русскую армию. Предусмотренное «Манифестом» «уравнение воинской повинности между всеми сословиями» указывает на необходимость перехода к одному из буржуазных методов комплектования вооруженных сил — обязательной срочной службе²¹. «Право вступать в воинскую службу» представителям всех сословий можно рассматривать как дополнительный способ комплектации армии на добровольной основе.

Парадоксальный тезис о заговоре русских офицеров против русской армии господин Стариков тиражирует и в книгах, и во всех видах СМИ [Стариков, 2013: 118, 200; 200 лет вместе с Западом, 2009; От декабристов до террористов, 2010; От декабристов до большевиков, 2010; Кафтан, 2010]. Он ему дорог не в качестве антикварной сенсации. Это — вывод «прямого действия». Он настойчиво процедируется из глубин политической памяти в наши дни. Любой, кто заговаривает о переходе к профессиональной армии и модернизации секретных служб — является духовным наследником предателей-декабристов.

Продолжая разоблачать козни декабристов Стариков утверждает, что «Манифест», обнаруженный в бумагах Трубецкого, был навязан ему «неким таинственным диктато-

²¹ Ср. мнение Я.А. Гордина: «Не имелось ли в виду уничтожение, ликвидация той системы армии по рекрутским наборам?» [От декабристов до большевиков, 2010].

ром». Декабристы были игрушкой в руках неизвестных и, разумеется, зарубежных сил. Агенты этих сил действовали 14 декабря и помимо мятежных офицеров: «На площади были замечены неизвестные, раздававшие простолюдином деньги и водку». Автор задает риторический вопрос: «Кто же раздавал спиртное и деньги, если этого не делали сами декабристы? Ответа на этот вопрос у историков нет» [Стариков, 2011: 142].

Ответа у историков нет по одной причине: судя по имеющимся источникам, такой проблемы не существует. У следствия были сведения о том, что «в рядах возмутителей», вовсе не среди «простолюдинов», были «два генерала с звездами: один военный, а другой статский». Военный генерал «раздавал деньги солдатам» [Восстание декабристов, 1925: 228]. Речь шла о раздаче денег рядовому составу мятежных подразделений. Подозрений, что эти два генерала мужиков поили, у Следственной комиссии не было.

Выяснилось, что «штатским генералом», какое-то время находившимся в рядах восставших, был отставной статский советник О.В. Горский. Александр Бестужев предлагал чиновнику с «густыми эполетами» возглавить восставших. Этот колоритный персонаж в то время находился под следствием по делу о недостатке вина в Кавказской казенной палате. Его решение примкнуть к мятежу понятно: революция всё спишет. Опрометчивый поступок стоил Горскому ссылки в Сибирь, но в раздаче денег на площади его никто и не подозревал.

В результате расследования выяснилось, что никакого «военного генерала» среди восставших 14 декабря не было. Обнаружилось, что деньги на вино для «согрева» замерзших солдат в размере ста рублей выделил член Северного общества коллежский секретарь М.Н. Глебов [Восстание декабристов, 1979: 220]. Сумма по тем временам немалая, но для наследника имения в 700 душ — не потрясающая воображение.

Утверждение о коварных агентах, подстрекавших «простолюдинов» к оранжевой революции, является еще одним примером передергивания данных источников.

Едва ли не каждое упоминание «декабристских» источников о деньгах наводит конспиролога Старикова на мысль, что денюжки эти получены путем «шакаления» у иностранных посольств. Установленные Оксаной Киянской факты махинаций П.И. Пестеля с казенными средствами подводят борца с мировой закулисой к «конспиро-логичному» выводу: «Пестель <...>, говорят, <...> тратил деньги казенные. <...> Под видом казенных денег он мог тратить деньги не совсем казенные, на подкуп офицеров и так далее» [200 лет вместе с Западом, 2009]. «Не совсем казенные» для тех, кто, разумеется, понимает, — это деньги из того же секретного фонда, через который впоследствии получал финансирование Джеймс Бонд.

Еще одно «денежное» доказательство, что декабристы были английскими агентами, усматривается в планах каторжников «сибирских руд» бежать в Америку.

Ведь из Америки «они могли перебраться и в Англию, которая <...> была прибежищем политэмигрантов». Для английских агентов такой маршрут выглядит весьма вероятным. Для побега нужны были большие деньги. Стариков сомневается, что необходимые средства могли предоставить «богатые родственники»: «Байки о богатых родственниках нужно воспринимать <...> скептически» [Стариков, 2010]. Зачем затруднять родственников, когда у «шпионов» есть возможность прибегнуть к зарубежным источникам финансирования? Автор в очередной раз демонстрирует чудеса «мифо-логики»: вначале допускает, что декабристы — «английские агенты», а потом, исходя из этого априорного заключения, доказывает, что они стремились попасть в Англию на английские же деньги.

Среди умозрительных предположений Старикова о связях «истинных и верных сынов» с геополитическими противниками отечества есть ссылка на документальное свидетельство. На первый взгляд, она прямо указывает на «зарубежный след». В письме великому князю Константину от 4 января 1826 Николай Первый утверждает: «Всё, здесь происходившее, по видимому, только следствия или скорее плоды заграничных влияний» [Междоусобие 1825 года, 1926: 173–174]. В подтверждение своих слов император ссылается на показания П.И. Пестеля. Непредвзятому исследователю в поисках более определенных данных о «разветвлениях за границей» и «заграничных влияниях» следует

обратиться к следственному делу руководителя южных декабристов [Междоусобие 1825 года, 1926: 173–174].

Пестель без каких-либо «наводящих» вопросов, по собственной инициативе рассказал о предварительных переговорах с представителями польских заговорщиков А.С. Яблоновским и А.С. Гродецким: «Оные мне говорили, что общество их в сношении с обществами прусским, венгерским, италианским, и даже в сношении с английским правительством, от коего получали деньги» [Восстание декабристов, 1927: 79]. Это признание потенциальных союзников повлекло требование русского революционера: «Уведомлять <...> о всех своих сношениях с прочими тайными союзами в Европе и с Англиею и никаких обязательств ни с кем не заключать без предварительного нашего согласия» [Восстание декабристов, 1927: 84–85].

«Показания, которые <...> дал Пестель» встревожили верховного следователя и он потребовал уточнений. Руководитель южных декабристов добавил к прежним показаниям: «Князь Яблоновской тут предложил нам ввести нас в прямое сношение с Германским обществом; на что я ему сказал, что сего не нужно, что сношения с Германиею могут происходить чрез Польшу, ибо Германия от нас далека»; «Тот же самый Князь Яблоновской мне сказывал что Польское общество находится в сношении с Англиею, оттуда деньги получает и что им также оружие обещают» [Восстание декабристов, 1927: 107–108].

Обыски, проведенные по «наводкам» Пестеля и его не менее разговорчивых товарищей, в частности на квартире одного из руководителей польских заговорщиков генерала К.И. Княжевича, предоставили доказательства «самой обширной переписки, даже с Англией, что подтверждается расписками английского консула в Лейпциге» [Междуцарствие 1825 года, 1926: 188].

В источниках речь идет о зарубежных контактах представителей польского Патриотического общества. Бесспорно, Пестель хотел, чтобы «все» эти сношения не протекали за спиной у декабристов. Очевидно стремление русского революционера не попасть по вине потенциальных польских союзников в неприемлемое с точки зрения национальных интересов положение.

Трансформация показаний Пестеля в письме Николая Павловича доказывает, что российская власть всегда рассматривала оппозицию как порождение внешних сил. Усердные разыскания николаевских следователей не обнаружили зарубежного «следа» в деятельности русских заговорщиков. Учитывая поразительную разговорчивость подследственных декабристов, трудно полагать, что они могли бы умолчать о сотрудничестве с агентами геополитического противника: «В первые дни Николаю казалось, что это какой-то гигантский заговор, который уходит и за границу, и вглубь, так сказать, российской знати. Следствие этого не выявило. Следствие <...> выявило, <...> что “Южное

общество” имело связи с польскими организациями, и обещало <...> свободу Польше за поддержку. <...> Отделение Польши – это <...> не разрушение государства. <...> Польша была <...> головной болью русского правительства и русского государства в течение <...> многих лет. Непрерывные волнения, два масштабных восстания, которые пришлось с большим трудом подавлять» (Я.А. Гордин) [От декабристов до большевиков, 2010].

Стариков погрузился в изучение давно опубликованных следственных дел декабристов и обнаружил еще два свидетельства контактов польских сепаратистов с английским правительством [От декабристов до большевиков, 2010]. Одно из них принадлежит М.П. Бестужеву: «От Гродецкого узнал я, что Англия поддерживала тайно их Общество; <...> что козни этой державы направлялись в особенности против России и она искала возможности вовлечь в восстание провинции, отошедшие к России по второму разделу Польши» [Восстание декабристов, 1950: 73]. М.И. Муравьев-Апостол дал показание, что один из польских оппозиционеров П.И. Мошинский сообщил его брату Сергею: «Когда лорд Странфорд ехал из Петербурга, он виделся в Дрездене с Генералом Князевичем и что он ему сказал, что коль скоро Польша начнет что-нибудь против России, то Англия ей поможет деньгами» [Восстание декабристов, 1950: 232].

Сергей Иванович Муравьев-Апостол и его молодой друг Бестужев-Рюмин наряду с Пестелем вступали

в переговоры с польскими заговорщиками. Их информация о связях поляков с Англией во многом дублирует свидетельства Пестеля. Выражение М.П. Бестужева-Рюмина: «Козни этой державы направлялись в особенности против России» — не оставляет сомнений в отношении русских заговорщиков к действиям английских эмиссаров. Делать отсюда вывод о том, что декабристы то ли напрямую, то ли через посредничество поляков работали на англичан, против интересов своей страны: «В Польше Англия дает деньги, здесь наши вот первые либералы пытаются начать заваруху» [От декабристов до большевиков, 2010], — означает тенденциозно исказить источники. Гордин справедливо возразил Старикову: «Польша была ориентирована в своих устремлениях из России и на Францию, и на Англию, на всех, кто мог помочь. Но это Польша, нигде тут не сказано, что декабристы имели прямые конспиративные связи с заграничными правительствами и что те на них как-то специально влияли» [От декабристов до большевиков, 2010].

Следственная комиссия подготовила секретное «приложение» к опубликованному «всепопданейшему докладу». Конфиденциальный документ предназначался императору. У следователей не было смысла что-либо утаивать от своего властелина. В «приложении» отмечается, что существовали слухи о поддержке мятежников со стороны «двора Стокгольмского», Австрии и «кабинета Сенджемского»: «Но по точнейшим исследованиям оказывается, что нет основательных причин

питать сии подозрения». По поводу излюбленной темы Старикова говорится следующее: «Всё вышеозначенное об участии Англии могло быть вымыслом депутатов Польского общества, имевших сношения с Южным» [Восстание декабристов, 1980: 65].

Удивляет, что Стариков не ссылается на донос Ипполита Завалишина. Младший брат обвинил декабриста Дмитрия Завалишина «в государственной измене, в шпионаже, в предательстве на сторону иностранных держав». Вдобавок на очной ставке Ипполит сообщил, что «видел у брата мешки с английскими золотыми и немецкими серебряными монетами, на сумму около 10 тысяч рублей, очевидно, полученными Дмитрием за шпионство в пользу иностранных держав». Следователи и царь на это воскликнули: «Не верю!» Доносчик был разжалован в рядовые и отправлен из Петербурга на службу в Оренбург [Якушкин, 1951: 604–605].

Учитывая склонность к сомнительным сделкам П.И. Пестеля и К.Ф. Рылеева, можно теоретически допустить, что в руки исследователей со временем попадут новые документы. Возможно, они перевернут наши сегодняшние представления о зарубежных связях декабристов. Чтобы их обнаружить (или не обнаружить по причине отсутствия), нужно напряженно работать в архивах. Пока нет документа — нет проблемы. На деятелей прошлого также должна распространяться презумпция невиновности. Известные на сегодня документы, в частности показания

декабристов о контактах польских заговорщиков с английскими агентами, свидетельствуют, что «истинные и верные сыны отечества» отрицательно относились к возможности сотрудничества с представителями владычицы морей.

Конспирологическая интерпретация Старикова свидетельствует, что ему безразлично, как это было на самом деле. Его цель — доказать при помощи либо умозрительных предположений, либо передернутых свидетельств, что русские революционеры начиная с декабристов были иностранными агентами. О пренебрежении к истории свидетельствуют многочисленные фактические ошибки, в том числе и в пределах школьной программы. Присяга императору Николаю I, по мнению Старикова, была назначена «на 25 декабря 1825 года» [Стариков, 2013: 121]. «Император отправляет к мятежникам генерал-губернатора Милорадовича» лишь после того, как захлебнулись «показательные атаки» конногвардейцев, встреченных подлой стрельбой «на поражение» [Стариков, 2010: 141]. В качестве способа исполнения смертного приговора пяти декабристам был выбран расстрел [Кафтан, 2010].

Последнее «открытие» вызвало возмущение прилежных учеников советской школы: «Даже дети знают, что лидеров декабристов не расстреляли, а повесили»²². «После саркастических комментариев на форуме в интернет-версии “расстреляли” заменили на “казнили”»

[Соколов, 2010]. Что оттиснуто на бумаге типографским станком, то не вырубить кликом компьютерной мышки: «Расстрел декабристов гуляет по стране нехилым тиражом. <...> Как можно доверять остальному написанному, видя такое? <...> Плевок в Историю удался»²³.

Стариковский «мем»: «уничтожение постоянной армии» декабристами — овладевает не только народными массами, но и, к стыду ученой корпорации, включается в картину мира некоторых наших коллег. Свежий пример: «декабристовидение» Павла Кузенкова — историка-византиниста, доцента МГУ, «научного руководителя» помпезной выставки «Православная Русь. Романовы».

Организаторы экспозиции объявили декабристов вместе с «ворами» из народа (в каких-то отношениях дворянские революционеры, оказывается, не так уж страшно от него далеки) Разиным и Пугачевым «врагами России». Корреспондент не слишком научной «Экспертизы» шокирован этой новостью из прошлого. Серьезный ученый в ответ приводит анекдот о жене-Конституции. «Научный руководитель» торжественного явления народу путинского извода уваровской триады не ограничивается шуткой затертого кремлевской пропагандой исторического юмора. Он приводит с его точки зрения неоспоримый аргумент в пользу тезиса «декабристы — враги России»: «Берем проект манифеста несостоявшегося “диктатора” декабристов Сергея Трубец-

²² См. комментарий *Ермолов Алексей Игоревич*. 2010. 19 декабря [Кафтан, 2010].

²³ См. комментарий *Хранитель Времени*. 2010. 16 декабря: [Кафтан, 2010].

кого, читаем под пунктом шесть: «Упразднение постоянной армии». Что это значило бы для России, нетрудно представить. Потом эти же черты проявятся у народовольцев, у революционеров начала двадцатого века: обман и авантюризм. <...> Такие «антисистемные» движения всегда пользовались благосклонностью и щедрой поддержкой со стороны политических конкурентов России».

Господам присяжным заседателям исторического суда над декабристами лучше один раз увидеть. Неопровержимая улика синтагмы «уничтожение постоянной армии» заботливо обведена «красной нитью» фотошопа в факсимильном воспроизведении фрагмента так называемого «Манифеста». Редакторы «Экспертизы» поместили его рядом с «декабристским» пассажем интервью Кузенкова.

Господин Стариков во всех видах СМИ тиражирует идеологему трех революционных поколений внутренних «врагов России» и их духовных наследников из нынешней «антисистемной» оппозиции. Все они щедро финансировались врагами внешними: «Декабристы — первые на этом пути, затем был “разбуженный” Герцен и так далее, вплоть до нынешних “несогласных”» [Краснова, 2014]. Для офицера пропагандистского спецназа Кремля не важно, что его конспирологические построения покоятся на скользком ките фальсификации источников. Ложь, повторенная тысячу раз историком в штатском, становится правдой не только для «табула-разовых» зрителей феде-

ральных каналов, но и для начитанного профессионального историка.

Византинист Кузенков, разрабатывая «научную» концепцию выставки, положился на «декабристоведа» Старикова. «Манифест» Трубецкого, за исключением неточно процитированного им «шестого вопроса», «научный руководитель», скорее всего, не читал. В противном случае профессиональный историк, разбирающий насыщенные замысловатой риторикой византийские источники, не смог бы, не покрывив душой, основывать свою православно-монархическую концепцию российского революционного движения на конспирологическом «исследовании» декабристского документа.

Пропагандистская реальность уже превосходит самые кафкианские предположения. Пока «серьезные историки» дробят гранит науки в ведомственных малотиражах, «историки» — кремлевские пропагандисты через СМИ миллионного охвата формируют память нации в выгодном режиме образа осажденной крепости. Логика метафоры требует перевести на военное положение лояльных обитателей цитадели. А с нелояльными следует поступать по законам военного времени.

Ученые коллеги не раз, брезгливо поджав губы, заявляли, что профессиональному историку негоже унижаться до опровержений историков-дилетантов, и докторов наук сомнительной репутации. Казус Кузенкова свидетельствует о последних подвиге подобной корпоративной

стратегии. Бесстрастный взгляд на окружающий мир приводит к тому, что мир пропаганды зачумляет башню из слоновой кости своими низменными пристрастиями.

У «научного руководителя» пропагандистской выставки отсутствует опасение влипнуть в стариковскую «историю». Человек вправе порвать с непрестижным «саном» ученого и податься на пропагандистские хлеба. Такой выбор – личное дело гражданина Кузенкова. Сохранение им вместе с новым жизненным поприщем звания доцента МГУ характеризует моральный облик научной корпорации. Примирение профессиональных историков с гнусной пропагандистской действительностью не означает, что режим собирается мириться с ними. Обременительная для экономики «трубы» наука – это Карфаген, который, при полном на сегодняшний день непротивлении научной стороны, обязательно будет разрушен. Так и будем помалкивать, глядя на «уничтожение постоянной армии» исторической науки?

REFEFENCES

200 let vmeste s Zapadom. Rol' Anglii i SShAv organizacii revoljucij i perevorotov v Rossii // Finam FM. 2009. 24 marta. URL: <http://finam.fm/archive-view/872/>.

Agisheva G. Otec nepopuljarnyh reform // Izvestija. 2010. 20 oktjabrja. URL: <http://www.izvestia.ru/news/367224>.

Batij D. «Avtor dolzhen dokazat', chto takogo roda frazy javljajutsja shablonami» // Kommersant#FM. 2012. 20 janvarja. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1855586>.

Borisov S. Ju. Vojna mifov // Vechernjaja Moskva. 2011. 7 fevralja. URL: <http://www.vmdaily.ru/showarticle.php?id=194205>.

Cisarev S. Vladimir Medinskij: «My uvlech'em chinovnikov istoriej!» // Kurgan i kurgancy. 2011. 11 oktjabrja. URL: http://kikonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39165:-1-r&catid=140:2010-05-07-07-13-06&Itemid=144.

Druzhinin N.M. Dekabrist Nikita Murav'ev // Druzhinin N.M. Izbrannye trudy: Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke. M.: Nauka, 1985. T. 1.

Ishhem vyhod...: Simvolj i zhesty primirenija s istoricheskim proshlym // Jeho Moskvj. 2005. 7 sentjabrja. URL: <http://echo.msk.ru/programs/exit/38601/>.

[Jakushkin I.D.] Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Jakushkina. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951.

Jejdel'man N.Ja. Gran' vekov. Sekret'naja dinastija. M.: Vagrius, 2008.

Jerlih S.E. Apel'siny na snegu // Russkij zhurnal. 2005. 26 dekabrja. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Apel-siny-na-snegu>.

Kaftan L. Vosstaniem dekabristov rukovodila zagranica? // Komsomol'skaja pravda. 2010. 16 dekabrja. URL: <http://kp.ru/daily/24609.3/778204/>.

Kamenev V. Vladimir Medinskij: istorija – samaja sub#ektivnaja nauka, a politologija – voobshhe ne nauka // Ulpressa.ru. 2011. 27 maja. URL: <http://ulpressa.ru/2011/05/27/article161381/>.

Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii // Ključevskij V.O. Sochinenija: v 9 t. M.: Mysl', 1989. T. 5.

Koroleva N.V., Rak V.D. Lichnost' i literaturnaja pozicija Kjuhel'bekera // V.K. Kjuhel'beker. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. L.: Nauka, 1979.

Koshelkin L. Nedetskie knizhki // BelGazeta. 2007. 12 dekabrja. URL: <http://old.belgazeta.by/20071217.50/460325131/>.

Krasnova V. Romanovy: imperija vernyh // Jekspert. 2014. №3. 3 fevralja. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/romanovi-imperiya-vernih/#.UtzIRdL-Gxko>

Kurchatova N. Piar «Rossija» // Jekspert. 2008. 17 marta. URL: http://expert.ru/expert/2008/11/piar_rossia/.

Lazareva E. «U vlasti malo npravstvennogo avtoriteta – ona nuzhdaetsja v cerkvi». Vladimir Medinskij o carjah, svjatyh i vere // Ura.ru. 2011. 1 nojabrja .URL: <http://ura.ru/content/kurgan/01-11-2011/articles/1036257257.html#war>.

Lobin A. Peshhernoje istochnikovedenie // Polit.ru. 2012. 13 marta. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/>

Medinskij V. Kurganskije fenomeny: «Levyj bokom ja uralec, pravym bokom – sibirjak» // Komsomol'skaja pravda. 2011. 24 nojabrja.URL: <http://kp.ru/daily/25793.4/2775475/>

Medinskij V.R. O russkom vorovstve, osobom puti i dolgoterpenii. M.: OLMA Media Grupp, 2007.

Medinskij V.R. O russkom p'janstve, leni i zhestokosti. M.: OLMA Media Grupp, 2007a.

Medinskij V.R. O russkom rabstve, grjazi i «tjur'me narodov» M.: OLMA Media Grupp, 2009.

Mezhdunarstvie 1825 goda i vosstanie 14 dekabrja v perepiske chlenov carskoj sem'i / Podg. B.E. Syroechkovskogo. M.; L.: Gosudarstvennoje izdatel'stvo, 1926.

Mify o Rossii: Desjat' vekov russkoj demokratii. Mif o avtoritarizme političeskoj tradicii // Jeho Moskvy. 2006b. 30 oktjabrja. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/myth/47153/#element-text>.

Mify o Rossii: Mif o grjazi i p'janstve // Jeho Moskvy. 2006. 2 oktjabrja. URL: <http://echo.msk.ru/programs/myth/46524/#element-text>.

Mify o Rossii: Mif o zhestokosti i krovavosti russkoj istorii // Jeho Moskvy. 2006a. 11

nojabrja. URL: <http://echo.msk.ru/programs/myth/47281/#element-text>.

Narochnickaja N., Smirnov A. Nevyuchennye uroki. Russkoj Gosudarstvennoj Dume ispolnilos' 100 let // Stoletie. 2006. 27 aprelja. URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/neviuchennije_uroki.htm.

Natal'ja Narochnickaja: Revoljucija – duhovnoe detishhe intelligencii // Politicheskij zhurnal. 2007. 31 oktjabrja. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7498&issue=205>.

Nazarov A. Mify o Rossii // Vzglyad. 2006. 21 sentjabrja. URL: <http://vz.ru/society/2006/9/21/49775.html>.

Nikolaj Starikov: Putin dolzhen ostat'sja // Nashi. 2010. 17 marta. URL: <http://www.nashi.su/news/30568>.

O neobходимosti edinogo učebnika po istorii zagovorili v Komitete Gosdumy RF po kul'ture // Istoricheskaja pamjat'. 2011. 30 nojabrja. URL: http://www.historyfoundation.ru/news_item.php?id=2367.

Ot dekabristov do bol'shevikov: Jakov Gordin i Nikolaj Starikov obsuzhdajut v gostjah u Viktora Rezunkova, kto i kak stremilsja razvalit' Rossiju // Radio Svoboda. 2010. 26 oktjabrja. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2203185.html>.

Ot dekabristov do terroristov // Rutube. 2010. 11 fevralja. URL: <http://rutube.ru/tracks/2923344.html>.

Pavlenko V. Razvenčivanie mifov kak novaja PR-tehnologija // Blogpr.ru. 2007. 23 dekabrja. URL: <http://www.blogpr.ru/node/1032>.

Politika i istorija ot Nekto Nemo // G-sector.ru. 2007. 26 dekabrja. URL: <http://www.g-sector.ru/posts-q3657-d130.htm>.

Predsedatel' Pravitel'stva Rossijskoj Federacii V.V. Putin vstretilsja s politologami // Pravitel'stvo Rossii. 2012. 6 fevralja. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18008/>.

Publicist Nikolaj Starikov vstretilsja s pskovskimi pochitateljami // PAI. 2010. 10 dekabnja. URL: <http://informpskov.ru/society/70982.html>.

Putin V.V. Demokratija i kachestvo gosudarstva // Kommersant. 2012. 6 fevralja. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>.

Real'noe vremja: Smuta. Uroki istorii // Finam FM. 2012. 27 marta. URL: <http://finam.fm/archive-view/5808/1/>.

Semenjuk A.A. Leksicheskie trudnosti russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1994.

Semeuskij V.I. Politicheskie i obshhestvennye idei dekabristov. SPb., 1909.

Sokolov B. Opushhenie vosstanija // Grani. ru. 2010. 27 dekabnja. URL: <http://grani.ru/opinion/sokolov/m.184864.html>.

Starikov N. Dekabristy sobiralis' bezhat' v Angliju // Zhivoj zhurnal. 2010. 17 dekabnja. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/191541.html>.

Starikov N. Dekabristy – terroristy // Zhivoj zhurnal. 2009. 26 ijulja. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/40330.html>.

Starikov N. Kak predavali Rossiju. SPb.: Piter, 2013.

Starikov N.V. Kto finansiruet razval Rossii? Ot dekabristov do modzhahedov. SPb.: Piter, 2011.

Stepanov I. Za obrazovanie i kul'turu vyzkazalsja deputat Gosudarstvennoj Dumy Vladimir Medinskij // Kurgan i kurgancy. 2011. 4 nojabnja. URL: http://www.kiconline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39697:2011-11-04-14-13-49&catid=26:2010-04-10-06-12-15&Itemid=116.

Vladimir Medinskij: «Mify o Rossii» // Radonezh. 2008. 30 ijunja. URL: <http://www.radonezh.ru/text/8602.html>.

Vladimir Medinskij: «My ne lodyri, ne p'janicy, i Ivan Groznyj ne tiran» // Komsomol'skaja pravda. 2008. 13 fevralja. URL: <http://kp.ru/daily/24049.4/102493/>.

Vladimir Medinskij: «Nasha istorija ne daet nikakih povodov dlja samounichizhenija» // Moskovskie novosti. 2007. 13 dekabnja. URL: http://www.pressmon.com/cgi-bin/press_view.cgi?id=2067579.

Vladimir Medinskij pozval zaural'cev na vybory // UralPolit.ru. 2011. 14 oktjabnja. URL: http://uralpolit.ru/urfo/polit/part/id_254584.html.

Vladimir Medinskij: «U horoshego deputata net svoej pozicii. Est' pozicija izbiratelya» // Edinaja Rossija. Kurganskoe regional'noe otdelenie. 2011. 10 nojabnja. URL: <http://www.edinros-zaural.ru/vladimir-medinskii-u-xoroshego-deputat-net-svoei-pozicii-est-poziciya-izbiratelya.html>.

Vladimir Medinskij: «Vsemu svoe vremja». Besedovala S. Branickaja // Delovye ljudi. 2005. №6. URL: <http://www.medinskij.ru/delovye-lyudi>.

Vosstanie dekabristov. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. T.I. Vosstanie dekabristov. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. T. IV.

Vosstanie dekabristov. M.: Gospolitizdat, 1958. T. VII.

Vosstanie dekabristov. M.: Nauka, 1979. T. XV.

Vosstanie dekabristov. M.: Nauka, 1980. T. XVII.

Vosstanie dekabristov. M.: Nauka; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1950. T. IX.

Vybory-2012. Vladimir Zhirinovskij i Natal'ja Narochnickaja // Pervyj kanal. 2012. 7 fevralja. URL: <http://www.itv.ru/news/weather/198450>.

Zasimova A. Lodku s tech'ju ne raskachat'. Operacija «rokirovka» zavershena. Bor'ba prodolzhaetsja // Sovetskaja Rossija. 2012. 7 marta. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=590317>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

200 лет вместе с Западом. Роль Англии и США в организации революций и переворотов в России // Финан FM. 2009. 24 марта. URL: <http://finam.fm/archive-view/872/>.

Агишева Г. Отец непопулярных реформ // Известия. 2010. 20 октября. URL: <http://www.izvestia.ru/news/367224>.

Батий Д. «Автор должен доказать, что такого рода фразы являются шаблонами» // Коммерсантъ-FM. 2012. 20 января. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1855586>.

Борисов С.Ю. Война мифов // Вечерняя Москва. 2011. 7 февраля. URL: <http://www.vmdaily.ru/showarticle.php?id=194205>.

Владимир Мединский: «Всему свое время». Беседовала С. Браницкая // Деловые люди. 2005. № 6. URL: <http://www.medinskiy.ru/delovye-lyudi>.

Владимир Мединский: «Мифы о России» // Радонеж. 2008. 30 июня. URL: <http://www.radonezh.ru/text/8602.html>.

Владимир Мединский: «Мы не лодыри, не пьяницы, и Иван Грозный не тиран» // Комсомольская правда. 2008. 13 февраля. URL: <http://kp.ru/daily/24049.4/102493/>.

Владимир Мединский: «Наша история не дает никаких поводов для самоуничижения» // Московские новости. 2007. 13 декабря. URL: http://www.pressmon.com/cgi-bin/press_view.cgi?id=2067579.

Владимир Мединский позвал зауральцев на выборы // УралПолит.ру. 2011. 14 октября. URL: http://uralpolit.ru/urfo/polit/part/id_254584.html.

Владимир Мединский: «У хорошего депутата нет своей позиции. Есть позиция избирателя» // Единая Россия. Курганское региональное отделение. 2011. 10 ноября. URL: <http://www.edinros-ural.ru/vladimir-medinskii-u-xoroshego>

deputata-net-svoei-pozicii-est-poziciya-izbitatelya.html.

Восстание декабристов. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. Т. I. Восстание декабристов. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. IV.

Восстание декабристов. М.: Госполитиздат, 1958. Т. VII.

Восстание декабристов. М.: Наука, 1979. Т. XV.

Восстание декабристов. М.: Наука, 1980. Т. XVII.

Восстание декабристов. М.: Наука; Государственное издательство политической литературы, 1950. Т. IX.

Выборы-2012. Владимир Жириновский и Наталья Нарочницкая // Первый канал. 2012. 7 февраля. URL: <http://www.itv.ru/news/weather/198450>.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX веке. М.: Наука, 1985. Т. 1.

Засимова А. Лодку с течью не раскочать. Операция «рокировка» завершена. Борьба продолжается // Советская Россия. 2012. 7 марта. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=590317>.

Ищем выход...: Символы и жесты примирения с историческим прошлым // Эхо Москвы. 2005. 7 сентября. URL: <http://echo.msk.ru/programs/ex-it/38601/>.

Каменев В. Владимир Мединский: история – самая субъективная наука, а политология – вообще не наука // Улпресса. ру. 2011. 27 мая. URL: <http://ulpressa.ru/2011/05/27/article161381/>.

Кафтан Л. Восстанием декабристов руководила граница? // Комсомольская правда. 2010. 16 декабря. URL: <http://kp.ru/daily/24609.3/778204/>.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5.

Королева Н.В., Рак В.Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // В.К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979.

Кошелкин Л. Недетские книжки // БелГазета. 2007. 12 декабря. URL: <http://old.belgazeta.by/20071217.50/460325131/>.

Краснова В. Романовы: империя верных // Эксперт. 2014. № 3. 3 февраля. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/romanovyi-imperiya-vernyih/#.UtzIRdLGxko>

Курчатова Н. Пиар «Россия» // Эксперт. 2008. 17 марта. URL: http://expert.ru/expert/2008/11/piar_rossia/.

Лазарева Е. «У власти мало нравственного авторитета — она нуждается в церкви». Владимир Мединский о царях, святых и вере // Ura.ru. 2011. 1 ноября. URL: <http://ura.ru/content/kurgan/01-11-2011/articles/1036257257.html#war>.

Лобин А. Пещерное источниковедение // Полит.ру. 2012. 13 марта. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/>

Мединский В. Курганские феномены: «Левым боком я уралец, правым боком — сибиряк» // Комсомольская правда. 2011. 24 ноября. URL: <http://kp.ru/daily/25793.4/2775475/>

Мединский В.П. О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Мединский В.П. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007а.

Мединский В.П. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов» М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Междоусобица 1825 года и восстание 14 декабря в переписке членов царской семьи / Подг. Б.Е. Сыроечковского. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.

Мифы о России: Миф о грязи и пьянстве // Эхо Москвы. 2006. 2 октября.

URL: <http://echo.msk.ru/programs/myth/46524/#element-text>.

Мифы о России: Миф о жестокости и кровавости русской истории // Эхо Москвы. 2006а. 11 ноября. URL: <http://echo.msk.ru/programs/myth/47281/#element-text>.

Мифы о России: Десять веков русской демократии. Миф о авторитаризме политической традиции // Эхо Москвы. 2006б. 30 октября. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/myth/47153/#element-text>.

Назаров А. Мифы о России // Взгляд. 2006. 21 сентября. URL: <http://vz.ru/society/2006/9/21/49775.html>.

Нарочницкая Н., Смирнов А. Невыученные уроки. Русской Государственной Думе исполнилось 100 лет // Столетие. 2006. 27 апреля. URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/neviuchennye_uroki.htm.

Наталья Нарочницкая: Революция — духовное детище интеллигенции // Политический журнал. 2007. 31 октября. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7498&issue=205>.

Николай Стариков: Путин должен остаться // Наши. 2010. 17 марта. URL: <http://www.nashi.su/news/30568>.

О необходимости единого учебника по истории заговорили в Комитете Госдумы РФ по культуре // Историческая память. 2011. 30 ноября. URL: http://www.historyfoundation.ru/news_item.php?id=2367.

От декабристов до большевиков: Яков Гордин и Николай Стариков обсуждают в гостях у Виктора Резункова, кто и как стремился развалить Россию // Радио Свобода. 2010. 26 октября. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2203185.html>.

От декабристов до террористов // Rutube. 2010. 11 февраля. URL: <http://rutube.ru/tracks/2923344.html>.

Павленко В. Развенчивание мифов как новая PR-технология // Blogpr.ru. 2007. 23 декабря. URL: <http://www.blogpr.ru/node/1032>.

Политика и история от Nekto Nemo // G-sector.ru. 2007. 26 декабря. URL: <http://www.g-sector.ru/posts-q3657-d130.htm>.

Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился с политологами // Правительство России. 2012. 6 февраля. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18008/>.

Публицист Николай Стариков встретился с псковскими почитателями // ПАИ. 2010. 10 декабря. URL: <http://informpskov.ru/society/70982.html>.

Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>.

Реальное время: Смута. Уроки истории // Финан FM. 2012. 27 марта. URL: <http://finam.fm/archive-view/5808/1/>.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Семенов А.А. Лексические трудности русского языка. М.: Русский язык, 1994.

Соколов Б. Опускание восстания // Грани.ру. 2010. 27 декабря. URL: <http://grani.ru/opinion/sokolov/m.184864.html>.

Стариков Н. Декабристы собирались бежать в Англию // Живой журнал. 2010.

17 декабря. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/191541.html>.

Стариков Н. Декабристы – террористы // Живой журнал. 2009. 26 июля. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/40330.html>.

Стариков Н. Как предавали Россию. СПб.: Питер, 2013.

Стариков Н.В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2011.

Степанов И. За образование и культуру высказался депутат Государственной Думы Владимир Мединский // Курган и курганцы. 2011. 4 ноября. URL: http://www.kiconline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39697:2011-11-04-14-13-49&catid=26:2010-04-10-06-12-15&Itemid=116.

Цисарев С. Владимир Мединский: «Мы увлечем чиновников историей!» // Курган и курганцы. 2011. 11 октября. URL: http://kiconline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39165:1-r&catid=140:2010-05-07-07-13-06&Itemid=144.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. Секретная династия. М.: Вагриус, 2008.

Эрлих С.Е. Апельсины на снегу // Русский журнал. 2005. 26 декабря. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Apel-siny-na-snegu>.

[Якушкин И.Д.] Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.

А.В. Лямзин, К.В. Якимов

«БАТАЛЬОНЪ» Д. МЕСХИЕВА — ОДИН ВЗГЛЯД ДВУХ РЕКОНСТРУКТОРОВ

У авторов данного текста фильм не вызвал столь гневного отторжения, как у некоторых наших молодых коллег по «реконструкторскому цеху». Дело в том, что особых иллюзий по поводу фильма не было с самого начала; в данном случае, шагая в кинотеатр, авторы ставили перед собой цель не столько считать недостатки, сколько увидеть что-то новое на фоне отечественных фильмов и сериалов об эпохе начала XX в., которых в принципе не так много («Империя под ударом», «Гибель Империи», «АдмиралЪ», «Распутин», «Исаев»), особенно по сравнению с тематикой Великой Отечественной войны. Благо, у «Батальона» не было столь раздражающего мощного предварительного идеологического бэкграунда в стиле «великое кино о великой войне».

По нашему мнению, фильм выдержан в духе лучших советских героико-исторических фильмов с незамысловатой идеей, несложными персонажами, простой фабулой, и, конечно, он не предназначен для утонченных ценителей историче-

ского прошлого, таких, например, как военно-исторические реконструкторы. Скорее, ориентирован на широкого зрителя и подрастающее поколение, у которого вообще очень туманные представления об эпохе Первой мировой войны. При этом во главу угла произведения поставлена старинная некраевская идея о «Долюшке женской», которая в советское время стала еще более выпукло просматриваться в знаменитом кинематографическом образе Простой Русской Бабы, «мужем битой, врагами стрелянной», выносящей на своих неаппетитных трудовых плечах великие горести и беды Земли Русской.

Понятно, что это лишь художественный образ; понятно, что показанные события слабо соотносятся с реальной историей Марии Бочкаревой и ее батальона. Но в рамках этого искусственного, притчевого художественного образа почти все персонажи раскрыты недурно. Мария Аронова играет прекрасно, лепит свою героиню с первых слов про «испорченное военное имущество», создавая иллюзию ар-

хетипического «самодура-строево-го-сержанта» из голливудских военных фильмов. Однако это именно иллюзия, которая распадается при последующих перипетиях героини, включая и сцену избиения ее мужем-доходягой, которого, понятно, она могла бы «раскатать в блин», но как истинный образчик русской бабы не сделала этого, ибо должна стерпеть и превозмочь. Ибо бьет, значит — любит. Такая уж женская доля!

Неплохо показаны и прочие добровольцы от великосветских субреток до крестьянок. Конечно, нынешние типажи городских девушек-актрис с их субтильными фигурками и точными шейками отличаются от генотипа русских баб начала XX в. Но так где ж их взять — обветренных, огрубелых, с мозолистыми руками и хриплыми голосами? Разве что в женских исправительно-трудовых колониях или лагерях. Впрочем, одна из ошибок создателей, на наш взгляд, в том, что они пытались показать весь ужас пребывания тонких женственных созданий в окопной гнили, забывая о том, что это ужас лишь с позиций современной урбанизированной женщины. А для бабы-крестьянки начала XX в. грязь, гной, кровь, смерть (и дурно пахнущие мужики) были, в конечном счете, не столь уж непривычными явлениями повседневности. Особенно на фоне затянувшейся войны. Впрочем, скажем прямо, «чернухи» в фильме не столь много, сколь любит современный кинематограф. И это тоже плюс.

В целом мы солидарны с авторами других рецензий — складывается

ощущение оборванности повествования, хочется больше видеть этих персонажей в мирном и военном быту, но хронометраж картины невелик. Кажется, лучше было бы сделать фильм в двух частях: первая серия — «В тылу», вторая — «На фронте». А так пропали многие потенциально интересные герои. Например, офицеры-мужчины, невольно оказавшиеся в условиях специфического женского коллектива. Среди них — один из моих любимых питерских актеров Константин Воробьев (Федот-стрелец), мастер создания запоминающихся второстепенных образов. Говорят, что дальше будет еще и сериал, и в этом главная причина указанного «лага». Тогда остается только посоветовать на порочную практику современной кинематографии, в которой зачастую фильм превращается в, своего рода трейлер к последующему сериалу.

Странно, но в фильме мало актрисы Марии Кожевниковой. Из рекламных роликов, публикаций, казалось, что она и будет вторым главным персонажем после Бочкаревой, уж слишком ее пиарили. Но нет — в фильме история Натальи Татищевой (героиня М. Кожевниковой) коротка. Вероятно, оно и к лучшему, хотя в рамках своей небольшой роли Мария смотрится достойно.

Даже отрицательные персонажи не лишены обаяния — это и долговязый немец «душегуб-душенец» в плаще (который и швец и жнец, и разведчик и бомбометчик), и солдаты-дезертиры. По крайней мере они запоминаются. В какой-то момент я даже начал сочувствовать спокой-

ному оратору — главарю дезертиров. В самом деле — за кого воевать в условиях, когда рыба сгнила с головы, а дома — детям есть нечего?!

Единственный, кто серьезно разочаровал — это Марат Башаров. Столь интересного, многогранного персонажа, как Александр Федорович Керенский, он превратил в брызжущего слюной неврастеника (примерно так «ходульно» изображали в 90-е гг. Ильича). Сцены заседаний военного совета с его участием были откровенно скучны и примитивны. Да и внешне Марат Алимжанович со своей холеной внешностью мало походит на Александра Федоровича. Лучше взяли бы на эту роль Сергея Угрюмова (Керенский из сериала «Распутин»), который и внешне гораздо ближе к оригиналу, и сыграл его насыщеннее.

Самый же «драйв» остается, конечно, от сцены атаки в противогасах. Понятно, что ерунда полная, понятно, что странного вида газовые бидоны, падающие в окопы с аккуратностью высокоточного оружия, мало походят на боеприпасы от химических мортир. Но, право, сколь стильно и смачно снята эта «готичная» рукопашная в масках! Если бы этот эпизод и был первым и последним боем батальона, с подлинными чудовищными потерями, всё было бы выше всяческих похвал. Но добровольцы обратили в бегство супостата поразительно малой кровью. Да и ладно! Главное — «трэш, грязь, штыки, с чавканьем входящие в мундиры», немецкие рогатые каски с мертвыми глазами противогасов, русские газовые маски,

напоминающие клювы «чумных докторов»! Все это напоминает депрессивную графику Отто Дикса.

По правде сказать, нечто подобное ожидалось на заре 1990-х гг. от анонсированного коротеньким трейлером фильма Сергея Федоровича Бондарчука «Тихий Дон». Там изображалось дымящееся поле, усеянное телами убитых (как на картине В.В. Верещагина «Панихида»), по которому ходят какие-то одинокие люди, то ли ищущие раненых, то ли сборщики трупов. Та слащавая картинка, которую потом показали, заронила в душу конспирологические подозрения о таинственном исчезновении подлинника бондарчуковского «Тихого Дона».

Российские фильмы о войне за последнее время сделали большой шаг вперед. Правда это шаг в материально-техническом оснащении и проработке деталей материальной культуры. Видимо, сказались и сотрудничество с реконструкторами. Фильм снимался при тесном сотрудничестве с РВИО (Российским военно-историческим обществом), одним из консультантов, очевидно, был Николай Бордунов — яркий и достойный специалист по эпохе Первой мировой.

Шаг вперед сделал Дмитрий Месхиев, который нашему брату-реконструктору чаще известен только по одному фильму — «Свои». Кажется, что здесь (в «Батальоне») он смог развернуться в полную силу. Точнее, развернуть небольшой эпизод рукопашной схватки советских окруженцев с немецкими мотоциклистами в целое батальное полотно Первой

мировой, которое достигает своего пика в сцене газовой атаки.

Вот эти сцены окопных боев и рукопашных схваток — самое интересное и важное в этом фильме. Они показывают, что такое война, показывают это нашему русскому человеку, которому может быть трудно воспринять как настоящих иностранных артистов в зарубежных фильмах. И по окончании фильма, становится грустно и стыдно — стыдно за людей, которые молчаливо, а порой с большим воодушевлением делают возможной очередную бессмысленную кровавую бойню.

От Д.Д. Месхиева ожидалась некая суровая правда, близкая к фильму «Свои». Но вот тут, в отличие от материальной, вещественной стороны фильма, он сделал как раз довольно широкий шаг назад. Я имею в виду самое сложное для художника — обретение новых смыслов, обобщение и анализ. Эти задачи всегда стоят очень остро для любого режиссера, живописца или писателя. И что мы видим в итоге — очередное повторение советского кинематографа. Многократное шаблонное повторение патриотических лозунгов, приводящих автора к абсурдному финалу — безумной атаке дезертиров.

Мы не знаем, кто это всё насоветовал Д.Д. Месхиеву. Хотя почему не знаем — длинный список людей и организаций перечисляется в самом начале картины. Это продюсеры Ф.С. Бондарчук, И.С. Угольников, это ряд организаций, участвовавших в съемках — Первый канал, Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной

кинематографии, Русское географическое общество. Но насколько далеко они увели режиссера и зрителя от глубокого гуманистического смысла фильма «Свои», где Богдан Ступка, играющий старосту оккупированной немцами деревни, каждую минуту думает о том, как ему спасти своих родных и почти совершенно незнакомых ему, но русских людей, находящихся между сталинским молотом и гитлеровской наковальней...

Конечно, безумно надоели режиссерские поиски зрелищных образов, воплощенные в совершенно фантастических искусственных сценах. Опять горящее топливо, опять наступление толпами на фоне огня, православное стояние со свечами в окопах и прочие «рояли» на немецких позициях! Конечно, по количеству таких фантазий «Батальонъ» сильно уступает фильму Федора Бондарчука «Сталинград», но всё же... Возникает вопрос: зачем придумывать параллельную реальность, если вполне историческая фактура конца Первой мировой войны может предоставить столько вкусного материала?! Вероятно, это уже последствия исторического невежества наших режиссеров, избавившись от которой, видимо, в ближайшем будущем не получится.

Итак, авторы рецензии ставят фильму «Батальонъ» твердую четверку и считают, что средства, потраченные на фильм, соотносятся с его качеством. Окупится ли он — вопрос открытый. Однако, безусловно, данное произведение имеет право на существование. Это не Великое Кино, но Кино, которое стоит посмотреть еще раз точно.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

Первая мировая война весьма широко представлена в мировом кинематографе. Не считая фильмов военных лет, в основном короткометражных и преимущественно агитационных, начиная с 1918 г. в США, Германии, Италии, Франции, Великобритании и других странах – участницах войны, в том числе в бывших доминионах Британской империи – Новой Зеландии, Австралии и Канаде, было снято около 200 полнометражных художественных кино- и телевизионных фильмов без учета лент, посвященных событиям, которые война породила (восстание арабов в Османской империи¹, революции и Гражданская война в России, греко-турецкая война 1919–1922 г. и др.)².

Среди упомянутых фильмов можно вспомнить целый ряд заметных работ: «Большой парад» (1925, США, реж. Кинг Видор) – один из наиболее коммерчески успешных немых фильмов; «На западном фронте без перемен» (1930, США, реж. Льюис

Майлстоун) и «Прощай, оружие!» (1932 г., США, реж. Фрэнк Борзейги) – первые экранизации одноименных романов Эриха Марии Ремарка и Эрнста Хемингуэя; «Великая иллюзия» (1937, Франция, реж. Жан Ренуар) – один из самых известных французских фильмов 1930-х гг., «Тропы славы» (1957, США, реж. Стэнли Кубрик) – фильм, почти 20 лет подвергавшийся бойкоту в Европе; «Большая война» (1959, Италия, реж. Марио Моничелли) – победитель Венецианского фестиваля 1959 г.; «За короля и Отечество» (1964, Великобритания, реж. Джозеф Лоузи); «Джонни взял ружье» (1971, США, реж. Далтон Трамбо); гротескная кинопритча «И корабль плывет» (1983, Италия, реж. Федерико Феллини) и др. Из недавних фильмов можно отметить «Раны войны» (2013, Австралия, реж. Юхан Эрл и Адриан Пауэрс), «Йозеф» (2011, Хорватия, реж. Станислав Томич), «Святой Георгий убивает змия» (Сербия, 2009, реж. Душан Ковачевич) и в известной мере «Белая лента» (2009, Австрия, реж. Михаэль Ханеке) – фильм-пророчество, посвященный преддверию Первой мировой войны, получивший Золотую пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля³.

³ В основном фильм посвящен всё же не столько причинам Первой мировой войны, сколько природе тоталитарного

¹ Этой теме посвящен широко известный эпический фильм «Лоуренс Аравийский» (1962, США, реж. Дэвид Лин). События фильма происходят в 1916–1918 гг., но не имеют прямого отношения к событиям европейской войны.

² Подробный очерк можно найти в обобщающей работе Майкла Пэриса [Paris M., 2000].

Не трудно заметить, что все наиболее популярные и художественно значимые ленты о Первой мировой войне — это антивоенные картины, самых разных жанров от комедий до фильмов ужасов⁴, многие — по оригинальным сценариям. То, что только за последние 10 лет в Европе, США и странах британского Содружества наций было снято около 30 фильмов на тему Первой мировой войны, само по себе говорит о том, что она не забыта и по-прежнему играет заметную роль в самосознании участвовавших в ней народов.

Зияющее исключение в этом ряду составляют Россия и республики бывшего СССР. После 1918 г. на осколках Российской империи⁵ был снят лишь один художественный фильм (в 1987 г.), посвященный непосредственно Первой мировой войне (см. ниже). Память о ней была вытеснена из кинематографа, как и в целом из исторического самосознания народов СССР последующими революционными событиями и Гражданской войной, на фоне которых предшествовавшая европейская война потеряла самостоятельную ценность и звучание.

сознания 1920–1940-х гг., прежде всего нацизма.

⁴ Среди последних нельзя не отметить пронзительную своим антивоенным звучанием мистическую картину «Джорджино» (1994, Франция, реж. Лоран Бутонна), в которой состояние французского и, шире европейского общества времен войны сравнивается с жутковатой психиатрической лечебницей, а конец войны знаменуется озверевшим от отчаяния плачем овдовевшей деревни, в которую вернулся лишь один мужчина.

⁵ За исключением Польши.

Естественно, такие фильмы снимались в ходе самой войны в период 1914–1916 гг., хотя и тогда они занимали относительно скромное место, заметно уступая салонным драмам, бытовым и уголовно-приключенческим картинам [Лебедев, 1965]. Из примерно 3000 художественных фильмов, снятых в Российской империи в 1908–1917 гг., до наших дней сохранилась только десятая часть, но общий киноконтекст того времени можно видеть уже по названиям утраченных лент:

1914 год: «В борьбе народов», «В кровавом зареве войны», «В огне славянской бури», «Борцы великой Польши», «Война и евреи», «Гроза войны», «Долой немецкое иго!», «За веру, царя и отечество», «Лицо войны», «Мания войны», «На защиту братьев-славян», «Не так страшен немец, как его малюют», «Немецкое засилье», «Отъезд на фронт, или любовь денщика», «Под пулями немецких варваров», «Подвиг казака Кузьмы Крючкова», «Подвиг рядового Василия Рябова», «Прусский горе-Наполеон», «Тайна германского посольства», «Теща в плену у германцев», «Тоже война», «Турецкий шпионаж», «Юный герой Бельгии»;

1915 год: «В лучах германских прожекторов», «В сетях германского шпионажа», «Внимая ужасам войны», «Во славу русского оружия», «Война и дети», «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой», «Героический подвиг телефониста Алексея Манухи», «Геройский подвиг рядового Панасюка», «Гибель американского миллиардера на “Лузитании”», «Грядущая Русь», «Доклад

австрийского штаба», «Еврей-доброволец», «За Родину», «Золото за славянскую кровь, или Фердинанд — предатель Болгарии», «Иуда — коронованный предатель Болгарии», «Как немец обезьяну выдумал», «Мировая война, или за царя, родину и славянство», «На поле брани» и пр.;

1916 год: «В кровавом яростном бою», «Герои мировой войны братья Панаевы», «Спите, орлы боевые».

В наиболее полном печатном каталоге сохранившихся дореволюционных фильмов (305 картин) «Великий Кино» [Великий Кино, 2002] содержится всего 11 отечественных картин периода войны, так или иначе ей посвященных:

1914 год

- «Огнем и кровью» (вып. 14.10.1914, т-во «Танагра», СПб, реж. Михаил Мартов) — боевик на злобу дня со сценами зверств немецких солдат над мирным польским населением на основе реальных событий, произошедших в польском городе Калиш в августе 1914 г.⁶;
- «Король, закон и свобода» (вып. 25.10.1914, акц. о-во А. Ханжонков и К°, реж. Петр Чардынин) — авторизованная экранизация одноименной пьесы Леонида Андреева о немецком завоевании

Бельгии и вызванной им трагедии бельгийского населения;

- «Слава нам, смерть — врагам» (вып. 01.11.1914, акц. о-во А. Ханжонков и Ко, реж. Евгений Бауэр);
- «Рождество в окопах» (нет данных, реж. Яков Протазанов).

1915 год

- «Дочь истерзанной Польши, или Культурные варвары XX века» (вып. 13.11.1915, т/д «Русь», реж. Александр Чаргонин) — по мотивам рассказа Ги де Мопассана «Мадемуазель Фифи», лубочная картина, повествующая с преувеличениями о зверствах немецких офицеров в Польше;
- «Лилия, или Страдание и возрождение Бельгии» (дата выпуска неизвестна, Скобелевский комитет, реж. Владислав Старевич) — сказочная аллегория гибели лилии от нашествия жуков признанного пионера объемной мультипликации.

1916 год

- «Вова приспособился» (вып. 20.03.1916, «Русская золотая серия», реж. Александр Уральский) — на основе пьесы Петроградского интимного театра, часть комедийного минисериала о похождениях везучего, храброго и молодого аристократа Вовы, барона фон Штрика, в данном случае о его призыве в действующую армию;
- «Вова на войне» (дата выпуска неизвестна, акц. о-во «А. Дранков и Ко», реж. Александр Вернер) — продолжение походов Вовы

⁶ Из записки ревизора Калишско-Петроковского акцизного управления инженера-технолога З.И. Опшмана // http://www.grwar.ru/library/German-Crime/GC_11.html (дата обращения 14.08.2014).

- вы, теперь в армейской казарме, в окопе и на территории врага;
- «Мародеры тыла, или В вихре спекуляций» (вып. 30.07.1916, акц. о-во «Г. Либкин и К°», реж. Сигизмунд Веселовский) – злободневная драма о спекуляциях купцов на внутреннем рынке во время войны;
  - «Всколыхнулась Русь сермяжная и грудью стала за святое дело, или На ратный подвиг во славу русского оружия» (вып. 26.09.1916, т/д «Кино-альфа» А. Ломашкина и А. Апишева, реж. Борис Светлов и Георгий Инсаров);
  - «Умер бедняга в больнице военной, или Солдатская жизнь» (вып. 21.10.1916, Скобелевский комитет, реж. А. Ивонин) – аляповатый лубок, иллюстрирующий одноименное стихотворение великого князя Константина Романова.

Даже по этим немногим сохранившимся картинам видно, что фильмы военной тематики в 1914–1916 гг. снимали все крупнейшие русские режиссеры того времени: Евгений Бауэр, Петр Чардынин, Яков Протазанов, Владислав Старевич. Вместе с тем очевидно, что, будучи современниками событий, не зная их развязки, связанные агитационным и/или развлекательным характером самих постановок, даже эти лучшие режиссеры не могли подняться до уровня обобщений и осмысления хода или тем более сути идущей войны. Художественную же ценность среди уцелевших фильмов имеет, пожалуй, лишь сказка «Лилия» Владислава Старевича, на несколько десятилетий, как известно, опередившего развитие мировой мультипликации.

Картин 1917 и 1918 гг., как-либо касавшихся Первой мировой войны, в рассмотренном каталоге не содержится. Тема войны, судя по представленному выше перечню фильмов, и без того стала сходить на нет в 1916 г., а после Февральской революции была, по всей видимости, окончательно вытеснена новой общественно-политической реальностью, причем это касалось не только нарождавшейся начиная с января 1918 г. советской кинематографии, но и тех многочисленных дореволюционных кинематографистов, которые вынуждены были эмигрировать после 1918 г.⁷

В последующие 40 лет образ Первой мировой войны лишь изредка проскальзывал в советской кинематографии, несмотря на то что многие ее картины были посвящены революционным событиям 1917 г. и Гражданской войне 1918 г., т. е. времени, предшествующему часто не только ноябрю 1918 г., но и Брест-Литовскому миру. Эхо войны воплощалось в основном в большом количестве вооруженных людей в солдатских шинелях, переходящих из фильма в фильм, непонятно (для не знающих исторического контекста) откуда взявшихся, но действовавших, как правило, на пользу революции.

Исключения были немногочисленны. Первым из них можно считать «Октябрь» Сергея Эйзенштейна (1927, «Совкино»). В нем предпринята, пожалуй, единственная в отечественном кинематографе попытка создания поэтического образа

⁷ См. в частности: [Нусинова, 2004].

ненужности войны (не экзистенциальной бессмысленности, как в западном кинематографе, а именно невостребованности ее народом). Ключом к нему является дважды повторяемый кадр оружейных штыков, втыкаемых в землю. На дворе лето 1917 г., солдаты совсем не хотят воевать, и готовы брататься с врагом, их веселые, смеющиеся, простые крестьянские лица жаждут мира, о котором лицемерно провозглашают в церквях, но Временное правительство своей антинародной политикой вместо него посылает на их головы вражеские снаряды, и они, даже не думая братья за оружие, прячутся по окопам. После этого более чем естественным выглядит их нежелание участвовать в Корниловском мятеже и, напротив, душевная открытость большевистской пропаганде.

Три года спустя появилась и первая одноименная экранизация романа «Тихий Дон», тогда еще незаконченного (1930, «Мосфильм», реж. Ольга Преображенская и Иван Правов). Однако, фильм, снятый только по первой книге романа⁸, не содержит никакого внятного образа войны. Единственная сцена, ей посвященная, представляет собой сумбурную иллюстрацию к гл. XIII 3-й части книги, смешанной с гл. V той же части, т. е. атаки казаков, убийства австрийского солдата (а не венгерского офицера) и тяжелого ранения Григория.

⁸ В большинстве описаний фильма говорится, что он снят сразу по двум книгам романа, но хронологически его действие обрывается последней, XXIV главой первой книги. На момент создания фильма были опубликованы уже первые главы 3-й книги.

Первым дням Первой мировой войны был посвящен конец фильма «Возвращение Максима» (1937, «Ленфильм», реж. Григорий Козинцев и Леонид Трауберг). Действие его, однако, ограничивается только торжественным народным маршем по случаю объявления войны, сбором солдат на фронт на вокзале и началом политической большевистской агитации Максима среди солдат.

Наибольший вклад в создание образа Первой мировой войны в сталинскую эпоху внес фильм «Человек с ружьем» (1938, «Ленфильм», реж. Сергей Юткевич). Первый советский фильм, в котором была предпринята попытка создать образ солдата Октябрьской революции и соответственно Первой мировой войны (в лице почти уже пожилого Ивана Шадрина, того самого «человека с ружьем»). Попытка, на наш взгляд, далеко не безуспешная, хотя и сильно идеологизированная. События фильма, впрочем, касаются только последних месяцев войны, уже после прихода к власти большевиков, и сам фильм посвящен совсем не войне, а, скорее, созданию поэтического образа Владимира Ленина. Отношение постановщиков к войне лучше всего передает первый кадр фильма с фронтовым плакатом «Долой войну!». В этом фильме, пожалуй, впервые было показано плавное, почти как естественный процесс, перетекание Первой мировой войны в войну Гражданскую. Нельзя не отметить и то, что «Человек с ружьем» — это единственный, не считая «Гибели империи», отечественный фильм, в котором воспроизводится хотя

бы отчасти быт фронтовых солдат времен Первой мировой войны.

Относительно полное молчание революционной кинематографии 1920-х гг., своей художественной и идейной мощью довлевшей над советским кинематографом по крайней мере вплоть до начала 1960-х гг., предопределило, на наш взгляд, не менее удивительное явление: тема Первой мировой войны осталась не востребованной и в последующий период. Однако ключевую роль в этом сыграли все-таки Гражданская и Великая Отечественная войны, на прославление, а позже и на осмысление которых были брошены все кинематографические силы, которые интересовались военной тематикой как таковой.

Поэтому, когда с началом хрущевской Оттепели ослабла цензура, единственными режиссерами, которые не смогли пройти мимо темы Первой мировой войны, оказались постановщики двух эпических романов: всё того же «Тихого Дона» Михаила Шолохова и «Хождения по мукам» Алексея Толстого. Оба произведения в послевоенный период экранизировались дважды: «Тихий Дон» в 1957–1958 гг. Сергеем Герасимовым и в 1986–1992 гг. Сергеем Бондарчуком⁹, «Хождение

по мукам» — в 1957–1959 гг. Григорием Рошалем и в 1977 г. Василием Ордынским. Экранизации обоих романов, особенно первые из них, снимавшиеся практически одновременно, имеют много общего с точки зрения создания художественного образа войны.

С точки зрения Первой мировой войны основное внимание в обеих экранизациях «Тихого Дона» обращено на три эмоционально наиболее сильных эпизода романа: часть 3-я, гл. V (первый бой Григория, убийство австрийского солдата), часть 3-я, гл. XX (убийство венгерского офицера и ранение Григория) и часть 4-я, гл. IV (спасение Григорием Астахова). Первые два эпизода были соединены в один, причем с переменной последовательности и содержат в себе основной, но не единственный в советском кинематографе образ врага, с которым русская армия столкнулась в Первой мировой войне. Образ этот, целиком восходящей к роману Шолохова, гуманистичен по своей природе, сострадателен и совершенно не знает ни ненависти, ни осуждения. Это в общем-то не образ врага, а образ жертвы, убийство которой оставляет тяжелый шрам на душе русского солдата. Постановка Сергея Бондарчука ничего нового не привнесла в этот образ по сравнению с трактовкой Герасимова, при этом в эмоциональном, и художественном плане, на наш взгляд, заметно ей проигрывает.

В «Хождениях по мукам» Рошала¹⁰ создается второй образ врага, более

⁹ Монтажная версия фильма, подготовленная в 1992 г. Сергеем Бондарчуком, существует, но до сих пор не вышла в свет. Фильм 2006 г., как в кино, так и в телевизионной версиях — это монтажная работа Федора Бондарчука, выполненная им на основе рабочих материалов к фильму своего отца в 2005–2006 гг., в связи с чем его, на наш взгляд, следует считать полноправным соавтором фильма в том виде, в каком он известен сегодня.

¹⁰ Первой мировой войне, и то только в виде небольших эпизодов, посвящена лишь

подробный, чем первый, но менее целостный и явно отрицательный, даже с некоторыми элементами сатиры. Это австрийские надзиратели и судьи в концентрационном лагере для русских военнопленных, куда попадает Телегин. Сама история пленения и попыток бегства Телегина в фильме сильно сжата, ограничена только волнениями после самоубийства Вискобойникова. Стоит отметить, что это, пожалуй, первый, не считая картины «Сорок первый» в постановке Григория Чухрая (1956)¹¹, отечественный фильм, где с явной симпатией были описаны кадровые офицеры русской армии (не только Телегин), воевавшие в Первую мировую войну. Только значительно позже на экранах появятся «В огне брода нет» (1967), «Служили два товарища» (1968), «Адъютант его превосходительства» (1969), «Человек с другой стороны» (1971), «Дни Турбиных» (1976) и другие фильмы о Гражданской войне, где те же офицеры будут выступать уже в качестве участников Белого движения или режиссеров Красной армии.

Еще меньше в постановке Рошаля собственно войны. Самый яркий эпизод, связанный с ней, — это пе-

---

первая часть трилогии «Сестры», что соответствует структуре самого романа.

¹¹ Действие повести Бориса Лавренева, легшей в основу фильма, происходило в песках Кара-Кума и на Аральском море во время Гражданской войны, т. е. прямого отношения к событиям Первой мировой войны не имеет. В более ранней постановке той же повести, выполненной Яковом Протазановым (1926), образ поручика Говорухи-Отрока трудно назвать положительным и тем более детально проработанным, как в случае с фильмом Чухрая.

редвижение русской армии по утопающей в грязи дороге.

В фильмах Герасимова и Рошаля очень похоже воспроизводится эпизод с объявлением казакам/солдатам в марте 1917 г. о переходе командования над армией Временному правительству и те волнения, которые эта новость и способ ее подачи вызывает в их рядах.

Постановка Василия Ордынского более чем в три раза превосходит трилогию Рошаля по метражу, что обусловило и большее место, уделяемое в ней войне. Прежде всего широко освещена первая реакция петербургской интеллигенции, в том числе офицеров, на начало войны (2-я серия). Есть несколько батальных сцен, впрочем, небольших, которых не было у Рошаля, но при этом совершенно утрачен образ врага — его вновь просто нет.

В 1986 г. был экранизирован еще один русский эпический роман XX в. «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького («Ленфильм», реж. Виктор Титов). Время Первой мировой войны укладывается в последнюю, 14-ю, серию этого телефильма. В картине впервые был поднят вопрос о разложении русского офицерства в лице подпоручика Петрова (до и после этого «разлагались» в основном солдаты).

Небольшой вступительный эпизод, связанный с Первой мировой войной, присутствует в фильме Николая Рашеева и Аркадия Народицкого «Бумбараш» (1971), поставленный по ранним произведениям

Аркадия Гайдара. В нем сатирически обыгрываются простоватость русских солдат (прежде всего в лице самого Бумбараша), безразличие к жизни солдат со стороны младшего командира, используемые в русских войсках методы разведки, а также, что, пожалуй, самое интересное в этом эпизоде, — театрально-наигранный, насмешливый образ немецкого офицера и массы солдат, боязливо оцетинившихся вокруг незадачливого русского солдата на воздушном шаре. Несерьезность, комичность врага подчеркивается самым моментом, в котором их застала русская разведка, — обеденным перерывом. Время указанного эпизода датировано 12 октября 1916 г. В «Бумбараше» кратко затронута и восходящая еще к «Октябрю» и «Человеку с ружьем» тема усталости солдат — недавних крестьян от непонятной для них войны (эпизод с паровозом, обвешанным большевистскими лозунгами, на котором Бумбараш возвращается с фронта в родное село).

В 1986 г. Александр Сокуров завершил экранизацию пьесы Бернарда Шоу о нравственном разложении британского общества времен Первой мировой войны «Дома, где разбиваются сердца» (пьеса была написана в период 1913–1917 гг.). Фильм под характерным названием «Скорбное бесчувствие» обнажает внутреннее обесчелочение людей, которое, по всей видимости, если следовать основной идее фильма, и стало первопричиной Первой мировой войны. Сама война отражена в фильме только несколькими врезками из документальной хроники (без ясного указания на место

и время)¹² и постоянно присутствующими фоновыми звуками разрыва снарядов, сирен и свиста пуль. То есть как таковой войны в фильме нет, тем более нет ничего, связанного с участием в этой войне России. Однако это единственная отечественная картина, где столь прямо и остро говорится, что война (не Первая мировая война, а скорее война как историческое явление) есть следствие внутреннего разложения человека. Это выбивает фильм Сокурова не только из общего ряда отечественных фильмов о войне, но и из основного контекста западного антивоенного кинематографа, для которого характерно восприятие войны как стихии, разлагающей человека, и потому не имеющей человеческого смысла. Сокуров, вслед за Б. Шоу, напротив, утверждает осмысленность войны: ее порождает не внешняя стихия, а внутренний кризис самого человека.

К сожалению, в силу художественной сложности «Скорбное бесчувствие» не имело и не могло иметь большого общественного резонанса, будучи неинтересным и малопривлекательным широкому зрителю.

На заре Перестройки был экранизирован роман Валентина Пикуля, написанный им в 1970 г., «Монзонд» (1987, «Ленфильм», реж. Александр Муратов), посвященный военным действиям на Балтийском море в 1915–1917 гг. Эту экранизацию можно считать единственным

¹² В «Скорбном бесчувствии» документальная хроника занимает более трети экранного времени, но лишь незначительная ее часть посвящена событиям Первой мировой войны.

отечественным фильмом, целиком и непосредственно (в отличие от «Скорбного бесчувствия») посвященным событиям Первой мировой войны. Фильм достаточно подробно и близко к историческим реалиям (насколько близок был к ним сам Пикуль) рассказывает о боевой службе эскадренного миноносца «Новик» в 1915–1917 г., а также об обороне Ирбенского пролива батареями № 43 Моонзундской позиции Морской крепости Императора Петра Великого на мысе Церель с 29 сентября по 7 октября 1917 г. Некоторые короткие эпизоды фильма посвящены адмиралу Эссену, командовавшему Балтийским флотом с начала войны вплоть до своей смерти в мае 1915 г. (его образ в фильме выписан предельно положительно), и на тот момент капитану, руководителю Минной дивизии Балтийского флота Колчаку. Еще раз главный герой фильма встречается с Колчаком перед отъездом последнего за границу, видимо, в июле 1917 г.

Основное место в фильме занимает тема разложения флота (падение дисциплины, неуважение к офицерам и как закономерный итог бегство значительной части матросов с поля боя) вследствие революционных событий в Петрограде, при этом начало брожений среди матросов относится здесь еще к 1915 г. Вместе с тем идейную основу фильма составляет всё же не война, а острые споры о будущем России, как его видит старший лейтенант Артемьев (главный герой) и его невольный товарищ по оружию матрос-большевик Семенчук. То есть и в этом фильме тема войны

заслоняется революцией, нарастающей анархией и предощущением Гражданской войны. Военные события выступают в сущности как иллюстрация пагубности революции для страны.

Значительно позже, уже в 2000-е гг. появилось еще две картины, в которых заметное место было отведено Первой мировой войне: 6 из 10 серий¹³ телесериала о борьбе контрразведки с немецкими шпионами «Гибель империи»¹⁴ (2005, реж. Владимир Хотиненко) и художественная биография Александра Колчака «Адмираль»¹⁵ (2008, реж. Андрей Кравчук). Однако и эти две работы сохранили характерную черту советского восприятия Первой мировой войны — только как фундамента для революций 1917 г. В то же время это первые после 1930-х гг. отечественные фильмы, затрагивающие Первую мировую войну, основанные на оригинальных сценариях.

Во всем, что касается войны, «Адмираль» содержательно и по тональности весьма близок «Моонзунду». Отличия заключаются в более

¹³ Первые две серии описывают события июня–июля 1914 г., предшествовавшие войне, последние две серии — события 1918 г. уже после заключения Брест-Литовского мира.

¹⁴ Название фильма перекликается с более ранней картиной «Крушение империи» (1970, реж. Владимир Корш-Саблин и Николай Калинин), посвященной преддверию и событиям Февральской революции 1917 г. и ограниченной пространством Петрограда и ставки Николая II. Первая мировая война в данном фильме непосредственно никак не отражена.

¹⁵ Фильм существует как в кино-, так и в телевизионной версии разного метража.

резкой и уже однозначно антиреволюционной трактовке событий 1917 г., тогда как в «Моонзунде» еще сохранялось некоторое пространство для исторической дискуссии, а также в том, что события 1916–1917 гг. перенесены на Черноморский флот.

Большая часть «Гибели империи» посвящена времени Первой мировой войны, но в весьма специфическом его аспекте – борьбе русской контрразведки с немецким и австрийским шпионажем, которую, судя по фильму, можно считать играющей решающую роль в войне. При этом в фильме есть целый ряд фронтовых сцен, в том числе таких крупных операций, как оборона Ковенской крепости (июль–август 1915 г.) и Брусиловский прорыв (июнь–август 1916 г.).

Ко времени Первой мировой войны относится и небольшая часть действия фильма «Жила-была одна баба» (2011, реж. Андрей Смирнов). Впрочем, война присутствует в фильме только как далекий фон жизни тамбовской деревни, а еще точнее, одинокого хутора. Заслуживает внимания сцена объявления высочайшего манифеста о начале войны (это первый случай, когда его зачитывают в художественном фильме) и ухода мужа главной героини на фронт.

В настоящее время, насколько нам известно, уже завершена работа над сценарием четырехсерийного телефильма – экранизации «Красного колеса» Александра Солженицына (автор – писатель М.Н. Куравев, по сценарию которого в 2011 г.

Николаем Досталем был поставлен исторический сериал «Раскол»). Все четыре узла эпического романа Солженицына так или иначе посвящены событиям Первой мировой войны, первые два – целиком (август 1914 г. и октябрь 1916 г.). В связи с этим можно надеется, что этот краткий обзор вскоре можно будет дополнить экранизацией наиболее значимого после «Тихого Дона» русского эпического романа, посвященного Первой мировой войне.

Обобщая сказанное выше, хотелось бы обратить внимание на основные особенности отражения Первой мировой войны в отечественном кинематографе. Их, на наш взгляд, девять:

1. Статичность восприятия. Это особенно ярко видно в сопоставлении с развитием кинообраза Великой Отечественной войны – от предельно оптимистичных и в то же время тенденциозно-велеречивых картин сталинской эпохи («Небесный тихоход», «Великий перелом», «Берлин», «Сын полка» и многих других) через первые не менее оптимистичные попытки очеловечивания войны на заре и в разгар Оттепели («Летят журавли», «Два Федора», «Баллада о солдате», «Мир входящему» и многие другие) ко всё более и более трагическому и экзистенциальному восприятию ломки человеческой души («Иваново детство», «Был месяц май», «Проверка на дорогах», «А зори здесь тихие», «Двадцать дней без войны», «Восхождение», «Аты-баты шли солдаты» вплоть до «Иди и смотри») и т. д.

В образе же Первой мировой войны не видно динамики — от Эйзенштейна до Смирнова это странная, далекая война без очевидной связи с нуждами народа, от которой народ быстро устал, что стало фундаментом для революции, которая в свою очередь через разложение солдатских масс привела к завершению войны. При этом война почти сразу получила человеческое лицо. Если у Эйзенштейна есть только солдатская масса, то в «Тихом Доне» (1930) и «Человеке с ружьем» она уже получает личностные черты, при этом в экранизации Шолохова — сразу с душевным страданием. Послевоенный кинематограф добавил к этому лишь взгляд на те же события со стороны офицеров, переживающих крушение своего мироздания, но не изменил самого образа войны.

2. Узость восприятия. Указанная выше статичность связана с крайне ограниченным набором тем, которые кинематограф ассоциирует с этой войной. По сути их всего три: а) непонимание смысла войны, из чего следует разочарованность в ней солдат и их гуманистический протест против убийства себе подобных (он, впрочем, есть только в «Тихом Доне» и в «Октябре»); б) развал фронта в результате революции (а также шпионажа, если следовать «Гибели империи»); в) ошибки командования.

3. Отсутствие масштаба. Из всех упомянутых отечественных фильмов о Первой мировой войне (даже из «Гибели империи») невозможно понять, ни сколько она унесла жизней, ни каковы были разрушения,

ни каков был масштаб хотя бы Восточного фронта. Отсюда во многом исходит то, что эта война не переживается как трагедия. Полностью отсутствует в отечественном кинематографе и какое-либо представление об общеевропейском и тем более мировом масштабе конфликта. Западный и Балканский фронты в нем не существуют как явление.

4. Отсутствие характера. Одна из главных тем кинематографа европейских стран и США о Первой мировой войне — это ее позиционный характер, который во многом стал синонимом ее бессмысленности. Достаточно вспомнить экранизации «На Западном фронте без перемен» или «Тропы славы». В отечественном кинематографе ничего подобного нет, эта война лишена каких-либо особенностей или даже просто общих характеристик.

5. Отсутствие врага. Вся странность отечественного кинообраза Первой мировой войны отражена в невозможности ясно понять, с кем, собственно, была война и соответственно зачем она была нужна. Единственная попытка сформировать вражий образ (на наш взгляд, не вполне убедительная), была предпринята в «Гибели империи», но с тех пор так никем и не поддержана. Это коренным образом отличается от восприятия Великой Отечественной и даже Гражданской войны. Если в последнем случае кинематограф развивался в сторону смягчения образа врага, не пытаясь, однако, его затушевать, а скорее примиряя «красных» и «белых», то для фильмов о Великой Отечественной войне за редким ис-

ключением («Летят журавли», «Баллада о солдате») образ врага всегда ясен, резко отрицателен и, как правило, не вызывает сочувствия.

Интересно в этой связи, что резко отрицательный образ русских солдат и офицеров Первой мировой войны в последнее время стал складываться в восточноевропейском кинематографе. Речь идет прежде всего об откровенно русофобском фильме «Йозеф» (2011), целиком посвященном событиям на российско-австро-венгерском фронте в 1915 г.

6. Поздняя героизация. При всем негативном в целом отношении к Первой мировой войне в зарубежном кинематографе он знал и период ее героизации в 1920–1930-е гг. В отечественном кинематографе впервые идея, что и на этой войне были свои герои, была озвучена только в 1987 г. в «Моонзунде», найдя последователей в «Гибели империи» и в «Адмирале».

7. Следование за литературой. Кинообраз войны с самых своих истоков был придавлен двумя глыбами: революциями 1917 г., о чем уже сказано выше, и «Тихим Доном» Шолохова. Роман экранизировался трижды, практически каждым новым поколением советских режиссеров (думаю, не ошибусь, если предположу, что в 2020-е гг. стоит ожидать очередной экранизации). Для киновосприятия Первой мировой войны он стал даже чем-то большим, чем «Война и мир» для образа наполеоновский войн. Не считая более чем сомнительных попыток экранизаций 1913 и 1915 гг., роман Льва Толстого

по существу ставился в России лишь единожды — Сергеем Бондарчуком в 1965 г. И в формировании образа войны он был не одинок — достаточно вспомнить не менее популярный фильм тех лет «Гусарская баллада» (1962, «Мосфильм», реж. Эльдар Рязанов). Влияние же «Тихого Дона» было дополнительно усилено двумя качественными экранизациями «Хождений по мукам» Алексея Толстого, которые лишь подчеркнули верность образного ряда «Тихого Дона». В 2000-е гг. наметился отрыв кинематографа от этих литературных первооснов, но он всё еще очень далек от той «свободы» восприятия, которую имеет зарубежных кинематограф, и, скорее всего, будет заметно ослаблен экранизацией «Красного колеса».

Положительным следствием зависимости отечественного кинематографа от литературы, прежде всего от «Тихого Дона», стал изначальный гуманизм и глубина человеческого восприятия войны, что сразу выдвинуло на первый план психологическое личностное начало, сближая нас тем самым несмотря на всё отмеченное выше малокартинье, с мировым кинематографом.

8. Одножанровость. Почти все отечественные фильмы о Первой мировой войне — это драмы, причем довольно тяжелые. Исключения составляют только «Гибель империи», тяготеющая к детективно-приключенческому началу, хотя и она не лишена трагических нот, явно звучащих даже в самом названии фильма, а также первый эпизод сатирического музыкального фильма «Бумбараш». Это тоже рез-

ко отличает ленты о Первой мировой войне от фильмов о Великой Отечественной и Гражданской войнах, жанровые полюса которых расходятся от мелодраматических комедий («Небесный тихоход», «Крепкий орешек»), приключений («Неуловимые мстители», «Достояние республики»), шпионских детективов («Адьютант его превосходительства», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны»), детских фильмов («Дума про казака Голоту», «Бумбараш», «Сын полка»), даже буффонной фантастики («Мы из будущего») до настоящих трагедий («Одинокий голос человека», «Бег», «...А зори здесь тихие», «Проверка на дорогах», «Восхождение», «Иди и смотри», «В тумане»). То же можно сказать и об интерпретации Первой мировой войны в зарубежном кинематографе.

9. Вторичность. Все отечественные фильмы, так или иначе посвященные Первой мировой войне, — это фильмы совсем не о войне, а о революциях 1917 г. и об истоках Гражданской войны. Образ Первой мировой войны не только не самостоятелен, но вне контекста революции его просто не существует.

В сущности именно Гражданская война заняла в отечественном кинематографе то место, которое Первая мировая война до сего дня занимает в кинематографе Европы и Северной Америки. Схожую ситуацию можно обнаружить разве что в венгерском кинематографе в отношении событий 1919 г., и то далеко не в такой степени (хотя есть, например, явное созвучие между «Одиноким голосом человека»

Александра Сокурова и «Тишиной и криком» Миклоша Янчо).

При этом в зарубежном кинематографе образ Первой мировой войны достаточно быстро и устойчиво приобрел антивоенный характер (см. выше), существенно предвосхитив тем самым антивоенный всплеск в кинематографе США после Вьетнамской войны («Охотник на оленей», «Апокалипсис сегодня», «Взвод» и др.). Кинообраз Гражданской войны в России, наоборот, долгое время был полон пафоса победы, жизненной необходимости, героизма. И наступившее переосмысление, хотя и имело место (уже упоминавшиеся «Служили два товарища», «Дни Турбиных», «Одинокий голос человека» и др.), не придало теме Гражданской войны однозначный антивоенный характер.

В итоге Россия остается, возможно, единственной страной среди ключевых участниц мировых войн XX в., в которой не сложился сильный антивоенный кинематограф. Глубокое переосмысление образа Великой Отечественной войны, начавшееся еще в конце 1950-х гг. с ленты «Летят журавли» и до сих пор не завершенное (из последних фильмов можно отметить «Franz + Polina» Михаила Сегала, «Штрафбат» Николая Досталы, «В тумане» Сергея Лозницы и его же военные новеллы в «Счастье мое» и др.), каким бы критичным оно ни было по отношению к государственной пропаганде и как бы ни заостряло внимание на трагедии отдельного человека, не привело к возникновению однозначно антивоенных фильмов на тему Великой Отечественной войны.

В таких картинах, как «Летят журавли», «Баллада о солдате», «А зори здесь тихие...», «Иди и смотри» и др., содержится тема противостественности войны с точки зрения отдельного человека, но она уживается с не менее очевидной героизацией образа советского солдата и советского человека в целом, противопоставленного в последних двух фильмах врагу-извергу, а в первых — обезличенной стихии войны. В них нет основной темы западного антивоенного кинематографа — бессмысленности войны как таковой. И применительно к Великой Отечественной войне такая тема действительно выглядела бы странно.

Не появились антивоенные ленты и после войны в Афганистане, самый заметный из фильмов о которой «9 рота» (2005, реж. Федор Бондарчук) скорее героизирует ее, чем вопрошает о ее смысле и цене человеческой жизни. Робкие попытки предпринимались только после Второй Чеченской войны¹⁶ («Пленный» Алексея Учителя и «Александра» Александра Сокурова), но пока более чем далеки и по своей художественной силе, и по своему общественному звучанию от антивоенного кинематографа Европы, Северной Америки и даже постоянно героизирующей свое военное прошлое Японии (достаточно

вспомнить «Красного ангела» Ясудзо Масумуры, снятого еще в 1966 г.).

Впрочем, отдельной темой отечественного кинематографа последних 25 лет стали афганский и чеченский синдромы, переживаемые солдатами и офицерами, прошедшими войну, что созвучно теме вьетнамского синдрома в кинематографе США. Однако, что характерно, эта тема стала в России в основном достоянием боевиков (самые известные — «Брат» и «Война» Алексея Балабанова). Заметное исключение здесь составляет только драма «1210» Арсения Гончукова про ветерана Афганской войны, для которого болезненные воспоминания о ней стали содержанием всей дальнейшей жизни.

В целом можно предположить, что отмеченный кинематографический феномен оказывал и продолжает оказывать влияние на общее восприятие в российской культуре войны как исторического явления, что приводит к его заметным отличиям от современного отношения к войне в культурах как минимум Европы и Северной Америки. И истоки этого различия, на наш взгляд, стоит искать как раз в том неполном, узком и в целом ущербном образе Первой мировой войны, который сложился в отечественном кинематографе и в культуре в целом.

REFERENCES

Lebedev N.A. Oчерки istorii kino SSSR. Nemoє kino: 1918–1934 gody. Izd. 2-e pererab., dop. M.: Iskusstvo, 1965. Gl. 1. Kinematograf v dorevoljucionnoj Rossii (1896–1917). Gody Pervoj mirovoj vojny.

¹⁶ Появившиеся сразу после Первой Чеченской войны фильмы «Прокляты и забыты» (1997, реж. Станислав Говорухин) и «Чистилище» (1997, реж. Александр Невзоров), хотя и имели явный антивоенный характер, весьма условно могут быть отнесены к художественным фильмам, и, кроме того, даже на момент создания отличались заметной тенденциозностью.

Nusinova N.I. Russkoe kinematograficheskoe zarubezh'e (1918–1939) i problema vzaimointegracii kul'tur: Dis. ... d-ra iskusstvovedenija. M., 2004.

Paris M. The First World War and Popular Cinema: 1914 to the Present. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2000.

Velikij Kinemo: Katalog sohranivshihsja igrovyh fil'mov Rossii (1908–1919). Katalog. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Великий Кино: Каталог сохранившихся игровых фильмов России (1908–

1919). Каталог. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. Изд. 2-е перераб., доп. М.: Искусство, 1965. Гл. 1. Кинематограф в дореволюционной России (1896–1917). Годы Первой мировой войны.

Нусинова Н.И. Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимоинтеграции культур: Дис. ... д-ра искусствования. М., 2004.

Paris M. The First World War and Popular Cinema: 1914 to the Present. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2000.

ИНТЕРВЬЮ С В.П. КОЗЛОВЫМ

Научное изучение истории невозможно без обращения к архивным документам. О сегодняшнем состоянии архивного дела в нашей стране, о проблемах с сохранением, рассекречиванием и публикацией архивных документов наш корреспондент М.В. Батшев в декабре 2014 г. побеседовал с доктором исторических наук, профессором Владимиром Петровичем Козловым, возглавлявшим с 1996 по 2004 Федеральную архивную службу России, а с 2004 по 2009 г. — Федеральное архивное агентство.

М.Б. В каких отношениях вы были с С.О. Шмидтом?

В.К. Отношения у нас с ним были довольно сложные. На первом этапе он в значительной степени определил мою судьбу. Я учился на первом курсе Историко-архивного института, на вечернем отделении и одновременно с этим работал каменщиком на стройке.

Однажды меня пригласил на заседание его знаменитого кружка один из моих сокурсников и там я впервые познакомился со Шмидтом. Я его заинтересовал, и он вместе с А.И. Комисаренко ходатайствовал о моем переводе на дневное отде-

ление перед тогдашним ректором Историко-архивного института. Это был первый период в наших отношениях, я бы сказал, период теплый и дружеский. Потом наши отношения несколько охладели, но я всё равно выступал с докладами на заседаниях его кружка.

Охлаждение в наших отношениях, может быть, было связано с тем, что я женился на дочери А.А. Зимина, а у них с Сигурдом Оттовичем были сложные отношения, и с его стороны по отношению ко мне могла присутствовать какая-то ревность.

А потом все 80–90-е и нулевые годы у нас были очень хорошие и ровные отношения. Я был очень благодарен ему, что он хорошо выступил на 90-летию моего покойного тестя, и в знак благодарности написал о нём теплую статью, и он успел ее прочитать. Я рад, что он ушел из жизни, прочитав эту статью, и насколько мне известно, своим ученикам он говорил, что она ему очень понравилась.

Если оценивать его деятельность в целом, то это был выдающийся человек. В первую очередь это, конечно, выдающийся педагог, который сумел на протяжении не-

скольких десятилетий воспитать и заинтересовать историей не одно поколение студентов Историко-архивного института, привить им любовь не просто к истории, но и к первоисточникам. Другой его выдающейся заслугой я считаю пропаганду документальных первоисточников в изучении истории. Еще стоит отметить его деятельность как москвоведца, организатора краеведческого движения, но эта сторона его деятельности мне известна мало.

М.Б. *Какая часть научного наследия Сигурда Оттовича вам представляется наиболее значительной?*

В.К. Я бы на первое место здесь поставил его работу, опубликованную еще в 1968 г. в сборнике «Теоретические проблемы источниковедения». Это был прорыв, и многие положения, которые впервые были обозначены в той его работе, сохраняют свое значение до сих пор.

Мне очень интересен цикл его работ, связанных с пропагандой и изучением документальных памятников. Они вошли в последний его сборник, который, кажется, называется «Источниковедческие и археографические документальные заметки».

М.Б. *В процессе подготовки к интервью я прочитал вашу последнюю книгу «Основы теоретической и прикладной археографии», которая вышла в издательстве «РОСПЭН». Могли бы вы кратко сформулировать, чем ваша теория археографии отличается*

от взглядов ваших коллег, в частности В.Ю. Афиани; свидетелем вашей дискуссии с ним на конференции в РГАСПИ я был недавно.

В.К. Моя последняя книга по археографии называется «Археографическое обозрение России» и она вышла в прошлом году.

М.Б. *Извините, не попадалась она мне.*

В.К. Понимаете, существует широкое и узкое понимание археографии. Широкое понимание археографии восходит к началу XIX в., к известной фразе П.М. Строева, гласившей, что основная задача археографии «извлечение и приведение в известность всех памятников наших древних письмен».

На том момент это определение было правильно и включало в себя собирание, описание и издание документальных источников. Оно было правильно в силу того, что во времена П.М. Строева не существовало археографии как самостоятельной дисциплины, связанной только с изданием источников. Она была тесно связана с открытием источников. Нашли «Судебник» 1497 г., сразу же его и издали, нашли памятники словесности XII в., тексты Кирилла Туровского, тоже их сразу и издали.

Архивное дело пребывало тогда в зачаточном состоянии. Вопросы, связанные с комплектованием архивов новыми документами, носили случайный характер, описание архивных документов было неразрывно связано с их открытием и ком-

плектованием. Все три составных части архивного дела были тогда неразрывно связаны и объяснялись архивной практикой того времени.

С тех пор прошло два века. Архивное дело сегодня — это самостоятельная сфера гуманитарного знания и приложения практических усилий. Вопросы описания, как и комплектования архивных документов, находятся сейчас всецело в компетенции архивоведения.

В процессе комплектования архивных документов на наших глазах происходят изменения. Практически прекратилась полевая археография, которая занималась сбором рукописных книг в среде их бытования, у населения. Всё, источник комплектования иссяк. Но зато сохраняется комплектование архивов документами личных фондов.

Поэтому объединять сегодня все эти стадии под одним пониманием археографии невозможно и неправильно. Сама археография выросла из тех пеленок, в которые ее одевали в XIX в. Тогда она в большей степени была связана с публикацией памятников древнерусской литературной традиции. В понятие археографии на рубеже XIX–XX вв. не включали публикации фото- и фонодокументов. В наше время фотодокументы, фонодокументы, а также многочисленные электронные публикации давно стали полными частями археографии.

Мне представляется, что попытка по-прежнему соединять в археографии три разошедшихся направления является бесперспективной.

Сегодня археография — это такая сфера научного знания, которую можно было бы определить как научную дисциплину, которая занимается взаимодействием документального источника и общественного сознания. Это взаимодействие и осуществляется через документальную публикацию. В последние 25 лет в этой сфере произошли коренные и колоссальные изменения, которых никогда не было в истории нашей археографии.

Дореволюционное «Русское историческое общество» делало замечательные вещи, оно публиковало документы исключительно по XVIII в. включительно. Документы XIX в. были для них табу. Сегодняшняя археография периода последних 25 лет публикует документы совсем недавнего нашего прошлого, истории XX в. Сегодня публикуются самые разные документы, в том числе и те, которые входили в систему тайного документирования, негласно регулировавшего все процессы жизнедеятельности советского общества.

Я понимаю, что за отстаиванием широкого понимания термина археография лежат прагматические мотивы. Существует археографическая комиссия, которая давно занимается собиранием, описанием и изданием документов. При этом я отдаю себе отчет, что мой подход подрывает сущность деятельности археографической комиссии. И поэтому я не стараюсь себя вести агрессивно по отношению к ним.

М.Б. Вам не кажется, что ваш подход к пониманию археографии приводит вас на территорию историковедения?

В.К. Я так не думаю. В источниковедении тоже хватает своих проблем. Существующая кафедра источниковедения историко-архивного института долгое время называлась кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мне такое название всегда казалось странным. Если у нас есть кафедра источниковедения, то она должна охватывать все виды документальных источников, вещественные в том числе.

Если у нас есть кафедра вспомогательных исторических дисциплин, то кафедра источниковедения должна иметь свой профиль — документальное источниковедение. Давайте вспомним, чем занимались все знаменитые профессора Историко-архивного института — Андреев, Черепнин, Зимин, Шмидт — все они занимались документальным источниковедением.

Я не думаю, что здесь есть какое-то вторжение, но весь цикл вспомогательных исторических дисциплин, безусловно, переплетается друг с другом. Но при этом совершенно очевидны задачи документального источниковедения. Первая задача — определение подлинности. Вторая — определение достоверности. Третья — выработка механизма анализа больших массивов документов, характерных для документированных обществ XVIII–XXI вв.

А также нельзя забывать и о продолжении традиционных источниковедческих исследований. Я недавно прочитал в рукописи статью одного питерского исследователя, который анализирует манифест

Николая II об отречении от престола. Статья блестящая. Автор приходит к выводу о том, что манифест по сути своей был сфальсифицирован. Один из основных документов нашей истории XX в. оказывается фальсификатом, который сделали некоторые деятели Февральской революции.

М.Б. Как вы относитесь к идее создания единого учебника истории в школах и в высших учебных заведениях?

В.К. Я отношусь к этому позитивно. Почему ни у кого не вызывает сомнения единый учебник по математике? Они могут, конечно, варьироваться, но очень несущественно. Современному человеку жить без знания элементарных математических формул очень тяжело. Как можно без знания математики вычислить площадь своей недвижимости или понять, правильно с вас удержали налоги или нет? Так и история для школьника должна быть обязательным предметом. По моему мнению, история для школьника — это как знаменитые канаты Останкинской телебашни, которые позволяют ей раскачиваться, но не позволяют падать. Без знания истории невозможна повседневная жизнедеятельность нашего общества.

В определенные периоды история начинает играть очень важную роль в понимании событий, происходящих вокруг нас. Особенно это видно на примере происходящего в Украине. Там труды местных историков сыграли свою роль в складывании сегодняшней ситуации.

Я сам был причастен к отстаиванию идеи, что голодомор на Украине нельзя считать геноцидом. Нам удалось подготовить трехтомное издание документов, относящихся к тем событиям. Чиновники из администрации президента долго сопротивлялись рассекречиванию многих основополагающих документов по теме голода. Они мотивировали это тем, что идея голода как геноцида может появиться не только в Украине, но и в Казахстане, и в других республиках бывшего СССР. Но как мы можем видеть, ничего этого не произошло.

Суть нашего подхода при подготовке издания состояла в том, что коллективизацию и раскулачивание, условия для наступившего потом голода создавали не только официальные решения Политбюро, которые мы давно рассекретили и опубликовали, но и то, что страна находилась на ручном управлении. А ручное управление заключалось в том, что члены Политбюро беседовали с руководством тех или иных регионов по трубке ВЧ или языком шифрованной телеграммы. Записи ВЧ и шифротелеграммы и показывают, что творили Сталин, Молотов, Каганович. Эта тройка всё решала.

Первое письмо мое в администрацию президента о том, что нам надо начинать работу по рассекречиванию документов по голоду было в 2001 или 2002 г., сейчас точно не помню уже. На него не было никакой реакции.

В результате у нас, в отличие от коллег из Украины, работа по рассекречиванию документов по теме голода

началась с отставанием на 5–7 лет. Они издали сначала общие документы по Украине, а потом отдельно по каждому региону.

После публикации нашего трехтомника стало понятно, что голод на территории Украины был не специально устроен, а являлся частью устроенного тогдашней партийной верхушкой голода, который охватывал и другие республики бывшего СССР. Мы смогли доказательно продемонстрировать, что голод, с разной степенью жестокости, конечно, в то время охватил не только Украину, но и Поволжье, Северный Кавказ, Казахстан и Белоруссию.

Я считаю, что единый учебник истории нужен. Он позволял бы школьникам знать свою историю в минимальных размерах, как учебник арифметики позволяет им минимально знать математику. Этот учебник должен позволить им задуматься над многими проблемами и событиями нашей истории.

Относительно единого учебника для вузов всё не так просто. Дело в том, что в наших вузах еще кое-где сохраняются остатки определенных исторических школ. Их очень мало, но они еще есть. Если брать историко-архивный институт, то в нем пока идея документа как превалярующей формы познания прошлого еще существует и развивается.

Если брать Московский университет, то там еще сохранились остатки школы Милова и Ковальченко. Когда существуют такие школы, то можно позволить себе издавать учебники, написанные на основе

трудов той или иной школы. Но вопрос, как мне думается, в большей степени в том, что же все-таки в учебнике должно быть.

Я не знаю, в каком состоянии сейчас работа над концепцией единого учебника. Но если судить по тому, что наш президент вдруг собрал в Музее современной политической истории молодых историков и заявил, что им предстоит писать новый учебник истории, то это очень странный подход, на мой взгляд. Если мы говорим, что история это наука, то почему надо проводить селекцию авторов учебников по возрастному принципу? Единый историко-культурный стандарт, который разрабатывала комиссия Чубарьяна, уже что, не устраивает? У меня к ней, конечно, есть вопросы.

М.Б. Какие конкретно?

В.К. В России на протяжении нескольких веков начиная с XVII в. принадлежность к тому или иному сословию значила очень много. В проекте стандарта не сказано об этом ни слова. Говорить скороговоркой, что Смута это был переход к гражданской войне и стыдливо умалчивать, что на самом деле это была настоящая гражданская война.

М.Б. Как вы относитесь к новой официальной моде ставить памятники царям?

В.К. Ставят памятник Александру I. Я его видел пока только по телевизору, но всё собираюсь пойти посмотреть. Главный смысл памятника — Александр I — победитель

Наполеона. Согласен, если не будем вспоминать, что большую часть компании 1812 г. он провел в Санкт-Петербурге и в сражениях не участвовал. Но разве можно сводить всю личность Александра I только к этому? А то, что это был первый проблеск реформ, что при нём была первая попытка освобождения от крепостного права? Ни слова об этом. Только война.

М.Б. Что вы считаете вашим самым большим успехом в должности руководителя Росархива?

В.К. Я не задумывался об этом в таком ключе. Хотя написал целую книгу о жизни — «Бог сохранил архивы России». Я думаю, что было очень важно в 90-е гг. сохранить у людей оптимизм и объединить их для спасения архивов, по крайней мере на федеральном уровне.

У нас с моими замами это получилось. Были страшные моменты, когда уходила милиция, когда отключал Лужков отопление. Всегда наши архивисты оказывались на высоте и с честью выходили из всех сложных ситуаций. Многие ушли, но основной костяк остался.

Когда я работал в Росархиве, и как заместитель руководителя, и как руководитель, то всё время курировал сферу использования документов. Эта сфера в итоге оказалась самой продвинутой. Удалось продвинуться и в отношении рассекречивания документов, и в плане новых публикаций документов, как в традиционном виде, так и в электронной форме. Это, наверно, можно считать моим успешным деянием.

При моем активном участии было разработано и принято два закона: «Основы законодательства об Архивном фонде» и «Закон об архивном деле».

К сожалению, жизнь идет вперед очень быстро, и в «Законе об архивном деле» обнаружились недостатки, которые пока не поправили. В законе отсутствует упоминание о том, кому принадлежат и кто обеспечивает сохранность документов территориальных подразделений органов федеральной исполнительной власти. Ситуация неопределенности с этой разновидностью ведомственных архивов тянется с 2004 г.

От безвозмездного хранения этих документов, являющихся федеральной собственностью, отказываются архивы субъектов федерации. Они согласны их хранить, но только за дополнительную плату. В свою очередь в Москве нет возможности хранить все эти документы. В результате судьба их неопределенна уже на протяжении 10 лет.

М.Б. А есть что-то такое, что вам не удалось сделать в Росархиве, а очень хотелось?

В.К. Не удалось прежде всего пробить достойную гарантийную заработную плату архивистам. Сегодняшняя система оплаты, конечно, лучше, чем была в мое время. Но сегодняшняя система оплаты выглядит временно и провоцирует архивистов больше времени уделять зарабатыванию внебюджетных средств, обеспечивая таким образом благосклонность Министерства

финансов, которое теперь каждый год по результатам работы архивистов выделяет им дополнительные премиальные средства.

Нам не удалось до конца разрешить проблему полнок. Массив документов, поступивших в федеральные архивы после семи административных реформ, в ходе которых сливались и разделялись многочисленные министерства и ведомства, оказался очень большим. Особо странной оказалась административная реформа 2004 г., когда новые административные структуры не стали правопреемниками своих предшественников. В результате они на законных основаниях могли бросить архивы своих предшественников. Нам предлагали забирать эти документы, но нам физически их некуда было даже складывать.

Однако нам удалось кое-что сделать в этом направлении. Было построено новое здание Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге площадью 60 000 кв. м, но при этом мы лишились старого здания, я имею в виду комплекс зданий Сената и Синода. Удалось построить новое здание для архива Военно-морского флота, но мы потеряли то здание на Сенатской площади, где он размещался раньше.

На Профсоюзной улице в Москве был достроен архивный долгострой, который начинали строить еще во времена СССР. В этом здании мы разместили часть архива экономики и часть архива комсомола. Но при этом мы лишились площадей комсомольского архива, ко-

торый ныне занимает Центральная избирательная комиссия.

Таким образом, подводя баланс, понимаешь, что вроде удалось построить новые здания для архивов, но, подсчитывая метраж площадей, которые у архивов были и которые они получили, понимаешь, что увеличения площади для хранения документов на самом деле не произошло.

М.Б. Представители КПРФ периодически заявляют в СМИ, а также пишут на своих сайтах, что некоторые документы, которые были рассекречены в 90-е гг., являются на самом деле искусно выполненными подделками. Вы знакомы с их аргументами? Могли бы как-то их прокомментировать?

В.К. Я не знаю, о каких документах конкретно идет речь. Но если говорить конкретно о документах, связанных с Катынью, то основные документы: решение Политбюро от марта 1940 г. и Записка Шелепина Хрущёву абсолютно точно подлинные. Я лично держал их в руках и удостоверял потом копии, кото-

рые отправлялись в Польшу Л. Валенсе.

Но проблема не только в них. За ними потянулся огромный шлейф других документов, прежде всего конвойных войск, которых очень много и их сфальсифицировать просто невозможно. Они все опубликованы в специальном издании, в том числе и с фотокопиями оригиналов наиболее важных документов.

Пусть кто-то из этих коммунистических «источниковедов», вроде Ю. Мухина, попробует аргументированно это опровергнуть, а не строить свои заключения только на том факте, что я специалист по истории фальсификаций, который хорошо знает, как фальсифицировать документы.

И раз уж мы об этом заговорили, то добавлю, что отсутствие номера и даты на решении Политбюро, о котором так любят говорить эти люди, объясняется, на мой взгляд, тем, что документ был настолько секретным, что Берия просто не стал его регистрировать, а всё время носил с собой в портфеле.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва)

Белогорьев Алексей Михайлович, историк, экономист, выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуры института славяноведения РАН, заместитель генерального директора Института энергетической стратегии (Москва)

Ведерников Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Санкт-Петербург)

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарных и социально-экономических дисциплин» РАНХиГС (Оренбургский филиал) (Оренбург)

Голубев Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Россия), докторант Университета Британской Колумбии (Канада)

Кравцова Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Курского госу-

дарственного медицинского университета (Курск)

Лейбович Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры (Пермь)

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж)

Лямзин Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры евразийских исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (Екатеринбург)

Новосельцев Борис Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Рупасов Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

Смолин Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новей-

шего времени Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург)

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва)

Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань)

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва)

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Хаванова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва)

Шевченко Руслан, доктор истории (Молдова)

Эрлих Сергей Ефреимович, кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург)

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректур
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книоторговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25

или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru